

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА в начале XX века

XI Муромцевские чтения

Материалы
Международной научной конференции
11-12 октября 2019 г., г. Орёл
Часть II

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова

Орёл
Издательский Дом «Орлик»
2019

УДК 9
ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6
Р764

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор А.А. Кара-Мурза,
Доктор исторических наук, профессор В.В. Журавлев

Р764 **Российский либерализм и Государственная Дума в начале XX века:** материалы Международной научной конференции XI Муромцевские чтения, (11-12 октября 2019 г., г. Орёл): в III ч. Ч. II. / под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова. – Орёл: Издательский дом «ОРЛИК», 2019. – 196 с.

ISBN

В первую часть настоящего сборника вошли материалы «Муромцевских чтений», прошедших в 2019 г. Они имеют целью показать результаты изучения столь знаковой для либерализма как политического течения и мировоззрения темы, как понимание и трактовка такого способа социального управления, как парламентаризм.

Вторую часть сборника составляют материалы предшествующих Муромцевских чтений, посвященные парламентскому периоду в истории российского либерализма в начале XX в. В совокупности материалы первой и второй части «Муромцевских чтений – XI» позволяют также составить представление о динамике изучения отношения российских либералов к парламентским методам реализации модельного сценария преобразования социально-политического строя России.

Ряд статей посвящен как ряду традиционных направлений работы «Муромцевских чтений», так и месту и роли в этом процессе их соседей по политическому лагерю как слева, так и справа, современным аспектам восприятия либерализма в российском социуме, формированию институтов гражданского общества.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20032

УДК 9
ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

ISBN

© Издательский дом «ОРЛИК», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.Г. Березовая</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	6
<i>В.А. Демин</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ОКТЯБРИСТОВ	32
<i>П.Ю. Савельев</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТОВ И КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ (1906–1907 гг.)	43
<i>И.В. Омелянчук</i> С.Ю ВИТТЕ: КРИТИКА СПРАВА	52
<i>В.В. Соколов</i> ОГРАНИЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИИ НАЧАЛА ХХ в.	66
<i>Е.К. Золотухина, П.А. Калугин, Е.А. Якунина</i> ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПРОГРАММЕ МОСКОВСКОГО ЦК «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»	76
<i>И.Ю. Зубарев</i> АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ НАЧАЛА ХХ в.: К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ И СПЕЦИФИКИ СОСТОЯНИЯ	83
<i>В.А. Ливцов, Р.А. Богатырев</i> ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ О МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ГЕРОЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ГЕНЕРАЛА А.П. ЕРМОЛОВА В г. ОРЛЕ В НАЧАЛЕ ХХI в.)	89

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА	
<i>В.В. Шелохаев</i> ЛИБЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОНФЕССИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В III – IV ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ	97
<i>Д.В. Аронов</i> ДУМСКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО 1906- 1917 гг.: НЕВЫУЧЕННЫЙ УРОК ИЛИ РАБОТА НАД ОШИБКАМИ	103
<i>Д.М. Усманова</i> ДУМСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ТРИВИАЛЬНЫЕ СКАНДАЛЫ ИЛИ ФОРМА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОБСТРУКЦИИ?	115
<i>Ф.А. Селезнёв</i> ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО БУРЖУАЗИИ В ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (1906–1907 гг.)	135
<i>Е.А. Татаренкова</i> НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ И ИХ ОЦЕНКА (Ф.И. РОДИЧЕВ И ИНЦИДЕНТ В ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ)	144
<i>А.А. Сорокин, Ф.А. Селезнев</i> КАДЕТСКАЯ ФРАКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА МЕСТНОГО СУДА (1907-1912 гг.)	149
<i>Ф.А. Гайда</i> КАДЕТЫ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕПАРЛАМЕНТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ АКТИВНОСТИ В ТРЕТЬЕИЮНЬСКИЙ ПЕРИОД	161
<i>Р.А. Циунчук</i> ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПРОГРАММАХ И ПРЕДВЫБОРНЫХ ДУМСКИХ ПЛАТФОРМАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО И ЗАПАДНОГО КРАЯ	170

М.Д. Карпачев

**ВЛАСТЬ И ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ III И IV
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТ
ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ**

180

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Первое в истории России полноценное представительское учреждение – Государственная Дума – существовала немногим более одиннадцати лет. Помимо иных новшеств, она формировала новый тип государственного человека – избранного по специальному закону депутата, обладавшего принципиально иной легитимностью. Во многом стихийно депутаты определяли свое поведение в обществе, взаимоотношения с другими властными структурами, а также собственный облик, манеры, политические приемы. Пришедшие из разных слоев российского общества народные представители практически «на ощупь» формировали те черты, которые объединяли их, выделяли в отдельную от чиновничества группу политических деятелей во власти. Новый тип политика формировался не только на официальных заседаниях Думы и в ходе обсуждения конкретных вопросов. Важным фактором его формирования была «политическая повседневность», т.е. внешние формы статусного уровня народного избранника. Практики политического поведения народных избранников определялись рядом внешних обстоятельств их деятельности: помещение для думских заседаний и думские «кулуары», обстановка заседаний, источники думской информации, денежное вознаграждение, формы контактов с другими органами власти, в первую очередь, с главным источником власти в России – императором. История дореволюционных Государственных Дум имеет огромную профессиональную историографию². Однако как бытовая, так и политическая повседневность жизни депутатов во многом остаются на периферии исследовательского интереса. Только в последние годы появились труды, в той или иной степени захватывающие данную проблематику³.

¹ *Березовая Лидия Григорьевна – доктор исторических наук, профессор.*

² См. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. Список литературы.

³ Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. М., 1996; Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной

Когда в процессе Первой русской революции создавался проект представительного учреждения, возник вопрос о размещении нового органа власти. Почти без особых споров под учреждаемую Государственную Думу был отдан пустующий Таврический дворец, который изредка использовался под масштабные выставки. Помещения дворца готовили больше года, хотя большой переделки не потребовалось. За небольшим круглым залом после вестибюля располагался овальный Екатерининский зал с колоннадой, а затем большое помещение Зимнего сада. На месте Зимнего сада в 1906 г. был устроен Общий зал для заседаний Думы. Он был построен амфитеатром, что определило и рассадку депутатских групп «по секторам», в равном удалении от трибуны председателя. Как позже оказалось, переделка была произведена недостаточно качественно, и в марте 1907 г. в период работы II Государственной Думы в зале обвалился потолок. Император и двор узнали об этом на балу в Павловске, опасались разговоров о покушении на народных избранников, но конфликт II Думы с правительством уже набрал высокую остроту по иным причинам, кончившуюся роспуском Думы, и происшествие с потолком скоро было забыто. Летом 1907 г. уже в период деятельности III Думы в зале был сооружен стеклянный купол для улучшения освещения, и зал стали называть Купольным. Величественность залу добавляли три старинные красивые люстры, свисавшие с потолка.

Интерьер зала для заседаний соответствовал торжественности Думы. Над председательским местом висел балдахин, а само место было ограждено низким бордюром, так что, по словам думской журналистки С.И. Смирновой-Сазоновой, он сидел «словно в сундуке». Над председательским местом помещался большой портрет императора в полный рост. Непосредственно перед председателем располагалась трибуна для ораторов. Выступающий заметно возвышался над коллегами, поскольку к трибуне надо было подниматься по нескольким ступенькам. Еще ниже рядом с трибуной располагались места для стенографисток.

думы и дуэльные скандалы 1906–1917 годов. СПб., 2018; Кирьянов И.К. Российские парламентарии нач. XX века: новые политики в новом политическом пространстве. М., 2009; Патрикеева О.А. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С.И. Смирновой-Сазоновой. 1906–1917 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 133-141 и др.

Места для депутатов располагались полукругом в 13 рядов. Сиденья были серо-сиреневого цвета, кожаные, откидные, с личными номерами на креслах. Министерская ложа располагалась справа от председателя, министры сидели лицом к депутатам. Слева находилась ложа для корреспондентов. Обыкновенно этих мест не хватало и приходилось размещать часть корреспондентов на хорах. Хоры для посетителей помещались в глубине зала напротив председательского места. Попасты туда можно было, получив пригласительный билет от какой-либо думской фракции или лично от депутата.

Рядом с залом заседаний в огромном Екатерининском зале с колоннами, еще более роскошном, находились «кулуары» Думы. От знаменитой Таврической выставки русского искусства, устроенной С.П. Дягилевым в 1905 г., здесь остались скульптуры и портреты русских императоров и некоторые предметы интерьера XVIII–XIX вв. Небольшой Полуциркульный зал, располагавшийся позади зала заседаний, использовался для работы комиссий, для встреч и совещаний членов Думы, для частных совещаний. Двери зала выходили в прекрасный Таврический сад, где в хорошую погоду в перерывах между заседаниями депутаты гуляли и отдыхали. Здесь имелся и небольшой пруд, по которому иногда катались на лодках. В отдельных комнатах Таврического дворца заседали думские комиссии, постоянные и временные, проходили совещания фракций Думы.

Важным местом для общения оказался буфет Думы. Здесь депутаты завтракали и обедали, как правило, «по фракциям», невольно копируя деление зала. Но в отличие от думского зала, здесь нередко присутствовали лидеры политических партий, влиятельные политики, которые не стали депутатами. Не попавший в I Думу П.Н. Милюков даже гордился упреками в том, что он будто бы «дирижирует Думой из буфета». Среди подсобных помещений Думы важное место занимала библиотека, созданная по решению I Думы в составе ее Канцелярии, а затем ставшая самостоятельной частью думского аппарата. Библиотека составляла обзоры печати, готовила материалы для обсуждавшихся вопросов¹. Кроме того, библиотека служила подспорьем для самообразования депутатов

¹ См. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001.

«из народа», что было особенно важно для I и II Государственных Дум. Ко времени работы IV Думы библиотека насчитывала более ста тысяч томов и получала около тысячи газет и журналов. Значительную помощь депутатам в понимании ими своей роли играла также Канцелярия Думы, где готовились к обсуждению документы, материалы, стенограммы заседаний и др.

Поддержанием порядка в Таврическом дворце занималось специальное военно-полицейское подразделение, насчитывавшее около ста человек. Среди них имелись и тайные агенты полиции. Приставская часть аппарата Государственной Думы наблюдала за порядком в помещениях, выдавала пропуска посетителям Думы, вела учет посещений заседаний депутатами в первых двух думах, когда оплата депутатам шла за каждое заседание отдельно. Таким образом, сама обстановка великолепного Таврического дворца заставляла депутатов верить в свое высокое предназначение и формировала соответствующее поведение.

Радикальным отличием думской работы от деятельности всех иных высших органов власти являлась демонстрируемая связь с обществом, с избирателями. С самого начала работы Думы она придерживалась практики открытых заседаний (за редкими исключениями) по примеру английского парламента. На открытых заседаниях могла присутствовать пресса и публика. Таврический дворец в период работы Первой Думы вообще был практически открыт для всех желающих. Как вспоминал позже Милюков, не попавший в I Думу, он «мог следить за ходом прений не только сверху, с хор, но и снизу, из ложи журналистов, налево от ораторской трибуны. Общение с депутатами отсюда было постоянное»¹.

В коридорах, у дверей зала заседаний в 1906 г. не раз кипели бурные митинги, на которых присутствующие требовали от депутатов поддержать или отвергнуть какой-либо закон. Обстановка постоянного нервного митинга мешала положительной работе. Этот опыт был учтен, и после ремонта во дворце в 1906-1907 гг. места для публики и прессы были отделены от депутатских мест металлическими барьерами, а позже приглашенным был совсем запрещен проход в иные, кроме зала заседаний, помещения

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. т. 1. М., 1990. С. 366.

Думы. Несмотря на установку на открытость, количество мест для прессы и публики было недостаточным, а практика выдачи специальных пропусков для посещения с заявлениями за 2-3 дня ограничивала количество посторонних. Депутаты пользовались правом приглашать на заседания своих знакомых, но это право подчинялось жесткой регламентации по численности и очередности. Для публики «с улицы» отводилось 25 мест на хорах по предварительной записи. Экскурсии от учебных заведений записывались также заранее¹. Обычно повышенный интерес публики вызывали «большие думские дни», когда обсуждались крупные вопросы с приглашением министров или просто ожидался скандал с выступлением В.М. Пуришкевича, Ф.И. Родичева, П.Н. Крупенского, Н.Е. Маркова-2-го, других известных остротой своих выступлений ораторов. Правила допуска посторонних лиц постепенно формализовались и ужесточались уже в период заседаний «митинговой» II Думы.

Первоначально депутаты испытывали известные затруднения даже в выборе одежды для думских занятий. Официального правила не существовало, парадный фрак исключался в силу демократизма учреждения. Постепенно привились сюртук или пиджачная пара как наиболее подходящий деловой костюм. Однако в зале заседаний находились священники в своем облачении, национальные депутаты, сохранявшие приверженность к традиционной одежде². Общепринятый облик депутата складывался постепенно. Правила для помещений Думы запрещали лишь находиться в верхней одежде, «иметь при себе головной убор, бинокли, трости, палки, оружие и всякие иные тому подобные предметы». Запрещалось разговаривать во время заседаний, а также каким-либо образом выразить свое отношение к тому, что происходило в зале заседания. Места в зале для участия в заседаниях занимали по звонку («Правила 8 марта 1906 г. об охране беспрепятственной деятельности Думы»). Правила поведения во время работы Думы должны были

¹ См. статью «Публичность заседаний» // Государственная дума Российской империи: Энциклопедия. М., 2008. С. 507-508.

² См. подробнее: Кирьянов И.К. Дресс-код российских парламентариев начала XX в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 2.

демонстрировать чрезвычайную важность нового органа власти, повышать самооценку избранных депутатов.

Важным условием работы народных представителей являлась обратная связь с избирателями, с обществом. Именно в общественной поддержке Дума могла черпать свою силу и легитимность. Главным орудием такой связи была думская пресса. В Думе были аккредитованы как российские, так и зарубежные корреспонденты. Аккредитованным в Думе журналистам выдавали именные билеты. Они работали в небольшой комнате № 35 рядом с библиотекой. Журналисты часто жаловались на недостаточное количество мест в зале заседаний (всего было приготовлено поначалу 34 кресла), на неудобные дополнительные места на хорах. III Дума еще больше сократила количество мест для журналистов (осталось 47 мест для российских газет и 23 для зарубежных), журналистов перестали пускать в «кулуары» Думы и затрудняли встречи с депутатами. В Думе на постоянной основе работали известные журналисты А.А. Пиленко и А.И. Ксюнин. Их думские отчеты печатались большей частью в газете «Новое время». Там же появлялись популярные фельетоны журналистки С.И. Смирновой-Сазоновой¹.

Думские журналисты обладали высоким профессионализмом. Председатель Общества думских журналистов Пиленко принадлежал к ведущим журналистам газеты «Новое время», являлся автором трудов по авторскому и международному праву, профессором Санкт-Петербургского университета. Его называли «королем думского репортажа». В своих обзорах о деятельности Думы он постоянно вносил предложения о порядке ее деятельности, первым провел социологическое исследование состава Думы². Пиленко с самого начала утверждал, что «Дума не имеет смысла без прессы <...> поскольку она через печать будет находиться в постоянном, живом, непосредственном <...> общении

¹ Смирнова-Сазонова С.И. фельетоны: «Наши законодатели», «Русь в парламенте» // Новое время. 1909. 28 янв. См. также: Патрикеева О.А. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С.И. Смирновой-Сазоновой. 1906–1917 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 2.

² См.: Зарубинский Г.М., Ставинский Е.Н. К 125-летию со дня рождения российского правоведа Александра Александровича Пиленко // Правоведение. 1999. № 2. С. 53-68

с избирателями»¹. Сам Пиленко был прилежнее в думских занятиях, чем некоторые депутаты. Только в III Думе он посетил около 450 заседаний, пропустив всего шесть. Фельетонистка Смирнова-Сазонова с иронией писала: «Пиленко держит себя с апломбом крупного политического деятеля»². Другого известного думского журналиста Ксюнина газета «Речь» характеризовала как «журналиста с орлиным профилем», имея в виду уровень его репортажей. Он также пытался влиять на процесс формирования парламентской практики в России, опубликовав популярную брошюру по опыту выборов в I и II Думы³. Заслугой парламентских журналистов являлось выстраивание связи между депутатами и общественностью. Общение с прессой входило в необходимые навыки депутатской работы.

Стенограммы заседаний расшифровывались и перепечатывались для распространения. Речи депутатов частично или полностью печатались в газетах. По свидетельству А.В. Тырковой-Вильямс, стенографический отдел в Думе быстро набрал профессионализм. В III и IV Думах стенографические отчеты депутаты и журналисты получали иногда в тот же день в конце заседания, хотя в I Думе они подчас опаздывали на 10-12 дней⁴. Однако острые выражения и выпады в публикуемых стенограммах заменялись многоточием или пробелами. С 1914 г. действовала военная цензура, которая распространилась и на публикации из Думы. С осенней сессии 1916 г. во время противостояния правительства и Думы «белые пятна» в газетных отчетах стали использоваться оппозиционной прессой для усиления остроты выступлений депутатов. Знаменитую речь Милюкова 1 ноября 1916 г. с рефреном «глупость или измена?» печатать запретили совсем, и она распространялась в литографических оттисках. В начале 1917 г. показывать белыми пятнами или многоточием цензурные сокращения в стенограммах газетам вообще было запрещено. Полные стенографические

¹ Пиленко А.А. Государственная Дума и печать // Новое время. 1907. 1 января.

² Цит. документ РО ИРЛИ РАН по: Патрикеева О.А. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С.И. Смирновой-Сазоновой. 1906–1917 гг. // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 135.

³ Ксюнин А.И. Что такое Государственная Дума?: Конституционная монархия. Права и обязанности народных представителей. Выборы. СПб., 1907.

⁴ Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Воспоминания. М., 1994. С. 400.

отчеты стало затруднительно посылать в другие города, что стали делать с озабоченностью. «Страстные» речи депутатов в феврале 1917 г. просто перестали печатать. Популярность Думы и депутатов самым тесным образом была связана с публичностью их выступлений. Ограничения думской прессы немедленно сказывались на авторитете Думы в обществе.

Несмотря на общность обстоятельств деятельности, политические практики депутатов заметно различались, поскольку и социокультурный облик, и жизненный опыт приходящих в Думу людей не были одинаковыми. Социокультурный портрет депутатов являлся предметом самого пристрастного анализа с самых первых выборов в Думу. Всех волновал вопрос, какие люди попали в Думу, насколько тип народного избранника близок рядовым жителям России. Депутатский корпус во всех четырех Думах отражал не только облик страны, но и политическую обстановку во время выборов. В целом, в каждой Думе получался портрет наиболее активной и заинтересованной в переменах части страны. Подавляющее большинство составляли люди среднего возраста: от 30 до 50 лет (в I ГД таких было 77%, во II ГД 72%, в III ГД – 68%, в IV ГД – 65%). Значительная часть депутатов имела высшее или среднее образование (в I ГД его имели 70% депутатов, во II ГД – 56%, в III ГД – около 75%, в IV ГД – 76%). Но диапазон простирался от прославленных профессоров-юристов до малограмотных крестьян¹.

Состав I и II Дум был особенно демократичным. С одной стороны, казалось, что представлен как раз тот «народ», о судьбах которого должен был беспокоиться зарождавшийся русский парламент. С другой стороны, состав депутатов с точки зрения ораторского мастерства и навыков законотворческой работы был, по общему мнению, «довольно серый». Мемуаристы отзываются об основной массе депутатов как о заурядных личностях, не подготовленных к государственной деятельности. И.И. Петрункевич писал своему сыну 12 апреля 1907 г.: «Вторая Дума не возбуждает особых симпатий. Москва и Петербург дали талантливых и способных депутатов. Провинция же послала за немногими

¹ Государственная дума Российской империи. 1906– 1917: Энциклопедия. С. 109, 447, 618, 676.

исключениями и малокультурных, и неспособных выполнять выпавшую на их долю задачу»¹. Крестьяне поначалу охотно шли в Думу, имея в виду не столько политическую деятельность, о которой не имели понятия, сколько депутатское жалованье. Депутат А.В. Еропкин утверждал, что «для каждого избирателя были большой приманкой 10 рублей суточных»². Многих депутатов первых двух Дум ничего другого и не интересовало, поскольку они отсылали эти деньги домой в деревню, считая их таким же приработком, как извоз, сезонный наем и т.п. Однако правительству довелось испытать редкую силу упорства крестьянских депутатов, когда они сталкивались с вопросом, действительно их задевающим: земля, местное самоуправление и т.п. Когда в III Государственной Думе был поднят вопрос о финансировании церковно-приходских школ, депутат протоиерей Д.Ф. Кирилович с досадой писал, что «мужичье все поголовно против церковных школ» и в этом вопросе «простое мужичье куда хуже левых»³.

Социальный и образовательный облик депутатов, в первую очередь I и II Государственных Дум, приводит исследователей к закономерному заключению, что «в повседневной жизни большинство первых народных избранников очень мало походило на парламентариев»⁴. С другой стороны, настоящих парламентариев России было взять неоткуда, у российского общества практически отсутствовал навык работы в представительных учреждениях. Вполне естественно, что результаты парламентской деятельности первых Дум оценивались низко, но важно другое. Облик, состав, практики поведения депутатов Думы точнейшим образом отражали облик, состав, практики поведения российского общества. Это было настоящее зеркало российского общества – зеркало, которое так ужасало и раздражало самодержавную власть. Невоспитанность, бескультурье, горячность решений, невоздержанность выражений – и страстное желание справедливости, перемен – этот двойной облик Думы одним хотелось сменить покорным подобием Земских

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 672.

² Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы: Воспоминания 1905-1928 гг. М., 2016. С. 34.

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. ... С. 132.

⁴ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 147.

соборов, другим – построить по образцу английского парламента. А это была просто Россия. Это было непредсказуемое, часто действующее по настроению, по эмоциональному порыву собрание представителей народа – такого, каким он был в это время.

Самочувствие и самооценка депутатов не в последнюю очередь зависели от их материального положения. В I, II Думах депутаты получали 10 руб. суточных во время сессии Думы и покрытие путевых издержек. Затем постепенно перешли к выплате годового жалованья в 4 200-4 800 руб., но с вычетами за пропущенные сессионные дни (25 руб. за пропущенное заседание), а также возмещение дорожных расходов. Служебных квартир, медицинского обслуживания, транспорта и других натуральных льгот не предусматривалось. Милюков в воспоминаниях упоминает свой велосипед, на котором он объезжал членов Центрального комитета своей партии перед подписанием знаменитого Выборгского воззвания¹. Не раз возникали проблемы с расселением депутатов-крестьян и рядовых священников, прибывавших на думские сессии в Петербург². Доход депутата в целом был достаточно солидным, сопоставимым с жалованьем крупного чиновника, но отнюдь не чрезмерным и существенно ниже, чем у министров. В III и IV Думах некоторые депутаты, имевшие собственные предпринимательские доходы в несколько раз больше, отказывались от места в Думе именно по финансовым соображениям. В то же время многие депутаты из деревни, из провинции шли в Думу именно из-за думских выплат и за них цепко держались³. То обстоятельство, что многие депутаты дорожили депутатским жалованьем, усиливалось еще и тем, что им не позволялось занимать другие должности на государственной службе, совмещать депутатство с некоторыми профессиями. Ежегодный отпуск членов Государственной Думы не превышал полтора месяца. Более продолжительные отпуска разрешались лишь в случае тяжелой болезни. Эти нормы оговаривались как в «Учреждении Думы», так и в «Наказе Государственной Думы».

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. т. 1. М., 1990. С. 399.

² Статья «Статус членов Государственной думы // Государственная дума Российской империи: энциклопедия. М., 2008. С. 584-587.

³ Еропкин утверждал, что за все время думской работы он знал лишь один случай, когда депутат отказался от думского жалованья – миллионер фабрикант М.Н. Бардыгин из Егорьевска.

Потеря думского заработка столь болезненно воспринималась многими депутатами «из народа», что после насильственного роспуска I и затем II Думы в Петербурге инициировали создание Общества вспомоществования депутатам этих дум, пострадавшим по политическим причинам (сентябрь 1907 г.).

Избранному депутату думская Канцелярия выдавала номерной билет, который служил пропуском в здание Таврического дворца. Для получения официального статуса члена Государственной Думы избранные депутаты подписывали заявление-обещание в верности «самодержцу всероссийскому». Текст «Обещания» гласил: «Мы, нижепоименованные, обещаем пред Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности Членов Государственной Думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся»¹. Отказ подписывать Обещание автоматически означал сложение звания депутата.

III и IV Государственная Думы вследствие более жесткого избирательного закона и в силу накопленного опыта политической жизни показали большую компетентность в законодательных делах и во взаимоотношениях с традиционными органами власти. В целом сложились и думские практики. Регламент работы и статус депутатов прописывались в «Наказе». Автором всех конституционных проектов с разработкой статуса и регламента Думы был госсекретарь С.Е. Крыжановский, которого Милюков называл «магом и волшебником конституционного права»². Голосование записками, шарами или открытое (вставанием) простым большинством предварялось 5-минутными выступлениями с замечаниями по обсуждаемому решению, что не требовало особенной ораторской подготовки. Речи ораторов ограничивались 10 минутами. Запрещалось зачитывать написанный текст, что затрудняло выступления депутатов «из народа» и способствовало выделению талантливых «говорунов». Самыми популярными ораторами независимо от их политических позиций были кадет Родичев, националист Пуришкевич, выступавшие в т.н.

¹ 1 Свод законов Российской империи. Т. 1 Ч. 2. Учреждение Государственной Думы. СПб., 1908. Приложение 1 (к статье 13).

² Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. т. 1. М., 1990. С. 352.

«экспрессивно-эмоциональном» и подчас скандальном стиле. В марте 1907 г. депутат М.В. Челноков в частном письме писал: «На кафедре беснуется Пуришкевич. Он говорит очень недурно, бойко, нахально, острит, безобразничает и вызывает гомерический хохот аудитории <...> Вообще Пуришкевич – человек опасный и вовсе не такая ничтожная величина, как принято думать»¹.

Этот особый думский стиль выступлений радикально отличал депутатов от политиков в других органах власти. Вызванная к жизни стихией революции Государственная Дума частично сохраняла «митинговый» дух. В отличие от всех иных органов государственной власти думские политики должны были заботиться о своей общественной популярности, о политическом имидже. Эмоционально-митинговый стиль особенно характерен был для I и II Дум. Современники свидетельствовали о нервной и взвинченной обстановке в Думе: «общий гвалт», «общий тон был вызывающий», «какой-то сплошной митинг, а вовсе не законодательное собрание высшего учреждения». 1-ю Думу именовали «Думой народного гнева», 2-ю – «Думой народной мести»². Революция, задавленная на улицах, не имеющая иных каналов для выброса протестной энергии, нашла единственную отдушину – разрешенное собрание представителей общества. Заседания Думы в 1906–1907 гг. приобрели характер митинга еще и потому, что депутаты не имели ни знаний, ни желания заниматься рутинной работой. Ораторы стремились перещеголять друг друга в яркости речей, броскости обвинений, в дерзостях по адресу правительства. Трудовик А.Ф. Аладьин, эсер С.В. Аникин, кадет Ф.И. Родичев своими речами срывали аплодисменты и восторженные крики. Но на повседневной работе Думы это никак не отражалось. Посетивший I Думу А.А. Киреев с досадой писал в своем Дневнике: «Во время речей разговоры, никакой дисциплины!»³. II Дума еще быстрее превратилась в «митинговое собрание», что делало ее существование бесплодным и заставляло ждать неизбежного роспуска буквально с первых дней заседаний.

Депутаты, принявшие всерьез учреждение «русского парламента, сетовали на его бестолковость. Милюков в своих

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: ... С. 62.

² Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы... С. 41, 42.

³ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 146-147.

воспоминаниях критиковал многих ораторов то за «надутую серьезность», то за грубость и вызывающий тон. Хотя он радовался живым обсуждениям и страстям в Думе, но уже после первых заседаний ему стало ясно, что достичь какого-либо единства по любому вопросу «просто невозможно». Обстановкой в Думе были недовольны все: император, министры, сановники, полиция и сами депутаты. Не удавалось выработать сколько-нибудь внятную единую позицию ни по одному вопросу. Единственным результатом этих горячих дебатов было выяснение всех точек зрения, всех сторон и глубин проблем. Даже председатель II Думы Ф.А. Головин видел причину ее роспуска в полной неработоспособности¹.

Приглашенные на заседания министры не могли отвечать депутатам в их духе и невольно выглядели жалкими бюрократами. Воспоминания государственных чиновников и министров о Думе отличаются редким единодушием в части совершенной непривычности их положения. Коковцов, ставший министром финансов, уже о I Думе писал, что она повела «осаду правительства, штурм его и стремление смести все, что было сделано...»². Чиновник Министерства просвещения Н.Н. Шиллер в частном письме писал о «прохвостах Таврического балагана»³. В результате правительство пришло к убеждению, что корень зла гнездится в самом принципе выборности, допускавшем в Думу людей из низших социальных слоев. Ни «кадетская», ни «трудовическая» Думы не оправдали надежд и были распущены. Тем не менее, в этом «политическом котле» постепенно складывался контингент профессиональных политиков, связанных со своими партиями и последовательно проводившими их установки (Милюков, Родичев, Пуришкевич, Марков 2-й, Гучков, Стахович, Родзянко и др.). Выделился корпус постоянных ораторов, к замечаниям которых прислушивались.

Накал депутатских страстей в Думах несколько раз выплескивался за пределы Таврического дворца. Некоторые идейные и политические столкновения заканчивались дуэлями,

¹ Письмо Ф.А. Головина 23 марта 1907 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. ... С. 63.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919. В 2 кн. Т. 1. М., 1992. С. 160.

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.... С. 120.

интерес к которым подогревался в прессе. В Думе за 1906–1917 гг. прозвучало 44 вызова на дуэль, но едва ли пять из них действительно состоялись. Практически все вызовы на дуэль имели причиной политические мотивы, оскорбительные намеки в речах депутатов. Чаще всего дуэльные скандалы заканчивались примирением или соглашением сторон. В дуэльных скандалах были замешаны депутаты В.А. Бобринский, Н.Е. Марков, О.Я. Пергамент, Гучков, Милюков, Пуришкевич, Родичев, А.А. Уваров, В.В. Шульгин, поскольку они были наиболее активными депутатами и произносили самые зажигательные речи, нередко задевавшие конкретных людей. В ноябре 1907 г. дело дошло едва не до дуэли между одним из самых блестящих думских ораторов Родичевым и премьером Столыпиным¹. Самая известная дуэль Гучкова с подполковником С.Н. Мясоедовым состоялась в апреле 1912 г. после публикации в газете «Вечернее время», в которой Мясоедов обвинялся в шпионаже со слов Гучкова. Гучков выстрелил в воздух, Мясоедов промахнулся, а позже был оправдан².

К формированию III Думы правительство подошло более серьезно, тем более, что революционные взрывы остались позади. Здесь большинство оказалось за «солидными людьми» партии октябристов: предприниматели, чиновники, банкиры. Тон заседаний стал более деловым, хотя склонность к ярким выступлениям и эпатажу у депутатов сохранилась. Накопление политического опыта и более «солидный состав» Думы сказался на ее работоспособности. Но, с другой стороны, упорядочение работы создавало впечатление «беззубости», «соглашательства» и бессилия. В частных мнениях звучали реплики о «сонной» Думе. Во время выступлений уходили пить чай, курить. Депутат трудовической группы Н.С. Розанов в частном письме от 19 октября 1911 г. писал о Думе «в полной дряхлости, с отвисшими губами, с текущей изо рта слюной, с еле плетущимися ногами» и крушением своих надежд на «интересную работу» в Думе³. «Сонные» заседания российского парламента были вызваны в т.ч.

¹ См. подробнее о дуэлях: Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы 1906-1917 годов. СПб., 2018.

² Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4.

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 174.

невниманием к ней со стороны правительства и императора. Депутат Г.А. Алексеев в частном письме летом 1913 г. свидетельствовал: «В Думе настроение очень легкомысленное, и депутаты спешат пропускать мелкие дела с молниеносной быстротой, чтобы предаваться развлечениям вроде поездок в шхеры, посещения разных автомобильных и авиационных парков»¹. Через год в 1914 г. он же писал: «Наша Дума представляет собой печальную картину. С одной стороны, появились говоруны, страшно затягивающие рассмотрение бюджета. <...> С другой стороны, началось повальное бегство депутатов. Уже 100 членов Думы взяли отпуск до конца сессии <...> Заседание открывается при явном отсутствии кворума с запозданием на полчаса и больше»². «Бессилие» Думы при относительно налаженном ее функционировании бросалось в глаза.

Многие заседания III и IV Государственных Дум современники упрекали в излишней «болтовне», которая не имела видимых результатов, но давала ораторам повод блеснуть красноречием и заявить о своей оппозиционности правительству. Сохранилась и своего рода «клоунада», когда на трибуну стремились, «чтобы показать, что и он не хуже других», не обладая ни знаниями, ни способностями. Дилетантизм депутатов, склонность к фразе и позе чрезвычайно затрудняли и затягивали реальную деятельность Думы. Даже в думских комиссиях, по отзыву Еропкина, «работающих депутатов было лишь несколько человек; остальные – балласт, голосовальная машина». По его мнению, из 442 депутатов реальных политиков было не более 120, а «остальные депутаты состояли на выходных ролях»³. Ораторы III Думы, по словам Гучкова, в глубине души адресовались не к своим думским собратьям и даже не к правительству, а к «одному только слушателю», который мог дать реальный ход предложениям депутатов. По замечанию Г.А. Алексеева, председателя IV Думы больше интересуют не обсуждение вопросов в Думе, а «поездка в Царское»⁴. Однако III Дума уже показала склонность работать в диалоге с кабинетом министров, который в лице Столыпина первый

¹ Там же. С. 373.

² Там же. С. 401-402.

³ Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы... С. 58, 59.

⁴ Там же. С. 230, 312.

и единственный раз попытался наладить какое-то взаимодействие с Думой. Премьер даже приглашал депутатов к себе «на чашку чая»¹. Именно в этой Думе министр В.Н. Коковцов произнес сакраментальную фразу: «У нас парламента, слава богу, еще нет». Министр С.Д. Сазонов неудачно имитировал эту практику «министерских чаепитий» по отношению к депутатам IV Думы для предварительного обсуждения вопросов, выносившихся на думское обсуждение².

Образец и тон депутатского поведения задавали председатели Думы. Особенно значимым было поведение председателя I Думы С.А. Муромцева и не только потому, что он был первым. Его авторитетное имя звучало в проектах нового кабинета министров, в составлении важнейших документов конституционного уровня. Он и сам знал себе цену, во многом придавая I Думе респектабельный вид. Единственный из думских председателей считавший себя «вторым лицом в государстве», Муромцев не вступал ни в какие отношения с царем, вообще с властью, кроме официальных. Но если первый председатель вызывал известное уважение и почтение своими безупречными манерами и профессиональной выдержкой, то слабость второго – Ф.А. Головина выделась в полном отсутствии опыта публичной деятельности и каких-либо теоретических знаний о парламентской практике. Запись ораторов, регламент выступлений и вопросов, вынесение решений по обсуждаемым проблемам – все вызывало у него затруднения. Киреев в «Дневнике» прямо называет его «кретином» за попытки лишить Столыпина права голоса³. По мнению В.А. Маклакова, единственным положительным свойством Головина была «стойкость и умение выдерживать всякие нападения со стороны администрации»⁴. Председатели III и IV Государственных Дум (Н.А. Хомяков, А.И. Гучков, М.В. Родзянко) представляли собой уже достаточно сложившийся тип публичных политиков, ориентированных на диалог с императором.

Именно отношения с государем, а не с правительством, в решающей степени определяли политический статус Думы и

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг... С. 144.

² Там же. С. 364.

³ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 195.

⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 55, 56.

самосознание депутатов. Здесь показательны немногочисленные прямые встречи депутатов и государя как новый политический ритуал. На новый ритуал в первую очередь могла претендовать церемония царского приема всех избранных депутатов, впервые состоявшегося при открытии I Думы.

Царь принял депутатов не в помещении Думы, а «у себя», в Зимнем дворце. Они съезжались во дворец по строго определенному маршруту, следуя предписаниям, кому с какого подъезда входить. Никогда Зимний дворец ни до, ни после не видел столько крестьянских лиц, сапог, поддевок, рабочих картузов и тужурок. На церемонии «тронной речи» присутствовали не только избранные депутаты, но и огромное количество чиновников: министры, двор, генералитет, Сенат, Государственный совет. На всем пути в Тронный зал, где предполагалась речь государя, стояли шеренги придворных, дам, оглядывая диковинных для России персонажей – «народных депутатов». Картина действительно вышла пестрая: от франтов в безукоризненных фраках и профессорских очков до мужиков в зипунах и смазных сапогах; от щеголеватых «кунтушей» депутатов-поляков до рясы священников. Крыжановский вспоминал, что царский выход был «обставлен всею пышностью придворного этикета и сильно резал непривычный к этому русский глаз». На фоне блестящего царского двора дико смотрелась «толпа депутатов в пиджаках и косоворотках, в поддевках, нестриженных и даже немытых»¹.

Депутаты во время выхода императора и его речи стояли слева у трона за членами Государственного совета, которые своими звездами и орденскими лентами на мундирах скрасили картину «мужичьего нашествия». Справа от трона стояли великие князья, придворные дамы, правительство, Сенат, генералитет. Блистали мундиры и туалеты дам. Действительно, на фоне «мундирной» России, где был четко предписан «дресс-код» каждой группе чиновников и придворных, у только что избранных депутатов не было никаких правил в одежде, еще не сложились практики внешнего вида для официальных приемов. Только что назначенный министром финансов Коковцов вспоминал о картине этого приема: «Странное впечатление производила в эту минуту тронная

¹ Цит. по: Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. т. 1. М., 1990. С. 405.

Георгиевская зала <...> не видели еще ее стены того зрелища, которое представляла собой толпа собравшихся. Вся правая половина от трона была заполнена мундирной публикой, членами Государственного Совета и – дальше – Сенатом и государевой свитой. По левой стороне, в буквальном смысле слова, толпились члены Государственной Думы и среди них – ничтожное количество людей во фраках и сюртуках, подавляющее же количество их, как будто нарочно, демонстративно занявших первые места, ближайšie к трону, – было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках-косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах, некоторые в национальных уборах, и масса членов Думы от духовенства. На первом месте среди этой категории народных представителей особенно выдвигалась фигура человека высокого роста в рабочей блузе, в высоких смазных сапогах с насмешливым и наглым видом рассматривавшего трон и всех, кто окружал его»¹.

После удара жезла гофмаршала в Тронный зал вошел государь, за ним вдовствующая императрица Мария Федоровна и императрица Александра Федоровна. Взойдя на трон, Николай II взял бумагу и громким голосом прочитал приветствие Государственной Думе, назвав ее депутатов «лучшими людьми страны»². Как отозвался в своем дневнике сановник из окружения императора Киреев, «читал он ее внятно, но не по-царски»³. Депутат Л.Н. Новосильцев писал на следующий день после открытия Думы своей жене: «Когда царь окончил тронную речь, то музыка играла гимн и кричали “ура”. Народные же представители молчали, это было тотчас же замечено во дворце»⁴. «Очень жиденькое “ура”» части думцев и молчание большинства отметил и А.А. Киреев⁵. По словам Коковцова, этот «ужасный прием» и вид «своего народа», который смотрел на царскую семью «как на своих врагов», оказал столь сильное впечатление на царскую семью, особенно на обеих императриц, что в таком виде прием во дворце более никогда не повторялся. По свидетельству Коковцова, уже в

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919. В 2 кн. кн. 1. С. 155-156.

² Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы. ... С. 37-38.

³ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910... С. 140.

⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 16-17.

⁵ Киреев А.А. Указ. соч. С. 140.

тот же день возникла мысль об изменении избирательного закона¹. На улицах Петербурга по пути из Зимнего дворца в Таврический депутатов I Думы ждал гораздо более теплый прием со стороны публики. Приветствовавшие депутатов граждане заполнили всю Дворцовую набережную, Шпалерную улицу, окрестности Таврического дворца, оглашая их криками «ура»².

Во второй половине дня 27 апреля 1906 г. открывались заседания I Думы в Таврическом дворце, куда прибыли депутаты и министры правительства. Здесь тоже постепенно вырабатывался регламент и правила, которые претендовали на известную торжественность. Еропкин писал про «священный трепет», «благоговейное чувство», с которым он вступал в зал Государственной Думы, «как в святилище». Перед началом работы был совершен молебен. Поскольку председатель Думы еще не был избран, 1-е заседание открыл престарелый товарищ председателя Государственного совета Э.В. Фриш³. Затем состоялись выборы председателя Думы, которым стал профессор Муромцев, избранный почти единогласно.

Царский прием столь впечатлил депутатов I Думы, что они сочли необходимым составить ответный «адрес» императору с перечнем тех вопросов, которыми собирались заняться. Депутаты спешили обозначить верноподданнический и лояльный характер Думы, ее место в пространстве власти. Для составления приветственного адреса царю была создана авторитетная комиссия из 33 членов (кадетов и трудовиков) под председательством кадета Петрункевича. Адрес был одобрен почти единогласно и под рукоплескания принято решение о посылке специальной делегации к императору для оглашения этого адреса. Адрес, составленный Кокошкиным, Милюковым и Винавером, должна была вручить царю депутация из пяти депутатов во главе с Муромцевым в личной аудиенции. Муромцев передал представление премьеру Горемыкину, и уже через день получил письменный ответ, что государь депутацию Думы не примет. Власть восприняла такую инициативу Думы как попытку уравнять самодержавную власть с

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 156, 157.

² Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 16-17.

³ Заседания II, III, IV Государственных Дум открывал товарищ Председателя Госсовета И.Я. Голубев.

народным представительством, что сочла оскорбительным и неприемлемым. Коковцов в своих воспоминаниях писал, что подобная практика может составить «крайне опасный прецедент», поскольку именование «самодержавный» в своем адресе Дума использовать не может, заменяя его термином «верховный властитель», что умаляет авторитет царя¹. В личной аудиенции депутатам было отказано, а ответ на депутатский «адрес» был составлен кабинетом министров и зачитан его главой Горемыкиным 13 мая 1906 г. в Думе вообще без упоминания царя. Государь не желал вступать с народными избранниками в какой-либо диалог, избегая вообще выстраивать сколько-нибудь устойчивые практики своего общения с Думой. Составление думского адреса государю в ответ на его «тронную речь» с тем, чтобы очертить круг вопросов, которые намерены обсуждать депутаты, в начале работы очередной Думы претендовало на известный ритуал, который не был поддержан императором.

Ритуал пышного царского приема в честь открытия очередной Думы также фактически не прижился, поскольку оказался тягостен и тяжеловесен прежде всего для монарха. 2-я Дума, открывшаяся 20 февраля 1907 г., не была удостоена «тронной речи» императора и не принимала к нему каких-либо обращений. По воспоминаниям Коковцова, «ее открытие было гораздо проще, нежели открытие первой». Некую мрачную знаменательность II Думе сообщило нежданное происшествие в самом здании. Через несколько дней после открытия в главном зале обвалился потолок. К счастью, это произошло не во время заседания, но работу Думы пришлось временно перенести в здание дворянского собрания Петербурга. Происшествие само по себе особых последствий не имело, но оно крайне возбудило депутатов, которые увидели в нем то ли чью-то злую волю, то ли зловещий «знак свыше», а в целом подогрело и так существовавшую уверенность, что эту Думу скоро распустят, что и случилось через несколько месяцев. Установка депутатов на всемерную дискредитацию правительства, «неудержимая злоба расходившегося “народного представителя”, возомнившего себя уже полновластным хозяином», по выражению Коковцова, в сочетании с твердой непримиримостью премьера Столыпина и

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 165.

самоустранением императора от общения с Думой сделали необходимым не только роспуск этой Думы, но и радикальное изменения избирательного закона.

III и IV Государственные Думы избирались по новому закону, работали в условиях стабилизации страны и уже этим отличались от первых двух представительных собраний. Однако многие формальные черты заседаний, привычки и правила сохранялись. III Дума по настоянию правых к своему открытию 20 ноября 1907 г. направила царю приветственный адрес в патриотическом и верноподданническом духе, предполагавший какую-то реакцию. Действительно, последовало приглашение на высочайший прием, но уже не в официальной резиденции, Зимнем дворце, а в Екатерининском дворце в Царском селе. Для депутатов был подан специальный поезд и царские экипажи. Но приглашение не получили левые депутаты, а кадеты отказались сами. Этот царский прием был уже менее многолюден и менее пышен, «тронная речь» не предполагалась, а сама процедура показалась формальной и «скучной», «ибо государь обходил всех депутатов по губерниям и задавал вопросы крайне однообразные». На ужине государь с семьей уже не присутствовал, а депутатам предложили «закусить стоя», что у многих вызвало обиду.

Прием депутатов царем так и не стал обычной практикой, не входил ни в какой регламент и целиком зависел от воли самого монарха. Отношения с императором приобрели особенно знаковый смысл для III и IV Государственных Дум, которые вели себя вполне верноподданнически и пытались наладить работу с правительством. Закрытие весенней сессии III Думы в июне 1909 г. проходило «необыкновенно торжественно: молебен, “Боже, Царя храни”, несмолкаемое “ура!”. Но настороженность власти по отношению к Думе сохранялась. Несмотря на громкое выражение верноподданнейших чувств, царский сановник Киреев подозревал, что «большинство Думы считает себя безусловно законодателями (а не совещателями), законодательным учреждением»¹. Показательная «заминка» с царским приемом случилась и при завершении работы III Думы летом 1912 г. Депутаты долго ждали решения императора о дате приема, уже начали уезжать в свои

¹ Киреев А.А. Указ. соч. С. 267.

губернии. По настоятельной просьбе председателя Думы Родзянко Коковцеву пришлось взять на себя нелегкую миссию уговаривать Государя согласиться на прием депутатов с тем, чтобы «не делать неловкого и вредного шага и пожертвовать чувством личного раздражения во имя общего блага». Первым ответом царя был категорический отказ, сопровождавшийся репликой, которую, по воспоминаниям Коковцова, он «не мог передать никому». После долгих переговоров в конце концов прием членов Думы состоялся 12 июня в Александровском дворце. На нем высшую власть представляли только сам император, премьер Коковцов, министр двора граф Фридерикс и дежурный флигель-адъютант. Император зачитал по бумаге обращение к депутатам, составленное преимущественно самим Коковцовым¹. При этом у депутатов «велико было разочарование и оскорбление, когда на приеме Государь недовольным тоном высказал только слова осуждения и неудовольствия <...> И все поняли, что тому причиной распутинское дело и влияние императрицы»².

В этой связи «страдания» последнего председателя IV Думы Родзянко очень показательны. В ситуации нараставшего кризиса внешние проявления взаимоотношений в системе власти приобретали символическое значение. После долгих переговоров о приеме чаемый визит к государю в начале работы IV Думы принес Родзянко одни разочарования. Николай II даже не пригласил его сесть, а вся беседа длилась не более 25 минут³. Ставшая традиционной «Декларация» правительства (но не самого царя) к открытию Думы, с большим трудом согласованная с царем, была встречена депутатами верноподданически, но равнодушно, за которой просматривалась скрытая враждебность. Во время работы IV Государственной Думы становилась все более очевидной несовместимость «парламентской» практики ведения государственных дел и самодержавной формы управления страной. Правый депутат Думы В.И. Попов в частном письме в марте 1913 г. отмечал: «Правительство само по себе, а Государственная дума сама по себе. Правительство совсем не

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 61-63.

² Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. 17-18. М., 1993. Т. 17. С. 54.

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.... С. 313.

считается с Государственной думой, для него Государственная дума как бы не существует»¹. Правительство, по сути, следовало поведению императора, который тоже «не замечал» Думу, даже не пытаясь найти ей место во властном аппарате. Он просто с раздражением «терпел» это учреждение как временную и досадную помеху своей власти, не видя в нем никакой пользы.

Надо сказать, что до самого конца своего царствования Николай II так и не сумел выстроить ясных отношений с Государственной Думой, да и не очень стремился это сделать. Непонятные и часто эмоциональные взаимоотношения ветвей власти делали и всю властную конструкцию Российской империи неустойчивой. Контакты императора с думскими «представителями народа» сводились к формальным письменным приветствиям при открытии очередной Думы, которые обычно оглашались главой правительства и столь же формальным и нерегулярным приемам в Зимнем дворце, где депутаты терялись в толпе придворных и чиновников. Высочайший прием депутатов при открытии очередной Думы не стал обязательной для императора процедурой. Всякий раз прием обговаривался особо по ходатайству председателя Думы, главы правительства, министра двора графа Фредерикса. И согласие императора на прием воспринималось как милость. Во время подготовки приема у императора депутатов IV Думы пришлось отдельно запрашивать, примет ли император депутатов от кадетской партии, на что государь милостиво ответил, что примет даже социалистов, если те пожелают². При этом чаще всего император передавал свое приветствие или претензии Думе не напрямую ее председателю, а через премьер-министра. Обращения Думы к монарху имели вид всеподданнейших адресов, которые не предполагали ни изложения каких-либо проблем, ни даже ответа.

Редких персональных аудиенций у императора удостоивались лишь председатели Дум, но и это не стало регулярной практикой. Инициатива аудиенций всегда исходила от самих председателей, которые с трудом испрашивали такую аудиенцию. При этом царь случайно или намеренно обставлял такие беседы как приватные

¹ Там же. С. 351.

² Родзянко М.В. Указ. соч. С. 58.

эпизодические встречи, а не официальные контакты императора и народных представителей. По этой причине любые слова, сказанные императором на таких встречах, не имели официального значения; оглашать содержание таких частных бесед, ссылаться на суждения и обещания государя, сделанные при этом, не представлялось возможным.

Подобие неформальных контактов депутатов с императором происходило во время крупных официальных мероприятий, на которых по должности присутствовали и представители Думы. Таковыми были: освящение памятника Александру III в Москве и торжества в честь столетия Отечественной войны 1812 г. в 1912 г.; открытие памятника П.А. Столыпину и 300-летие дома Романовых в 1913 г., манифестации в начале войны 1914 г. и др. В 1912 г. роспуск III Думы был намечен за три дня до торжеств в честь Бородинской битвы, так что депутаты даже формально не могли участвовать в праздновании. Хотя дата роспуска в последний момент была перенесена на 30 августа, для не успевших уехать депутатов не были предусмотрены места на проходившие мероприятия. Возмущенный таким пренебрежением Родзянко хотел даже отказаться от участия в торжествах. По его воспоминаниям, «на Бородинском поле Государь, проходя очень близко от меня, мельком взглянул в мою сторону и не ответил мне на поклон»¹.

Государственные празднества в честь 300-летия Дома Романовых также прошли не слишком радостно для депутатов. Один из них писал жене А.И. Гучкова: «Приехавшие депутаты уехали со злобой, говоря, что они не знают, как дома отвечать на расспросы. Никуда их, кроме Собора, не пригласили. При представлении их поставили в ту группу, которой государь руки не подает и т.д.»². Правда, самому председателю Думы разрешили сказать на празднике приветственное слово. Однако забота председателя Родзянко в значительной степени была вызвана не содержанием своей речи (речи вообще на торжествах были запрещены), а, во-первых, поиском реликвий, которые должны быть преподнесены государю во время приветствия, а, во-вторых,

¹ Там же. С. 55-56.

² Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.... С. 347.

изменением неподходящего по статусу отведенного для Думы места во время молебна в Казанском соборе¹. Осенью того же 1913 г. в Киеве открывали памятник Столыпину. Председатель Думы Родзянко испытал немало унижительных неудобств в официальном поезде, в киевской гостинице, а более всего оттого, что возможность произнести речь на открытии памятника от думской депутации была предоставлена только правому депутату П.Н. Балашову².

Расширенный прием думских депутатов государем состоялся при объявлении войны в 1914 г. на подъеме патриотических настроений. Они выразились в патриотических речах, молебнах, после чего император с облегчением правомерно отложил думскую сессию до особого своего распоряжения. На фоне военных неудач и политического кризиса взаимное недовольство Думы и Николая II только нарастало. Самодержавная власть не собиралась использовать политический потенциал Думы даже в условиях кризиса. Дума вместе с общественными организациями отодвигалась от решения важных вопросов, связанных с войной. Депутаты Л.А. Велихов, И.П. Демидов, А.И. Савенко согласно свидетельствовали в мае 1916 г. о том, что в думской среде царят «апатия, растерянность и какая-то зловещая тишина в связи с умопомрачительными слухами и скрытым, но острым недовольством», о «скуке» в Думе, ее «скверном и дряблом» настроении³.

К 9 февраля 1916 г. относится единственное посещение государем Таврического дворца, приуроченное к открытию очередной думской сессии. Приехав к Таврическому дворцу вместе вел. кн. Михаилом Александровичем и графом Фридериксом, император под крики «Ура» прошел в Екатерининский зал, где состоялся молебен в честь его посещения. Затем он осмотрел зал заседаний, но от произнесения каких-либо речей и приветствий уклонился. Визит императора продолжался менее 40 минут. Приветствие от имени государя уже после его отбытия прочитал депутатам ненавистный премьер Штюрмер. Монарх должен был поставить свою подпись в Золотой книге Думы, предназначенной

¹ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 59-60.

² Там же. С. 68.

³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.... С. 469, 470.

для автографов знаменитых гостей. Поскольку государя в Думе не ждали, все первые страницы книги были к 1916 г. давно заполнены. Предложение срочно вплести в Золотую книгу чистую первую страницу специально для самодержца Родзянко отверг, предложив просто заложить георгиевской лентой первый чистый лист в книге. Когда Николай II пришел в Полуциркульный зал и начал искать чистый лист, председатель Думы сказал ему: «Опоздали, Ваше Величество, теперь уже придется расписаться там, где заложено»¹. Это посещение носило явно вынужденный характер и не доставило удовольствия ни Николаю II, ни депутатам. Таким образом, в политической практике стало обыкновением, что «народные избранники» занимали последние места в церемониалах высшей власти, на юбилейных торжествах, и это порождало постоянные обиды и трения. Встраивание Думы в систему государственной власти в России затруднялось не только противодействием других органов власти (Советом министров, Госсоветом), но и плохо скрываемым нежеланием императора содействовать этому процессу.

Осенью 1916 г. на фоне военных неудач, очевидной неспособности правительства с ними справиться, апатии государя в Думе наступило оживление атмосферы. Она была взбудоражена уже при открытии осенней сессии речью Милюкова с рефреном «глупость или измена?». «От такой речи не поздоровится и министрам. Думаю, что они нас разгонят или их уберут», – писал депутат А.А. Назаров на завтра после знаменитой речи. Вся осенняя сессия 1916 г. была наполнена скандалами, демаршами, истериками и явным уклонением в политику в ущерб сиюминутным делам. Дума словно поняла, какую вспомогательную, мелкую роль она играла в системе власти и стала претендовать на участие в политике, на политическое влияние в стране. В частных письмах депутатов в декабре 1916 г. содержатся горькие оценки: «Дума только политиканствует и ровно ничего не делает»; «Речи в Государственной думе продолжают носить революционный характер. Теперь уже ясно определилось, что думское большинство ведет борьбу с правительством за власть»; «У нас борьба и

¹ Садыков В. Последний председатель Государственной думы (Предисловие к воспоминаниям Родзянко М.В. Крушение империи) // Архив русской революции. Т. 17-18. М., 1993. Т. 17. С. 13.

застой», «растет опасность преувеличенных надежд на Государственную думу, чрезмерной переоценки ее сил и ее значения» и т.п.¹. А после убийства Г. Распутина председатель Думы Родзянко пророчески писал: «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала мать Святая Русь»². Отсрочки открытия сессии Думы в январе-феврале 1917 г. воспринимались как явное нежелание императора вообще созывать ее, что немало способствовало нарастанию недовольства и революционных настроений в стране.

Таким образом, политическая повседневность существования «народного представительства» в России в формате Государственной Думы не способствовала ее встраиванию в пространство власти и косвенно содействовала нарастанию общественной оппозиционности.

В.А. Демин³

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ОКТЯБРИСТОВ

Законодательная инициатива думских фракций не была предметом самостоятельных исследований. Этой проблеме посвящен сборник документов «Законотворчество думских фракций»⁴, содержащий перечень законодательных предположений с ходом их рассмотрения и основные положения наиболее важных из них. Издание содержит целый ряд ошибок. Например, проекты, внесенные депутатами III Думы, рассмотрение которых продолжалось после ее роспуска, показаны не получившими дальнейшего движения.

Рассмотрение думской законодательной инициативы в целом в рамках небольшой статьи невозможно. Она преследует цель на

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.... С. 520, 525, 527.

² Там же. С. 529.

³ Демин Вадим Александрович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник института российской истории РАН.

⁴ Законотворчество думских фракций. Документы и материалы / под ред. И.В. Демидова и В.В. Шелохаева. М., 2006.

основе опубликованных источников (главным образом, думских материалов) рассмотреть законодательную инициативу фракции Союза 17 октября и примыкающих, занимавшей, как известно, руководящее положение в III Государственной Думе. Только при этом созыве законодательная инициатива нижней палаты имела практическое значение¹.

Порядок использования Государственной Думой права законодательной инициативы определялся статьями 55-57 ее Учреждения (т.е. положения о ней), изданного 20 февраля 1906 г.² Эти статьи были заимствованы в переработанном виде из Учреждения Государственной Думы 6 августа 1905 г., т.е. положения о законосовещательном представительстве. Переработка оказалась недостаточно продуманной и новые постановления были не лишены внутреннего противоречия.

В частности, указанные статьи устанавливали, что 30 членов Думы могут внести «основные положения» своего проекта с объяснительной запиской. В практике III и IV Дум эти инициативы именовались законодательными предположениями. Палата могла их рассматривать не ранее 30 дней после внесения, давая тем самым время правительству для выработки своей позиции. В случае признания Думой основных положений «желательными» соответствующий министр мог обязаться разработать на их основе законопроект и внести его в Думу. При этом определенные сроки не устанавливались. В случае отказа министра палата могла поручить разработку проекта своей комиссии.

Таким образом, получилось противоречие между буквой и духом закона: Дума могла разработать и принять проект при открытом несогласии правительства, но оказалась лишена этой возможности при согласии министра на разработку и затягивании им дела.

Законодательные постановления были дополнены Наказом (регламентом) Думы. § 64 Наказа 1909 г. предусматривал право Думы передавать законодательные предположения в комиссию для предварительного рассмотрения на предмет желательности. Это

¹ Законодательная инициатива // Государственная дума России. Энциклопедия. Т. 1. М.-Челябинск, 2013. С. 235-237.

² Их текст см. Законодательные акты переходного времени. 1904-1908. М., 2010. С. 828.

постановление, с одной стороны, было вполне логичным и соответствовало общему правилу регламента о рассмотрении законодательных дел только по докладу комиссии. В то же время и без того громоздкая процедура рассмотрения депутатских инициатив дополнилась еще одним этапом. Это постановление стало общим правилом и применялось ко всем предположениям.

§ 67 был направлен на устранение указанного противоречия в законе. Он предоставлял Думе право возлагать разработку законопроекта на комиссию не только в случае отказа, но и при согласии министра. Правительствующий сенат, на который возлагалась официальная публикация думского наказа, неоднократно объявлял это постановление незаконным¹, однако Дума продолжала его применять. В 1911-1912 гг. несколько законов, разработанных таким образом, были одобрены Думой и Государственным советом, утверждены императором и официально опубликованы Сенатом.

В Государственной Думе Российской империи, по общему правилу, законодательные предположения подписывались представителями разных фракций, иногда – от правых до социал-демократов включительно². В соответствии с точкой зрения составителей указанного сборника, к октябристским отнесены предположения, которые подписал первым член фракции Союза 17 октября и примыкающих. В то же время целый ряд проектов, не отвечающих этому условию, был подготовлен с участием октябристов и подписан значительным их числом (10 и более). Эти инициативы также рассматриваются в статье с необходимыми оговорками.

Фракция 17 октября и примыкающих внесла в III Думу 90 законодательных предположений³. Их распределение по отраслям указано в таблице.

¹ В 1907 г. при рассмотрении Наказа II Думы, в 1909 г. применительно к Наказу 1909 г., в декабре 1916 г. при рассмотрении Наказа 1914 г. О Наказе см.: Саврасов А.Ф. Наказ Государственной думы (1906-1917). Дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2010.

² Например, Обзор деятельности Государственной думы третьего созыв. Ч. 1. СПб., 1912. Приложения. С. 371.

³ В названном сборнике указано 91 предположение (Законотворчество думских фракций. С. 94, 737-741), однако предположение об изменении порядка укрепления недвижимости за Православной церковью, внесенное в марте 1910 г., первым подписал В.Н. Львов (2-й), вышедший из фракции Союза 17 октября весной 1909 г.

Таблица 1

Отрасль	число законодательных предположений
народное образование	20
местное самоуправление	13
землеустройство, сельское хозяйство и переселения	5
рыболовство	5
государственное управление	5
борьба с пьянством	4
противопожарные мероприятия	4
права женщин	3
медицина	3
промышленность	3
уголовное право	2
рабочий вопрос	2
Государственная Дума	2
государственные финансы	2
вооруженные силы и воинская повинность	2
судоустройство и судопроизводство	2
налоги	2
церковно-вероисповедные вопросы	2
помощь пострадавшим от стихийных бедствий	2
политические репрессии	1
еврейский вопрос	1
другие вопросы	3

Таким образом, наибольшее число предположений было посвящено народному образованию. На их основе было издано всего 4 закона: об ассигновании на начальное образование дополнительно 6 млн. руб. (1909), о передаче Новоалександрийского сельскохозяйственного института в ведение Главного управления землеустройства и земледелия (1912), о пересмотре Положения о школьно-строительном фонде (1912), о создании попечительских советов при гимназиях, существующих на общественные или частные средства (1914).

Общее значение имел лишь последний проект, внесенный на основе правительственного из-за замедления общей реформы средней школы. Он предусматривал создание попечительских советов с большинством мест у представителей финансирующего школу общественного (земского, городского или сословного общества) или частного учреждения или лица с

распорядительными полномочиями по организационным и хозяйственным вопросам, а также правом предлагать кандидатуры директора и преподавателей. Включенные Думой в проект постановления о некоторых других преобразованиях школы (разрешение совместного обучения, введение выборов классных наставников педагогическим советом вместо назначения директором и др.) были отклонены Государственным советом. При согласительной процедуре IV Дума была вынуждена с этим согласиться¹.

Более важные предположения октябристов о народном образовании не были реализованы. Среди них можно назвать проект общей реформы средней школы, внесенный в марте 1911 г., но признанный желательным лишь в V сессию², а также предположение о допуске в вузы выпускников средних школ всех типов (с дополнительными экзаменами по предметам, преподававшимся в меньшем объеме по сравнению с гимназиями), одобренное III Думой, но отклоненное Государственным советом под давлением правительства.

Из 13 предположений о местном самоуправлении силу закона получило лишь одно – о праве городского самоуправления вводить с домовладельцев денежные сборы взамен натуральных повинностей о замощении улиц и тротуаров, а также принудительно подключать дома к канализации (1912)³. Кроме этого, на основе предположения, внесенного совместно с кадетами, было введено городское самоуправление в Новочеркасске (1912).

Сами октябристы не добивались принятия своих требований в этой области. В частности, сословная система земских выборов по Положению 1890 г. была признана неудачной даже правительством, которое в 1905 г. при разработке законов о

¹ Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия 5. СПб., 1912. Ч. 4. Стб. 2209-2210, 4270-4271. Приложение к стенографическим отчетам. Т. 1. СПб., 1912. Печатный материал № 164. Т. 5. Печатный материал № 785. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 8. СПб., 1913. Стб. 119, 1591-1599. Сессия 9. Пг., 1914. Стб. 3089. Государственная дума. Созыв IV. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 843.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. С. 372-373.

³ Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. 1. Стб. 974, 2093, 3407. 3712, 3747-3752. Ч. 2. Стб. 2161, 2310. Ч. 3. Стб. 297, 561-562. Ч. 4. Стб. 298-305, 369, 2833. Государственный совет. Сессия 7. Стб. 919, 1447-1498, 1533, 3970-3973.

выборах в Государственную Думу открыто предпочло ей избирательную систему 1864 г.¹ Октябристы вскоре после созыва III Думы внесли законодательное предположение о земских выборах, предусматривавшее отмену сословности, замену имущественного ценза налоговым и т.п. Первым его подписал вскоре вышедший из фракции гр. А.А. Уваров, вторым – товарищ председателя фракции, впоследствии председатель фракции и Думы М.В. Родзянко. Несмотря на столь влиятельного второго подписавшего, предположение больше года лежало без движения. Лишь в 1909 г. оно было передано в комиссию на предмет желательности, которая внесла доклад только в феврале 1912 г.²

Предположение о праве городов вводить сборы с привозимых по водным путям грузов (первый подписавший – член бюро фракции и председатель думской финансовой комиссии Г.Г. Лерхе) было внесено в 1909 г., доклад комиссии о желательности был подготовлен в 1910, но желательность признана только в 1912 г., незадолго до прекращения работы Думы. Проект о введении земского самоуправления в Польше (первый подписавший – председатель фракции А.И. Гучков) был внесен в конце 1910 г. В феврале 1911 г. МВД согласилось разработать проект, но не сделало этого. Дума не поручила параллельную разработку своей комиссии³.

Проекты о введении земского самоуправления в Донской области и Сибири, подготовленные прогрессистами и кадетами с участием октябристов, были одобрены Думой и отклонены Государственным советом по требованию правительства.

Ни одно из 5 октябристских предположений в областях сельского хозяйства, землеустройства и переселений не стало законом. Более того, 2 предположения были признаны Думой нежелательными. Первыми подписавшими одного из них (о содействии созданию выборной агентуры для вывоза льна) были товарищ председателя Думы бар. А.Ф. Мейендорф (кузен П.А. Столыпина) и Гучков. Другое – о государственной монополии

¹ Материалы по учреждению Государственной думы. СПб., 1905. С. 44-46.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. Приложения. С. 382-383. Государственная дума. Созыв III. Сессия 5. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1912. С. 544-545.

³ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. Приложения. С. 384-385.

на экспорт зерна – внес самарский предприниматель Н.В. Жданов, стоявший во фракции особняком¹.

Законом стало предположение об упрощении наложения опеки на крестьян-«расточителей», внесенное правыми крестьянами, в т.ч. 10 октябристами².

Законотворчеством в области рыболовства у октябристов занимались 2 астраханских депутата: бывший волостной писарь М.В. Барыбин и рыболов из казаков М.Г. Лебедев (2-й), не пользовавшиеся во фракции значительным влиянием. Из 5 их предположений законом стало одно: об изменении некоторых статей устава рыболовства (1912).

Из 5 предположений в области государственного управления законом стало одно: об увеличении штатов министерства народного просвещения (1912). Не стали законами предположения об изменении архаического порядка начисления «путевого довольствия» по стоимости проезда на конных экипажах.

4 предположения о борьбе с пьянством законами тоже не стали. Их инициатором стал самарский предприниматель из крестьян М.Д. Челышев. В мае 1907 г. на II съезде Союза 17 октября он провел постановление о необходимости «немедленной и энергичной борьбы правительства совместно с обществом» против пьянства³.

Во исполнение решения съезда член бюро фракции и председатель думской финансовой комиссии Лерхе внес предположение об ограничении продажи водки. Обсуждение этого проекта сильно затянулось и не было завершено. 22.02.1917 г. особая комиссия Государственного совета единогласно одобрила проект в редакции Думы, но общее собрание верхней палаты не успело его рассмотреть⁴. Обсуждение этого дела стало одной из важнейших причин увольнения из правительства председателя Совета министров и министра финансов В.Н. Коковцова (решительного сторонника водочной монополии) в январе 1914 и фактического введения «сухого закона» в августе того же года.

¹ Там же. С. 393-394.

² Там же. С. 388-389.

³ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1. С. 338.

⁴ Новое время. 1917. 23 февраля. С. 3.

Остальные 3 предположения были внесены Челышевым самостоятельно и последствий не имели.

4 предположения о противопожарных мероприятиях, внесенные председателем соответствующей думской комиссии Ждановым, не стали законами. Впрочем, одно из них соответствовало правительственному проекту, одобренному в 1912 г.

На основе 3 предположений о правах женщин было издано 2 закона: о расширении наследственных прав женщин (1912) и о легализации раздельного жительства супругов (1914). До проведения реформы женщины наследовали по закону лишь 1/14 часть имущества. Теперь же при наследовании внегородских земельных имуществ доля женщин была увеличена до 1/7 (на этом исключении настоял Государственный совет), в остальных случаях женщины и мужчины наследовали одинаково. Так же было введено право завещания родовых имуществ. Предположение о допуске женщин в инспекторы народных училищ, которое первыми подписали весьма влиятельный член бюро фракции и председатель думской комиссии по образованию В.К. фон Анреп и Гучков, было в 1910 г. признано желательным, однако проект на его основе не был разработан правительством до окончания работы Думы. Авторы инициативы не подняли вопроса о параллельной разработке думской комиссией.

Из 3 предположений о медицине на основе одного был издан закон о праве земского и городского самоуправления открывать аптеки без согласия действующих аптекарей (1911). Это был первый случай утверждения закона, проект которого был разработан думской комиссией при согласии министра, затянувшего эту работу. Нежелательным было признано предположение Жданова и Челышева об обязательном оспопрививании. Предположение о создании министерства государственного здравоохранения (первый подписавший – Анреп) не было рассмотрено Думой на предмет желательности с 1910 г.

Рассмотрение всех 3 законодательных предположений октябристов о промышленности не было окончено Думой. В частности, в январе 1911 г. было признано желательным предположение о введении явочного порядка создания акционерных обществ, однако соответствующий проект не был

составлен правительством. К параллельной разработке Дума не прибегала.

Оба октябристских предположения по рабочему вопросу также не стали законами. Впрочем, в одном случае был принят аналогичный правительственный проект.

Из двух предположений по уголовному праву стало законом одно: о значительном усилении наказаний за конокрадство, внесенное по требованию крестьян (1909). Инициатива об усилении наказаний за кражу леса не была рассмотрена с 1908 г.

Их двух предположений об изменении постановлений о Государственной Думе силу закона получил проект о праве думской библиотеки беспошлинно и бесцензурно получать печатные издания (1909). Второе предположение – о вычете из жалования депутатов, отстраненных от участия в заседаниях за нарушение порядка – не было рассмотрено комиссией на предмет желательности с 1910 г. до февраля 1912 г., хотя его первыми подписали бар. Мейендорф и Гучков¹.

Не стали законами оба предположения октябристов о преобразованиях государственных финансов. В частности, проект о запрете помещать средства государственного казначейства в частные банки (первые подписавшие – Лерхе и Гучков) после отказа правительства с 1909 г. не был разработан думской финансовой комиссией, возглавляемой Лерхе².

Максимально эффективной оказалась законодательная инициатива октябристов в вопросах, связанных с вооруженными силами, которыми во фракции занимался сам Гучков. Оба предположения стали законами: о введении определенных пенсий (вместо случайно назначаемых символических пособий) солдатам, ставшим на службе инвалидами (1912)³ и о введении военно-судовой повинности (1914).

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. Приложения. С. 356-357; Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Указатель к стенографическим отчетам. С. 536-537.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. Приложения. С. 396-397.

³ Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. 2. Стб. 290, 1505-1567, 1573-1656, 2080-2081. Ч. 3. Стб. 1905-2919. Ч. 4. Стб. 1249-1250, 4126-4127, 4214, 4217-4225, 4270-4271, 4319. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 4810-4857, 5344-5346.

Октябристская инициатива в области судеустройства и судопроизводства (2 предположения) привела к изданию закона об освобождении прокуроров от дачи заключений по гражданским делам (1911) ¹. Проект о создании окружного суда в Пятигорске, признанный желательным в январе 1911 г., за полтора года не был разработан ни правительством, ни комиссией.

Не стали законами 2 предположения о частных изменениях в налоговой системе, а также 2 инициативы о расширении имущественных прав церковных приходов. 2 предположения были посвящены помощи пострадавшим от стихийных бедствий. На основе одного из них был издан закон об оказании помощи пострадавшим от землетрясения в Семиреченской области (1911), в другом случае действия правительства были признаны достаточными.

Политическим репрессиям было посвящено одно предположение октябристов (первые подписавшие – бар. Мейендорф и Гучков). Оно предусматривало отмену приравнивания жандармского дознания по политическим делам к предварительному следствию и не было рассмотрено Думой². По законодательному предположению умеренно правых, подписанному 61 октябристом, были изданы 2 закона о помощи пострадавшим от революционного терроризма (1909).

Еврейскому вопросу было посвящено подготовленное нижегородским помещиком В.В. Хвоцинским (бывшим директором Кавказских Минеральных вод и бывшим членом совета главноуправляющего землеустройством) предположение о праве иудеев посещать Минеральные воды во время курортного сезона. Оно не было рассмотрено комиссией на предмет желательности с 1909 г. 22 октябриста во главе с Хвоцинским (второй подписавший) подписали предположение либеральных фракций об отмене черты оседлости. Оно было внесено в мае 1910 г., лишь в январе 1911 г.

¹ Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. 2. Стб. 82. Ч. 4. Стб. 82, 1810-1811, 2548-2549, 2637-2638. Сессия 4. Ч. 1. Стб. 2962, 3165. Ч. 2. Стб. 2462. Ч. 3. Стб. 1419-1429, 2524, 2619-2621, 4277. Государственный совет. Сессия 6. Стб. 460-502, 1956-1959.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. Приложения. С. 392-393.

было передано в комиссию на предмет желательности, откуда не вернулось¹.

3 октябристских предположения по другим вопросам также не стали законами. Из них можно выделить проект о проведении II Всероссийской переписи населения, не разработанный правительством с 1910 г.

Из сказанного можно сделать целый ряд выводов. Октябристы относились к праву законодательной инициативы довольно небрежно. Руководители фракции, включая лидера, подписывали непродуманные проекты, не заботясь об их успешном движении. Не приходится говорить о сколько-нибудь планомерном использовании октябристами думской законодательной инициативы. В значительном большинстве случаев законодательные предположения вносились по усмотрению отдельных депутатов, иногда действующих вопреки позиции большинства фракции.

Результаты законодательной инициативы фракции Союза 17 октября и примыкающих, несмотря на ее руководящее положение в Думе, были довольно ограниченными. По инициативе фракции было издано 18 законов. Еще 4 последовали по проектам других фракций, активно поддержанных октябристами. Важнейшими из проведенных октябристами были расширение наследственных прав женщин, введение пенсий получившим на службе инвалидность солдатам и усиление наказаний за конокрадство.

В то же время из сказанного нельзя делать далеко идущие выводы о неспособности октябристов к руководству думской работой, отсутствию у Думы возможности влиять на законодательный процесс и т.п. Формальная законодательная инициатива была лишь одним из средств думского влияния на законодательство, притом не самым эффективным. Более действенными были т.н. пожелания, выполнение которых учитывалось при обсуждении бюджета. В ряде случаев законодательные предположения вносились не для проведения, а для давления на правительство. Также надо учитывать отсутствие опыта парламентской работы у октябристских депутатов.

¹ Там же. С. 358-359.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ И КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ (1906–1907 гг.)²

С января 1906 г., с момента старта избирательной кампании в I Государственную Думу, центральными вопросами для формирующихся партий Российской империи стали вопросы об отношении к данной Думе и участию в выборах. В отличие от конституционных демократов социал-демократы не смогли выработать единой позиции по этим вопросам до начала выборов. Вся избирательная кампания прошла для них во внутривнутрипартийной дискуссии³, которая завершилась буквально накануне открытия Думы – 25 апреля. В этот день на последнем заседании Объединительного съезда РСДРП в Стокгольме были приняты две резолюции. Одна из них фактически признала бойкот выборов ошибкой и призывала партийные организации в тех местностях, где выборы еще продолжаются, участвовать в них. Другая – представляла собой инструкцию парламентской фракции РСДРП⁴. В этих резолюциях кадеты не упоминаются, скрываясь под именем «буржуазные партии». Посвященная последним специальная резолюция съезда весьма лаконична, обязывая партийные учреждения руководствоваться по отношению к ним решениями Амстердамского конгресса Интернационала (1904), который осудил

¹ Савельев Петр Юрьевич – доктор исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-09-00540.

Специально этой темой в рамках советской исторической концепции занимался В.В. Корнев. См.: Корнев В.В. Борьба В.И. Ленина и большевиков против стратегии и тактики кадетской партии в период Государственной думы I и II созыва (1906–1907). Дисс... к.и.н. М., 1976; Он же. I Государственная дума: социал-демократия и кадетизм // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 88-105; Он же. II Государственная дума: социал-демократия и крах кадетского конституционализма // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 139-154.

³ О существовании разногласий и ожесточенности споров можно составить себе представление по опубликованным протоколам Петербургской конференции РСДРП. См.: Пролетарская революция. 1930. № 12. С. 137-186; 1931. № 1. С. 129-148.

⁴ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 524-525; 535.

тактику уступок буржуазии вместо борьбы за завоевание политической власти, в том числе поддержку хотя бы и отдельных шагов буржуазных правительств и, тем более, участие социал-демократов в коалиционных буржуазных правительствах¹. Указанные постановления съезда РСДРП были результатом компромисса между фракциями меньшевиков и большевиков. Дискуссия же на съезде и внесенные фракциями проекты резолюций отразили всю глубину тактических разногласий и по отношению к кадетам, и к Государственной Думе². Позиции колебались от лозунга «Врозь идти, вместе бить», выдвинутого Г.В. Плехановым³, до специфического большевистского кадетоедства, генерируемого В.И. Лениным, от утверждения Плеханова о том, что Дума стоит на столбовой дороге революции и пренебрегать ею как важным средством организации, агитации и пропаганды было бы большой ошибкой⁴, до большевистской оценки Думы как псевдопарламента, лишь отвлекающего массы от борьбы.

Пока шли эти дебаты, в России завершалась избирательная кампания. В масштабах всей страны бойкот выборов успеха не имел, они состоялись. Призывы кадетов к совместным действиям и сотрудничеству с рабочими в ходе выборов вызвали ожесточенное противодействие социал-демократов, превративших предвыборные собрания, устраивавшиеся кадетами, в площадки острейших дискуссий с ними с целью дискредитации программы и тактики конституционно-демократической партии⁵. Между тем, в русских губерниях в Думу были избраны голосами горожан и крестьян 18 рабочих, двое из которых вошли во фракцию кадетов, а

¹ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. С. 533.

² Подробнее об отношении социал-демократов к кадетам см.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и Первая русская революция. М., 1996. С. 47-77; Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 211-238; Он же. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002. С. 105-149.

³ Лозунг был сформулирован в названии статьи Г.В. Плеханова, опубликованной «Искрой» 10 февраля 1905 г. См.: Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XIII. М.; Л., 1926. С. 188-197.

⁴ См.: Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XV. М.; Л., 1926. С. 78. Позиция Плеханова вскоре получила поддержку К. Каутского, статья которого «Государственная дума» была опубликована в России на русском языке отдельной брошюрой. В ней Каутский утверждал, что созыв Думы открывает новый этап революции, которая в ее лице получает организационный центр.

⁵ Подробнее см.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и в эмиграции. М., 2015. С. 157-161.

остальные – в Трудовую группу. Из последних 11 затем стали членами социал-демократической фракции. Среди них трое – И.Ф. Савельев (г. Москва), А.И. Смирнов (Костромская губ.) и В.Н. Чурюков (Московская губ.) прошли в Думу за счет мест, предоставленных кадетами. Причем, Смирнов был членом местного отдела кадетов, а Чурюков – гостем III съезда Партии народной свободы. При поддержке кадетов в Думу прошли рабочие И.И. Антонов (Пермская губ.), З.И. Выровой (Киевская губ.) и Б.Д. Диденко (Харьковская губ.), а Д.Я. Медведев (Воронежская губ.) до начала июня входил в конституционно-демократическую фракцию. Из членов социал-демократической фракции, не являвшихся рабочими, при поддержке кадетов прошли в Думу врач В.И. Ишерский и владелец книжного магазина И.Е. Шувалов. Лишь на Кавказе, по Тифлисской и Кутаисской губерниям, где организации РСДРП активно участвовали в избирательной кампании, членами Думы вне всяких блоков были избраны 5 социал-демократов, в том числе руководитель Кавказского союза РСДРП Н.Н. Жордания. По тому же сценарию шли выборы в г. Иркутске (явным фаворитом был социал-демократ В.Е. Мандельберг), но они не завершились до роспуска Думы.

Объединительный съезд дал следующие директивы партийным организациям по думской тактике: стремиться к расширению и обострению конфликтов между правительством и Думой и внутри нее, направляя их к низвержению существующего строя, для чего организовать давление на Думу извне и образовать внутри Думы социал-демократическую группу, которая должна была спланировать вокруг себя революционные элементы и толкать своей критикой буржуазные партии к более решительной оппозиции¹. Однако, инерция политического мышления руководителей РСДРП была столь велика, что формирование социал-демократической фракции в I Думе первоначально шло по инициативе депутатов, вопреки противодействию руководящих учреждений РСДРП. В первые же дни работы Думы среди депутатов-рабочих выделился безусловный лидер – колоритный шахтер из Юзовки, член РСДРП Митрофан Михайличенко. Он и его товарищи пользовались

¹ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. С. 525.

колоссальным успехом на рабочих митингах тех дней¹. Рабочие самоопределились внутри Трудовой группы в особую Рабочую группу и настояли на включении в программу трудовиков особого раздела по рабочему вопросу, текстуально почти полностью совпадавшего с программой-*minimum* РСДРП². Выступая в Думе 29–30 апреля, представители рабочих настаивали на том, чтобы объявить 1 мая праздничным днем³. Открыто кадеты не поддержали этого предложения, но 1 и 2 мая пленарные заседания Думы не проводились. Первые политические выступления рабочих-депутатов заставили партийные комитеты коренным образом пересмотреть свое отношение к ним. Сначала ЦК, а затем и ПК РСДРП начали искать с ними контактов. После участия в двухдневных прениях 3-4 мая⁴ рано утром 5-го рабочие вместе со всей Трудовой группой проголосовали за текст ответного адреса Государю, предложенный кадетами, в котором не было требований Учредительного собрания и 8-ми часового рабочего дня. Все центральные учреждения РСДРП оценили это как принципиальную ошибку (голосование за монархию, против программного требования демократической республики). С депутатами провели разъяснительную работу, результатом которой стало заявление Рабочей группы, опубликованное легальной меньшевистской «Невской газетой», о том, что группа на самом-то деле воздержалась от голосования⁵. 13 мая 1906 г. Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин огласил в Думе декларацию правительства, отвергавшую все требования думского адреса. Кадеты не сумели достойно ответить на выступление Горемыкина. Инициатива перешла в руки Трудовой группы. С критикой доклада

¹ Первый митинг, на котором выступил Михайличенко, состоялся 27 апреля у клуба кадетов. См.: М.Н. Несколько слов о «слепо-глухих» // Невская газета. 1906. 2(15) мая. С. 2-3; Войтинский Вл. Годы побед и поражений. Книга вторая: На ущербе революции. М.; Пг.; Берлин, 1924. С. 46,70-71.

² Два сохранившихся варианта этого текста свидетельствуют о постепенном самоопределении Рабочей группы как социал-демократической. См.: В парламентской Трудовой группе // Речь. 1906. 29 апреля (12 мая); В парламентской Трудовой группе // Волна. № 5. 1906. 30 апреля; Проект программы парламентской трудовой группы // Известия крестьянских депутатов. 1906. 19 мая. Приложение.

³ Государственная дума. Стенографический отчет. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Заседание 2. С. 26, 29-30; Заседание 3. С. 34, 36.

⁴ Стенографический отчет. Сессия I. Заседание 4. С. 101-102, 103-105, 177, 178, 214-215.

⁵ Невская газета. 1906. 8 (21) мая. С. 2; Войтинский Вл. Указ соч. С. 52-53.

от имени рабочих-депутатов выступил Михайличенко. Он настаивал на предании народному суду всех министров. Дума большинством голосов приняла предложенную трудовиками формулу перехода, требующую «министерства, пользующегося доверием Государственной думы»¹. ЦК РСДРП опубликовал текст резолюции, рекомендуемой для обсуждения на рабочих митингах, в поддержку этого требования². Большевики в лице ПК РСДРП выступили резко против, мотивируя свою позицию тем, что такое министерство может быть только результатом сделки кадетов с существующим правительством³.

Следующим шагом в формировании социал-демократической фракции стало обращение «Ко всем рабочим России» (18 мая 1906 г.)⁴, призывавшее рабочих оказать поддержку Думе и давление на правительство, обостряя и углубляя возникший конфликт. Написанное Ю.О. Мартовым и подписанное 14 депутатами-рабочими обращение было опубликовано одновременно меньшевистским «Курьером» и большевистской «Волной». Последняя (19 мая, № 21) сопровождала текст обращения послесловием Ленина. Приветствуя «первое прямое обращение депутатов не к правительству, а к народу», он в то же время подверг критике расчеты на всю Думу в деле созыва Учредительного собрания, а потому и постановку задачи поддерживать всю Думу⁵.

Когда 8 июня в Петербург прибыли депутаты с Кавказа, началось официальное оформление фракции РСДРП в Думе. Вопрос решался несколько дней на заседаниях ЦК. 12 июня она была утверждена ЦК в составе 16 человек, подписавших устав фракции⁶. К концу сессии их число увеличилось до 18. Хотя фракция действовала менее месяца, она проявила значительную

¹ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. I. Заседание 8. С. 321-324, 347-348, 352.

² Текст см.: Большевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. / Сост. С.В. Тютюкин. М., 1996. С. 190.

³ См.: Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917 г. Л., 1986. С. 232-233.

⁴ Текст см.: Второй период революции. 1906 – 1907 годы. Часть вторая. Май – сентябрь 1906 года. Книга первая. М., 1961. С. 21-22.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 120-121.

⁶ Текст устава см.: Второй период революции. 1906 – 1907 годы. Часть вторая. Май – сентябрь 1906 года. Книга первая. С. 25-26.

активность в духе директив Объединительного съезда РСДРП. Еще по прибытии в Петербург 8 июня 5 социал-демократов, проходя обязательную для депутата процедуру подписания «Торжественного обещания членов Государственной думы», в связи с неприемлемостью для них обещания хранить верность императору, подписав документ, опубликовали в легальной прессе заявление о том, что на самом деле они признают за собой обязательства только по отношению к народу¹. Социал-демократы были единственной фракцией, огласившей в Думе свою декларацию (написана П.Б. Аксельродом)². В ней обосновывалась роль рабочего класса как наиболее последовательного борца за демократию, излагались требования программы РСДРП и подчеркивалось, что они могут быть реализованы только полноправным Учредительным собранием, а не данной Думой. Но Государственная Дума может сыграть определенную роль в борьбе за свободу при условии ее поддержки широкими народными массами. Что же касается отношения фракции к другим политическим партиям, то декларировалась ее поддержка всем фракциям, стремящимся подчинить исполнительную власть законодательной и, напротив, борьба с теми, кто стремится вступить в сделку с правительством.

Сотрудничество левых фракций в Думе наиболее наглядно проявилось в запросной деятельности, призванной дискредитировать и дезорганизовать правительство. Социал-демократы могли участвовать только в совместных запросах (для подачи запроса требовалось 30 подписей). Вместе с трудовиками они внесли в Думу 44 запроса (из 391), из них инициировали 19. В большинстве случаев к этим запросам присоединяли свои голоса кадеты, реже – польское коло, автономисты и мусульманская группа. Дважды социал-демократы поддержали запросы кадетов (№ 258 и 282), в том числе по поводу правительственного сообщения по аграрному вопросу (его подписали 116 депутатов), один раз – мусульманской группы (№ 262). В прениях по ответам должностных лиц на запросы социал-демократы пытались обострить конфликт Думы с правительством. Уже 9 июня, завершая

¹ Курьер. 1906. 8(21) июня. С. 3.

² Текст см.: Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. С. 198-202.

свою речь об ответах И.Г. Щегловитова и П.А. Столыпина, И.И. Рамишвили внес в Думу текст формулы перехода к очередным делам, которая признавала весь состав правительства состоящим из преступников, подлежащих преданию суду¹. 12 июня Рамишвили обвинил русские власти в разжигании межнациональной розни на Кавказе², а 13 июня И.Г. Гомартели, произнося речь о стеснениях печати, назвал правительство врагом и палачом народа, превратившего страну «в один большой полицейский участок»³. 15 июня Гомартели и Михайличенко, поддерживая запрос трудовиков о преследовании Всероссийского крестьянского союза, заявили о необходимости безвозмездного отчуждения частнособственнических земель и наделении ими крестьян⁴. 28-29 июня С.Д. Джапаридзе и Гомартели произнесли речи о Белостокском погроме. Первый внес формулу перехода к очередным делам⁵, требующую командирования членов Думы на места и вооружения народа для организации самообороны. Формулировки эсдеков поддерживала только левая часть трудовиков. Большинство Думы голосовало за более взвешенные формулы перехода, предлагавшиеся кадетами.

Социал-демократы шли в Думу не для органической работы и поэтому в сфере законодательной сосредотачивались на критике законопроектов правительства и кадетов. Они выступили с резкой критикой законопроекта конституционных демократов о собраниях и внесли на обсуждение свой текст, предусматривающий их свободу без каких-либо ограничений⁶. Дальнейшего движения он не имел, так как социал-демократы не смогли собрать достаточного количества подписей. Вероятно, такая же судьба ждала и радикальную декларацию о свободе совести, которую социал-демократы хотели противопоставить законопредположению

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. Заседание 24. С. 1160.

² Там же. Заседание 25. С. 1237-1239.

³ Там же. Заседание 26. С. 1284-1287.

⁴ Там же. Заседание 26. С. 1350-1353; 1356-1358.

⁵ Там же. Заседание 35. С.1825-1826.

⁶ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. Заседание 28. С. 1408-1412; 1430-1432; Заседание 29. С. 1461–1463; Заседание 30. С. 1523–1531.

кадетов¹. Трудовики и социал-демократы, в отличие от кадетов, в целом поддержавших предложения правительства, настаивали на передаче дела помощи голодающим в руки самого народа, создании с этой целью местных комитетов. С развернутым обоснованием этой позиции выступил Рамишвили и внес резолюцию², отвергнутую Думой. На голосование был поставлен текст, предложенный кадетами. Гомартели внес к нему поправку предлагающую изыскать средства на помощь голодающим за счет секретных фондов и сокращения военных расходов³. Поправка была отвергнута большинством Думы. Социал-демократы критиковали все внесенные по аграрному вопросу законопроекты и подготовили свою Объяснительную записку, предполагающую безвозмездное отчуждение и муниципализацию земли⁴, оглашенную уже во II Думу.

Лишь в двух случаях социал-демократическая фракция безоговорочно поддержала кадетов: 19 июня в составе большинства Думы проголосовала за отмену смертной казни⁵, а 4 июля в целом поддержала проект обращения к народу в ответ на правительственное сообщение по аграрному вопросу от 20 июня, хотя социал-демократы и не были довольны его содержанием, но считали важным обращение к народу всей Думы⁶. Однако, когда 6 июля кадеты смягчили первоначальный текст обращения, фракция выступила с заявлением протеста⁷ и приступила к разработке собственного обращения к рабочим и работницам⁸.

Обсуждая 8 июля вероятность роспуска Думы, социал-демократы предполагали договориться с другими фракциями о неподчинении решению администрации и продолжении заседаний

¹ О ее содержании дают представление прения на заседании фракции 8 июля. См.: РГАСПИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–3.

² Там же. Заседание 32. С. 1673–1674.

³ Там же. С. 1686–1687.

⁴ Текст см.: Б[алабанов]ов М. и Дан Ф. Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. СПб.: Н. Глаголев, [1906]. С. 141-145.

⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. Заседание 29. С. 1503.

⁶ Там же. Заседание 38. С. 1988–1989; 2000.

⁷ Государственная дума. Материалы к стенографическим отчетам. 1906 год. Корректированные оттиски по заседаниям 39 и 40 (6 и 7 июля). СПб., 1907. С. 2067–2068.

⁸ Текст см.: Б[алабанов]ов М. и Дан Ф. Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. С. 157–161.

в Петербурге¹. Когда же роспуск стал фактом, фракция почти в полном составе участвовала в совещании в Выборге, в его комиссии, редактировавшей Воззвание, работали Жордания и Джапаридзе, подписали Воззвание 15 членов фракции (не подписали – Диденко, Ильин и Медведев). Текст Возвания в виде листовок напечатала не только типография ЦК РСДРП, но и многие местные организации, в том числе и большевистские Петербургская и Московская. Социал-демократы, в том числе и члены думской фракции, активно распространяли Воззвание на местах. Однако пассивность кадетов в протесте толкнула социал-демократов к созданию Исполкома левых фракций (трудовики, эсеры, левые профсоюзы), от имени которого 12 июля были обнародованы обращения «К армии и флоту» и «Ко всему российскому крестьянству», существенных последствий не имевшие².

Социал-демократы, как «партия крайней левой», вполне гармонировали с конфронтационной средой первых Дум и, более того, были своего рода ее «бродилом», с успехом обостряя конфликт Думы с администрацией, вели дело к политическому кризису. С другой стороны, приобретенный ими в ходе первого политического цикла: ожидание выборов – выборы – парламентская деятельность – роспуск парламента, опыт был в полной мере использован и развит РСДРП в ходе второго такого же цикла, охватившего период с осени 1906 по лето 1907 гг.

Активное участие во второй избирательной кампании, в ходе которого были успешно апробированы и соглашения с кадетами, и «левый блок», заблаговременное оформление и структурирование социал-демократической фракции, укрепление коммуникации внутри РСДРП с использованием легальных возможностей депутатов, консолидация местных организаций вокруг центральных учреждений, постепенное превращение думской фракции в авторитетный партийный центр – все это были серьезные шаги на пути «взросления» РСДРП, приближение ее типа к европейскому типу социал-демократической партии. Что же касается межпартийного взаимодействия, то оно получило во II Думе

¹ РГАСПИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 50. Л. 4–5.

² Подробнее см.: Тютюкин С.В. Июльский политический кризис. М., 1991; Он же. Меньшевизм. Страницы истории. С. 185–190.

организационное оформление в виде совещаний оппозиционных и революционных фракций, соглашений по частным вопросам. Вместе с тем, социал-демократы и во II Думе «обостряли конфликты». «Зурабовский инцидент», внедумская деятельность социал-демократической фракции (исходя из идеи установления прямой связи Думы с народом), в частности ее прямые контакты с политизированными общественными организациями – профсоюзами, Петербургским советом безработных, и законспирированной военной организацией РСДРП, послужили непосредственным поводом для роспуска императором II Думы.

И.В. Омелянчук¹

С.Ю ВИТТЕ: КРИТИКА СПРАВА

С.Ю. Витте одна из наиболее заметных фигур в российском политическом пространстве начала XX столетия. Однако восприятие современниками его государственной деятельности было далеко неоднозначным – от полной поддержки до категорического неприятия. Последним особенно отличались представители правого крыла российской партийной системы, периодически помещая в своих изданиях «фамильный герб графов Полусахалинских» – щит с изображением Южного Сахалина, кабака, векселя и прочими символами Портсмутского договора, винной монополии и иностранных займов, к которым приложил руку Витте².

Экономические реформы Витте, объективно направленные на индустриализацию экономики и укрепление капитализма в России и имеющие поклонников и среди современников, и, в особенности, среди потомков, не нашли поддержки правых. Их недовольство вызывала, в первую очередь, денежная реформа 1897 г., введившая золотое обращение и устанавливающая свободный

¹ Омелянчук Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

² Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.) М., 1992. С. 120.

обмен кредитного рубля на золото. По мнению монархистов, эта реформа, искусственно привязывая рубль к золоту (т.е. к мировым валютам), породила «денежный голод» (нехватку средств обращения), препятствующий широкому развитию национального кредита, без которого невозможен экономический рост.

В резолюциях II Всероссийского съезда Русских людей (Москва, 6-12 апреля 1906 г.) подчеркивалось: «Внутреннее денежное обращение должно быть поставлено независимо от политических соображений и от влияния международного денежного рынка», а Государственный банк «должен быть преобразован в самостоятельное, независимое от Министерства Финансов учреждение»¹. В «Основных положениях» Союза русских людей (СРЛ) для выборов в первую Государственную Думу содержались аналогичные пожелания². Избирательная программа, принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов Союза русского народа (СРН) в сентябре 1906 г., настаивала на увеличении «количества денежных знаков путем уничтожения золотой валюты и введения национального кредитного рубля»³. Участники III Всероссийского съезда Русских людей (Киев, октябрь 1906 г.) констатировали, что экономический курс Витте характеризуется «неизменным стремлением к сокращению денежного обращения из опасения поколебать курс рубля и ставший шатким государственный кредит, при полном невнимании к тому, что явная недостаточность количества денег в обращении ставит народный труд в разорительную зависимость от всякого рода ростовщиков», а «для сохранения прочности новой денежной системы, надобность неизменно указывает на необходимость удержания денежного обращения на нищенской норме в 10 руб. на душу населения при сокращении всех кредитов»⁴.

Монархисты утверждали, что прямым следствием денежной реформы Витте, проведенной «вопреки предостерегающим голосам из среды Государственного Совета и из среды сельских хозяев»⁵, стал упадок сельского хозяйства, средства из которого

¹ Московские ведомости. 1906. 13 апреля. №. 96.

² Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 139.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 525, 526

⁵ Там же. С. 525.

перекачивались в промышленность. «...Вместо прилива денег в земледелие правительство через систему сберегательных касс старается высосать из населения каждую свободную копейку и поместить ее в предприятия крупного капиталистического характера, поддерживаемые по усмотрению Министра Финансов, и земледелию по большей части вполне чуждые», утверждал один из ведущих специалистов правых по сельскому хозяйству, член СРЛ С.Ф. Шарапов¹. Националист Л.В. Половцов так охарактеризовал эту ситуацию: «Роковое увлечение обрабатывающей промышленностью, господствовавшее в предыдущий период, отвлекало средства государства от удовлетворения сельскохозяйственных потребностей». «Мы добились, что наша промышленность расцвела... но забыли об одном, что для распространения этих продуктов производства мы не имели внутреннего рынка», что и привело «к промышленному краху»². В программе Русской монархической партии (РМП) (1905 г.) указывалось, что партия, «считает своею обязанностью, по мере сил и возможности, заботиться... о приведении сельского хозяйства и русской промышленности в должное равновесие»³.

Правые выступали и против политики Витте, направленной на привлечение в экономику иностранного капитала, не без оснований опасаясь утраты экономической, а следом за ней и политической самостоятельности государства. Так председатель Союза русских людей (СРЛ) А.Г. Щербатов утверждал, что «как в частной жизни, так и в государственной, подчинение личное и народное начинается с зависимости имущественной»⁴. Видный идеолог правых Л.А. Тихомиров подчеркивал, что для нормального функционирования внутреннего рынка «требуется иметь капитал, принадлежащий самим гражданам данной страны, с возможным сокращением *иностранного капитала*, в ней оперирующего (*курсив в тексте. – И.О.*)», так как «иностранные займы, как ни изнурительны они для страны, все-таки менее ее истощают... чем

¹ Цит. по: Михаил Лукьянов Российский консерватизм и реформа, 1907-1914. Stuttgart 2006. С. 188.

² Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 370.

³ Московские ведомости. 1905. 15 октября. № 274.

⁴ Первый Волжско-Камский областной патриотический съезд в Казани // Мирный труд. 1909. № 1. С. 85.

допущение внутри страны операций вечно эксплуатирующего и никогда не уничтожающегося иностранного капитала»¹. Делегаты II Всероссийского съезда Русских людей (Москва, 6-12 апреля 1906 г.) отправили телеграмму на Высочайшее имя с просьбой «положить предел дальнейшим завоеваниям международным капиталом русского труда и естественных богатств России»², и внесли в резолюции съезда требования «о неотложном принятии решительных мер к освобождению естественных богатств России от их зависимости от иностранного капитала» и о прекращении финансирования русских займов за границей³. Накануне первой думской избирательной кампании требование «национализации» капитала правые внесли в свои партийные документы. В предвыборной платформе «Русского собрания» подчеркивалось, что «финансовая и экономическая политика должна быть направлена к освобождению России от иностранных бирж и рынков»⁴. СРЛ также полагал, что русское народное хозяйство должно быть независимым от иностранного капитала⁵. Характерно, что и современные экономисты достаточно скептически относятся к этой стороне экономической политики Витте. Так И.И. Малюшин полагает, что иностранный капитал «пришел при Витте в Россию в значительных масштабах», лишь «для более удобного «хозяйничанья» на российском рынке, для извлечения монопольных сверхприбылей, для получения государственных заказов и ассигнований»⁶.

Негативную оценку вызвала также деятельность Витте, направленная на повышение русского экспорта. В резолюции съезда отмечалось, что за период пребывания Витте на посту министра финансов (с 1892 по 1903 гг.) «превышение вывоза над ввозом дало огромную сумму в 1608 млн. руб. (в 1/15 империала), что не помешало увеличению задолженности за это время на

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 605, 606.

² Московские ведомости. 1906. 9 апреля. № 92.

³ Там же. 13 апреля. № 96.

⁴ Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением манифеста 17 октября и доклада Витте. СПб., 1906. С. 131.

⁵ Правые партии. С. 139.

⁶ Малюшин И.И. Эволюция инструментов экономической политики России во второй половине XIX-начале XX столетия // Проблемы современной экономики. 2016. № 1 (57). С. 221-222.

сумму около 2 млрд. руб. Также и после войны, при продолжающемся напряжении вывоза, наблюдается дальнейшее увеличение задолженности». При этом «даже непосильное напряжение вывоза хлеба в ущерб народному продовольствию не достигает освобождения страны от внешних долгов и не приводит к благотворному увеличению количества обращающихся в стране денег, но, напротив того, сопровождается дальнейшим возрастанием задолженности до размеров, обуславливающих унижительную зависимость политической жизни государства от международной биржи»¹.

Не одобряли правые и введение в 1894 г. по инициативе Витте винной монополии, вероятно вспоминая пореформенные времена, когда винокурение приносило громадные доходы помещикам. Правда, в своей критике винной монополии акцент правые делали не на экономических, а на морально-этических факторах. По мнению журнала «Мирный труд», «государство должно отказаться от извлечения выгод с монополий, роняющих его достоинство и развращающих народ»². Участники «восторговского» (организованного протоиереем о. Восторговым) Съезда русских людей в Москве (1909 г.) требовали отмены «так называемой нормировки на сахар, введенной в 90-х годах, по инициативе г. Витте, и понижения акциза на сахар вдвое»³, так как считали, что действующий акциз из-за дороговизны сахара способствовал уменьшению потребления чая, замененного в рационе населения спиртными напитками.

Еще большее недовольство правых вызывали политические реформы, проводимые при участии Витте. Монархисты полагали, что их целью была лишь реализация личных амбиций политика, а отнюдь не благо страны. По словам В.А. Грингмута, еще в 1904 г. Витте сказал Петрункевичу и К^о: «Не беспокойтесь, господа: будет вам конституция, поганенькая, но будет»⁴. А в апреле 1905 г. генеральша А.В. Богданович записала в своем дневнике, имея в виду Витте и Санкт-Петербургского митрополита Антония

¹ Правые партии. Т. 1. С. 525.

² К избирателям в «Государственную Думу» от сторонников прочного порядка и законности // Мирный труд. 1905. № 10. С. 241.

³ Правые партии. Т. 1. С. 496.

⁴ Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. М., 1910. С. 52.

(Вадковского): «Эти два конспиратора часто видятся, совместно работают над уничтожением нашего государственного строя – один хочет быть диктатором, другой – патриархом республики»¹.

После бурных событий осени 1905 г. правые вообще пришли к убеждению о причастности Витте к революционным выступлениям. По мнению А.И. Дубровина, «все началось с несчастной русско-японской войны. Ее позор подготовил и завершил... граф Витте»². Или, как утверждает Грингмут, даже раньше, когда Витте «отвергнул прозорливый доклад генерала Куропаткина», предлагавшего существенно усилить нашу военную мощь на Дальнем Востоке», и «сочинил фантазмагорию Гаагской конференции, за которой, по его уверениям, должно было последовать всеобщее разоружение... и настать вечный мир». Но «никто не разоружился, кроме России, которая стала с каждым годом отставать в качестве и количестве своего вооружения, так как граф Витте... получил возможность ежегодно урезать наши военные бюджеты до такого минимума, при котором немислимо было иметь войска на высоте современных военных потребностей». Именно этим и объясняли правые поражения в войне с Японией. А когда, «после Мукдена» русская армия, мобилизовавшись, «стала сильнее японцев», которые уже «предчувствовали свою неминуемую гибель», на выручку им пришел Витте, поспешивший «предотвратить разгром Японии подписанием о мира»³ в Портсмуте, отдававшего Японии половину о. Сахалин.

Печатный орган СРН газета «Русское знамя» также утверждала, что именно «граф Витте, а не кто-либо другой, затеял Дальневосточную авантюру с Маньчжурской дорогой», именно он «отказывал военному министерству в тех бюджетных суммах, которые необходимы были для обновления наших боевых сил для защиты Дальнего Востока, он тратил миллионы на украшение Дальнего [торговый порт, – И.О.] и оставил беззащитным Порт-Артур [военно-морскую базу, – И.О.], он заключил мир как раз в то

¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 343.

² Открытое письмо председателя Главного Совета Союза русского народа А.И. Дубровина Митрополиту С.-Петербургскому Антонию, первенствующему члену Св. Синода. СПб, б.г. С. 10.

³ Собрание статей В.А. Грингмута. С. 287, 288.

время, когда победа уже была в наших руках...»¹. По этой причине, утверждал член Главного Совета СРН П.Ф. Булацель, «простой русский народ и русские генералы, офицеры и солдаты» просто «ненавидят графа Витте», заключившего «позорный мир, помешавший генералу Линевицу разбить японскую армию»².

Вспыхнувшая в России революция тоже не обошлась без участия Витте, полагали монархисты. «Связи, существующие между графом Витте и революцией, теперь уже не подлежат сомнению, – утверждал Грингмут. – Об этом слишком красноречиво говорит одна уже история попа Гапона. Безумная, преступная авантюра 9 января была инсценирована для того, чтобы произвести необходимое для Витте террористическое давление, которое... должно было вызвать на сцену либо его диктатуру, либо конституцию с его премьерством». Но эта первая попытка захватить власть «к счастью для России» не удалась. «Тогда граф Витте принялся за вторую. Опозорив Россию в Портсмуте, он вернулся в Петербург с твердым намерением... добиться своего – не путем такой частичной демонстрации, как это было 9 января, а посредством грандиозной "всеобщей забастовки"»³.

По мнению Грингмута, «всеобщие забастовки» не удавались даже «в конституционных государствах», тем более у них не было шансов в самодержавной России, правительство которой не стеснено «в выборе средств для немедленного подавления какой угодно забастовки». Однако во главе русского кабинета стоял Витте, который «в своих личных видах, считал нужным не бороться с созданною им же самим революцией, а протянуть ей дружественную руку, дабы воспользоваться ею, как средством для того, чтобы добиться осуществления всего того, что ему было нужно»⁴.

«Все приготовления были должным образом сделаны, и забастовка началась по всем правилам искусства», – писал Грингмут. Сам же Витте «клялся и божился, что без крупных политических уступок забастовка... все более будет разрастаться и кончится «всеобщей революцией»». Однако «несмотря на полное

¹ Русское знамя. 1906. 24 ноября. № 290.

² Булацель П.Ф. Борьба за правду. Т. 1. СПб., 1908. С. 41.

³ Собрание статей В.А. Грингмута. С. 211.

⁴ Там же. С. 210.

отсутствие репрессий и на изобилие потраченных на забастовщиков денег, – забастовка, начавшаяся 9-го октября, уже к 15 октября еле дышала, а 16 октября почти совсем прекратилась, и на железных дорогах уже служились молебны перед возобновлением работ», так как во время забастовки рабочие сами несли «страшные лишения». И тут «граф Витте понял, что еще день или два, – и его вторая попытка также плачевно для него кончится, как кончилась первая, январская. Он решил действовать энергично: вместо того, чтобы сказать правду о том, что забастовка сама собой прекращается безо всяких уступок со стороны Правительства, – он сознательно скрыл эту правду и заявил, что... вся Россия погибнет, если Правительство немедленно не спустит флага перед революцией и не уступит ей во всех тех требованиях, исполнение которых так необходимо было графу Витте, чтобы сделаться фактическим хозяином России»¹.

Спустя год Витте через газеты пытался доказать свою непричастность к революционному движению. В ответ Грингмут опубликовал открытое письмо, в котором утверждал, что во время отсутствия Витте в России, с 8 июля по 15 сентября (он ездил в Портсмут на переговоры с Японией), в стране «не было ни революционных забастовок, ни какой-либо «экзальтации» рабочих». Но как только Витте вернулся «тотчас закипела... работа в ее революционном подполье, а сам он 4 октября «открыто провозгласил свою революционную программу в заседании комиссии графа Сольского», произнес «цинически-наглую речь», в которой требовал... всего лишь свободы печати: «Правительство должно заявить, что оно внесет в Думу законопроект о свободе печати, а до того времени газетам необходимо дать полную свободу». Эта речь, по мнению Грингмута, и «послужила сигналом для открытого поднятия революционного знамени... начались крамольные железнодорожные забастовки; из них выросла «всеобщая забастовка», которая дошла до своего апогея 14 октября». «Вот тогда-то, – писал Грингмут, – Ваше Сиятельство... осмелились сочинить, вопреки истине, террористический доклад о состоянии России, и вырвали себе тот диктаторский пост, на который Вы вступили 18 октября. И тогда Вы

¹ Там же. С. 212.

тотчас открыли настежь все двери для торжествующей революции, которая залила кровью все Россию, погубила стольких русских людей и надолго отравила нашу молодежь – будущность России»¹.

Манифест 17 октября 1905 г. правые восприняли крайне негативно. Грингмут отреагировал так: «...Царя у нас украли»². Он называл манифест 17 октября «главной изменой графа Витте», «той страшной бомбой, которую он подложил под Россию»³, и даже «государственным переворотом»⁴. По его мнению, «вся беда пошла от «семнадцатого». С «семнадцатого» пошли красные флаги; с «семнадцатого» стали открыто кричать на улицах: «долой Царя»; с «семнадцатого» евреи подняли голову и кричали нам: «мы ваш Бог – мы ваш Царь!»; с «семнадцатого» пошли бунты, забастовки и погромы; с «семнадцатого» стала ручьями литься Русская кровь»⁵. При этом правые категорически отрицали, что октябрьский манифест спас монархию от гибели в пламени Первой русской революции. Председатель СРН А.И. Дубровин утверждал, что «если бы 17 октября ничего не было дано и выдержали бы еще несколько дней, то забастовки сами прекратились бы за недостатком средств [у рабочих, – И.О.]»⁶.

Для закрепления своей победы, утверждали монархисты, Витте настоял на принятии избирательного закона, который предопределил победу на выборах противникам самодержавия, или, как эмоционально писал Грингмут, «обеспечил бы проход в Думу жидам и ожидавшим на еврейских миллионах русским изменникам»⁷. Еще в ноябре 1905 г. один из лидеров киевских монархистов Д.И. Пихно телеграфировал премьер-министру: «Радикальный избирательный закон с сотней миллионов неграмотных крестьян – безумие», а «привлечение развращенных революцией рабочих приведет к ножам, револьверам и бомбам у избирательных урн»⁸.

¹ Русское знамя. 1906. 8 ноября. № 276.

² Цит. по: Восторгов И. Памяти В.А. Грингмута // Мирный труд. 1907. № 10. С. 187.

³ Собрание статей В.А. Грингмута. С. 229.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Там же. С. 229.

⁶ Правые партии. Т. 1. С. 607.

⁷ Собрание статей В.А. Грингмута. С. 249.

⁸ Московские ведомости. 1905. 20 ноября. № 306.

Результаты первой думской избирательной кампании полностью подтвердили опасения монархистов: правые, набрав 9,2% голосов на предварительных этапах выборов, в итоге не смогли провести в Государственную Думу ни одного своего представителя¹. Грингмут писал: «...повинуясь, как всегда, Царской Воле, монархисты не "бойкотировали" в марте и апреле думских выборов и добросовестно напрягли все свои усилия, чтобы провести противокрамольных кандидатов в Думу, хотя наперед были уверены, что, при столь безобразной системе выборов, которая была навязана России графом Витте, все честные истиннорусские люди заранее были обречены на поражение»². И «переменить этот выборный закон... нельзя», сокрушался Грингмут, так как он «включен в Основные Законы Российской Империи... граф Витте обо всем подумал, все взвесил, чтобы Русское Правительство оказалось в революционном капкане»³.

Правые утверждали, что для достижения своей цели Витте использовал лидеров радикальной оппозиции, в частности, священника Гапона (о чем говорилось выше) и председателя Петербургского Совета Г.С. Хрусталева-Носаря. Д. Павлов в «Русском знамени» написал об этом стихами: «Слуга угодливый масонов/ «товарищ» верный Носаря/ Мечтавший с помощью Гапонов/ Поколебать престол царя!»⁴. Грингмут по этому поводу писал: «Нас никто не заподозрит в сочувствии этому еврею [Носарю], обманувшему и погубившему столько честных рабочих; но мы совершенно становимся на его сторону, когда он требует, чтобы в залу суда был приведен и граф Витте, который... и приказывал Носарю обманывать рабочих, точно так же, как граф приказывал это делать "священнику" Гапону»⁵. В.М. Пуришкевич пошел еще дальше. На заседании Государственной Думы 13 февраля 1909 г. он заявил: «Мы знаем прошлую деятельность С.Ю. Витте, мы знаем ту связь, которая существовала между ним и представителями партии народной свободы, и даже более левыми, во главе революции стоявшими – Носарем-Хрустальевым и т.п.

¹ Степанов С.А. Указ. соч. С. 123.

² Собрание статей В.А. Грингмута. С. 185.

³ Там же. С. 148.

⁴ Русское знамя. 1906. 10 ноября. № 278.

⁵ Собрание статей В.А. Грингмута. С. 229.

героями». Более того, по мнению Пуришкевича именно «граф Витте создал еврейскую революцию... стоял во главе этой революции и направлял ее». Он рассказал членам Думы о публикации в газете «Русская земля» статьи с красноречивым названием «Граф Витте и провокация», в которой указывается «на целый ряд политических убийств, которые совершались в те годы, когда во главе правительства стоял гр. С.Ю. Витте, указывается на убийство Плеве, указывается на убийство Сипягина, указывается на убийство гр. Игнатьева». По мнению Пуришкевича, связь С.Ю. Витте «с провокацией и политическими убийствами, несомненно... может быть доказана», поэтому правительство «должно покончить» с этим «Казановой XX века раз и навсегда»¹.

Критикуя Витте, правые довольно часто переходили на личность премьер-министра. Так председатель СРН Дубровин в своей фантазии-действительности «Тайны судьбы», так писал о бывшем премьере: «Мелкий железнодорожный служащий... Мелкая душа, холодное, безжалостное сердце, неутомимая энергия хищника, безграничная жадность и властолюбие. Затем фортуна, удачи, ряд повышений – быстрых, сказочных... Вот – он уже бесконтрольный распорядитель миллиардов, составленных из жалких грошей страны, доведенной им до полного обнищания... Вот, наконец, – он – всемогущий премьер», мечтающий повторить «чудо судьбы» Бориса Годунова². В другой работе Дубровин напоминал, что помещик Дуранте в печати называл Витте «вором и грабителем и обязался даже поколотить», на что бывший глава правительства не отреагировал должным для дворянина образом. «Уж если у этого Полусахалинского графа не хватило смелости защитить... свою честь, то за какие бы знамена он ни хватался, они не прикроют всей его ужасающей гнусности. Проклятие в сердцах русских людей и в среде отдаленных русских поколений бесповоротно обеспечено за этим предателем Православия, Самодержавия и Русского Народа»³. Припоминал председатель

¹ Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч. 2. СПб.: Государственная типография, 1909. Стб. С. 1500, 1501.

² Дубровин А.И. За Родину. Против крамолы. М., 2011. С. 384, 385.

³ Там же. С. 205-210

СРН и попытку Витте подкупить его через «помещика Пронина, о чем доподлинно известно многим членам Русского Собрания»¹.

Лидер московских монархистов Грингмут, не отрицая наличие у графа Витте ума («у него ум живой, впечатлительный, быстрый, работоспособный»), в то же время подчеркивал, что «это не здоровый ум, – это ум болезненно-отуманенный безграничною гордостью, колоссальным самомнением, неудержимым властолюбием, слепую уверенность в своей собственной непогрешимости, побуждающей его к резким, необдуманым мерам и к... расправе со всеми, кто с ним не согласен». А так как у Витте «необходимых для государственного человека сведений и знаний не имеется, так как он во всем, – кроме железнодорожных тарифов, – всегда был дилетантом, жившим чужими мыслями и трудами, то ему ни его гордости, ни его самомнения, ни его властолюбия простить нельзя, тем более что все эти недостатки вместе с его легкомысленным дилетантизмом, так неизмеримо тяжело отозвались на судьбе всей России». Еще одной отталкивающей чертой Витте Грингмут называл «его увертливость, двуличность и неискренность. Дошло до того, что теперь ему уже никто не верит»².

В целом, правые крайне негативно оценивали результаты пребывания Витте у власти. «Развенчанный царь, поруганная православная вера, господство инородцев и евреев над русским человеком, хозяином земли, добытой трудами, кровью и самоотвержением нашего народа – таковы видимые результаты Виттовской внутренней политики. Но с такими результатами не примириться ни один истиннорусский православный человек...», – утверждало «Русское знамя»³. «Благодаря его заискиванию перед революцией и дарованным при его ходатайстве всяким свободам, – писал член СРН и «Русского Собрания» известный историк Д.И. Иловайский, – еврейское или революционное движение в России приняло такие размеры и характер, выразилось такою массою убийств из-за угла, грабежей, пожаров и мятежей, что государство, еще недавно называвшееся могущественным и покоящимся на твердых устоях, очутилось на краю пропасти и

¹ Там же. С. 536-543.

² Собрание статей В.А. Грингмута. С. 62, 63, 64.

³ Русское знамя. 1906. 31 октября. № 269.

готово погибнуть»¹. По мнению лидера московских монархистов о. И.И. Восторгова, Витте – это «злой гений России, человек неглубокого, негосударственного ума, но необычайной ловкости и честолюбия, не знающий никакой разборчивости в средствах»². Булацель считал политический курс Витте антинациональным. «При Александр III весь мир боялся России и уважал русское правительство, а теперь весь мир восхваляет политику графа Витте и в то же время презирает русский народ», – писал он³. Националист А.И. Савенко в своем докладе на одном из заседаний Киевского Клуба русских националистов назвал первого премьер-министра «кошмарным Витте». По его мнению, «заслуги» графа Витте перед Россией сводятся к следующему: «Он заключил позорный мир с японцами, он капитулировал перед бунтом в 1905 г., он спровоцировал 313 погромов, предоставив обществу самому бороться с революцией. Когда затем посыпались жалобы, он вместо того, чтобы ответить, что это сам народ борется с революцией, поручает сенаторам расследование погромных дел»⁴.

Когда в 1906 г. прошел слух о возвращении Витте из-за границы в Россию (за ним якобы был даже выслан пароход) «Русское знамя» опубликовало очередное стихотворение Д. Павлова:

Салон-вагон иль пароход
Его везет – не все равно ли?
Но лучше б этот друг «свобод»
На Русь не возвращался боле!
Довольно бед довольно смут
Довольно злобы сатанинской
Пускай прокатится в Портсмут
Экспроприатор Сахалинский!
Пусть едет в Лондон, в Лиссабон
В Париж, Токио или Панаму –
Счастливым путь! Чем дальше он
Тем Русь целей, тем меньше сраму!⁵

¹ Кремль. 1906. 19 октября. №№ 26, 27 и 28.

² Восторгов И. Указ. соч. С. 186-187.

³ Булацель П.Ф. Указ. соч. С. 11.

⁴ Сборник клуба русских националистов. Вып. 4-5. Киев. 1913. С. 66, 68.

⁵ Русское знамя. 1906. 1 ноября. № 270.

Таким образом, в оценке деятельности Витте монархисты были на редкость единодушны, осознавая, что результатом ее станет движение России в сторону либеральной капиталистической экономики и конституционной монархии, чего консерваторы всеми силами стремились не допустить. Правые обвиняли первого председателя Совета министров во многих «грехах» – от намеренного уничтожения сельского хозяйства и создания «неведомого» для России «рабочего пролетариата», до спаивания населения и вывоза русского золота за границу. Однако главным «преступным деянием» Витте правые считали поддержку революционного движения, воспользовавшись которым он хотел получить диктаторские полномочия для борьбы со «смутой» и захватить власть в стране, оттеснив самого императора.

В.В. Соколов¹

ОГРАНИЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Уже традиционным для российского научного дискурса, связанного с изучением общих закономерностей развития политического спектра российского общества начала XX в., стал тезис о том, что базовым постулатом либеральной модели преобразования социально-политической системы страны выступало требование всеобщего избирательного права. Данный постулат вполне укладывается в общую концепцию понимания либерального типа мировоззрения, как подхода, основанного на верховенстве института прав и свобод человека, опирающегося на принцип неприкосновенности частной собственности как материальную основу формирующегося социального слоя. Подтверждается этот тезис и тем, что в политической риторике политических партий начала XX в. лозунг всеобщего избирательного права встречается не только у центристов, но и у целого ряда акторов политического процесса, которые относятся либо к правым либералам, либо к леворадикальным частям политического сектора. В последнем случае речь, конечно, шла о политическом пиаре, а лозунг всеобщего избирательного права выступал элементом предвыборной агитации, однако это вполне симптоматично в части степени популярности этого лозунга в российском политически активном социуме начала прошлого века.

Конечно же, хорошо известен подход к этому конституционно-демократической партии, допустившей в своей партийной программе вариативность ответа на вопрос о распространении всеобщего избирательного права на женщин. Существовала также достаточно политически взвешенная позиция соседей кадетов справа в лице партии демократических реформ и мирного обновления, полагавших возможным постепенное вовлечение женщин в активную общественную жизнь посредством первоначального допуска их к местным выборам, а впоследствии, по мере обретения женщинами социального опыта, уже предлагалось решать вопрос об их окончательном уравнивании в избирательных правах с мужчинами.

¹ *Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент.*

Сравнительный анализ программтики
центристских либеральных партий России начала XX в.

Партии Права человека	Конституционно- демократическая партия	Партия мирного обновления	Партия демократических реформ
Право избирать и быть избранным в органы местного самоуправл ения	Представительство в органах местного самоуправления, приближенное к населению путем учреждения мелких самоуправляющих единиц, должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании без различия пола, вероисповедания и национальностей, причем собрания высших самоуправляющихся союзов могут быть образованы путем избрания собраниями низших таких же союзов... (п. 21)	Представительство в органах местного самоуправления должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании, <u>безотносительно к полу,</u> <u>вероисповеданию и национальности,</u> но под условием постоянного проживания в данном уезде или городе не менее двух лет, а для лиц, не удовлетворяющих этому условию, — обладания там же в течение того же срока недвижимым имуществом. Представительство в мелких (дробная часть уезда) самоуправляющихся единицах образуется особо на тех же началах. (п. 19)	Представительств о в органах местного самоуправления должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании, <u>безотносительно к полу,</u> <u>вероисповеданию и национальности,</u> но под условием постоянного проживания в данном уезде или городе не менее двух лет, а для лиц, не удовлетворяющих этому условию, обладания там же в течение того же срока недвижимым имуществом (п. 19)

¹ Золотухина Е.К. Права и свободы человека в партийно-политической деятельности российских либералов в 1905-1917 гг. Дис.... к.и.н., Орел, 2010. С. 128.

Из приведенной таблицы видно, что программы всех трех партий предполагают участие женщин в выборах в органы местного самоуправления, а в качестве ограничения избирательных прав применяется двухлетний ценз оседлости или владение недвижимым имуществом в течение того же времени. Размеры последнего не указываются, но для партийной программы это вполне естественно. Технические детали могли быть прописаны в соответствующем проекте избирательного закона или ином уместном нормативно-правовом акте.

Однако, если мы обратимся к такой специфической характеристике политико-правовой практики либеральных политических сил практически всех разновидностей и оттенков, как нормативно-правовая определенность их политических сценариев, то мы увидим, что в каждом из них присутствует присущее правовым регуляторам единство прав и обязанностей, находящее свое выражение в неизбежном ограничении прав и свобод интересами социума в целом. Естественно, что подобный механизм присущ не столько массиву партийных документов, объединяемых предложенным В.В. Шелохаевым термином «программатика», сколько следующему поколению документов, генерируемых преимущественно либеральными партиями, представляющими собой совокупность законопроектов различной степени готовности. Российский либерализм в целом за полвека прошел путь от первых теоретических поисков путей реализации в специфических российских условиях либеральной модели преобразования общества, через опыт становления своих партийных структур к переводу теоретических постулатов и партийных директив на язык законотворчества в форме конкретных законопроектов.

Соответственно, если мы говорим о подходе либеральных политических сил к регулированию избирательных прав граждан (подданных) Российской империи, то для его характеристики мы можем использовать такой уникальный корпус источников, как либеральные проекты Основного закона (Конституции) России начала XX в. Его уникальность состоит, прежде всего, в том, что, российские либералы, выступая за изменения законодательства России как средство социального конструирования, весьма серьезно и, в хорошем смысле педантично, подходили к вопросу разработки текста законопроектов. Даже если речь идет о

созданном «преимущественно в пропагандистских целях», по словам одного из его создателей, «освобожденческом» проекте, мы видим вполне структурированную и связанную внутренней логикой юридическую конструкцию. Кстати это, как представляется, подтверждается тем, что через изменения, которые были в него внесены «харьковским» проектом, он использовался в базовом либеральном проекте Основного закона России, подготовленного под руководством С.А. Муромцева.

В целом ценность этим документам добавляет и то, что они готовились (хотя и не все) в комплексе с проектом избирательного закона, что также позволяет уточнить ряд существенных деталей.

Переходя к характеристике интересующих нас сюжетов в либеральных проектах конституции России, сразу отметим, что «Проект Конституции Российской Империи с разделами: Государств. устройство, Права граждан, Народное просвещение», содержащийся в фонде А.И. Гучкова, относится к числу проектов партийных программ, несмотря на его название, что было показано в ряде работ, опубликованных в 2019 г.

Отдельно следует рассматривать документ, известный как «Проект Екатеринославского земства»¹, который, сохраняя де-факто и де-юре куриальную систему, пытается построить ее на иных принципах, чем действовавшая в России. Он стоит особняком от иных либеральных проектов. По мнению его авторов, вторая палата – Государственная Дума, должна была формироваться «из представителей трудовых групп населения». К таковым категориям авторы отнесли четыре группы: «земледельческое население, население городов, торгово-промышленный класс (предприниматели и рабочие) и представители науки и просвещения».

По замыслу авторов, избирательным правом обладал каждый, соответствующий возрастному, имущественному или образовательному цензу. В проекте это совершеннолетний гражданин, имеющий земельное имущество, платящий квартирный налог (в городах) или обладающий ученой степенью.

¹ Проект Государственной Думы, составленный Екатеринославским земством // Еженедельная юридическая газета «Право» № 21 от 29 мая 1905 года, воскресенье СПб. Под ред. В.М. Гессена, Н.И. Лазаревского. Стб. 1746-1750.

Система выборов предполагалась двухступенная. Каждые 2.000 избирателей выбирали первого выборщика, а каждые 100 выборщиков – одного депутата на каждые 200.000 человек. Выборы проводились самостоятельно по каждой «трудовой группе», при этом предприниматели и рабочие подразделялись на две группы. Представители ученых коллегий производили выборы в академии наук.

В предполагаемом составе Государственной Думы планировалось в общей сложности 810 депутатов из расчета: от земледельческой группы – 617, от городского населения – 100, от предпринимателей – 24, от рабочих – 45, от ученых коллегий – 24.

Данные проект, сохранявший куриальную и многостепенную систему, некорректно сравнивать с иными проектами, основанными на иных подходах, в т.ч. и в сфере ограничения избирательных прав. Стадиально Екатеринославский проект (равно как и «Булыгинский») возможно был бы и неплохим, но он появился в политическом пространстве слишком поздно. Общественно-политическая ситуация стремительно изменялась и предъявляла новые, более высокие, запросы к проектам октроированной конституции. Соответственно, в общий ряд для последующего сравнения ограничений избирательных прав данный проект мы не включаем, т.к. он содержит институциональное ограничение на допуск к выборам по достаточно произвольному, с точки зрения легитимации, признаку – выделение «созидающих» социальных групп. Не содержит проект и такой общелиберальной «священной коровы» как «общее, равное, прямое и тайное голосование», хотя это вряд ли что-то меняло бы.

Исходя из означенных ограничений, сравним в табличной форме имеющиеся в нашем распоряжении тексты либеральных законопроектов.

Таблица 2.
Сравнительный анализ либеральных проектов
Основного закона России начала XX в.

<p>Проект Основного закона Российской империи.¹ (проект конституции, опубликованный П.Б. Струве в мае 1905 г. – «Освобожденческий проект»)</p>	<p>Проект Основного закона Харьковского юридического общества. «Харьковский проект»²</p>	<p>Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева (1905 г.) с позднейшими правками³</p>	<p>Проект основного закона Российской империи Московской Городской Думы // Московские ведомости. 1905. 12-13 мая⁴</p>
			<p>В. О народном представительстве 2. Государственная Дума состоит из Народного Собрания и Государственного Земского собрания.</p>
<p>41. Палата народных представителей избирается общим, равным, прямым и тайным голосованием. Участвовать в выборах и быть избранными в Палату народных представителей может каждый гражданин Российской империи, достигший</p>	<p>41. Палата народных представителей избирается всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Участвовать в выборах и быть избранным в Палату народных представителей может каждый гражданин Российской</p>	<p>42. Палата народных представителей избирается населением посредством всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования. 43. Право участия в выборах народных представителей принадлежит каждому российскому гражданину мужского пола, достигшему</p>	<p>3. Народное собрание состоит из представителей, избираемых на 3-х летний срок всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием на основании особого избирательного закона. 4. Государственное земское собрание состоит из</p>

¹ Основной государственный закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза Освобождения». Париж, 1905.

² Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков: Типография-литография Н.В. Петрова. 1906. 154 с. С. 136-153. С. 142.

³ Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384-406.

⁴ Право. 1905. № 21 (29 мая). Стб. 1735-1746.

<p>гражданского совершеннолетия, кроме:</p> <p>а) лиц, состоящих на действительной военной службе;</p> <p>б) членов уездной и городской полиции;</p> <p>в) лиц, находящихся под опекой;</p> <p>г) лиц, лишенных или ограниченных в правах по суду, и лиц, находящихся под судом, или следствием по обвинению в преступлении, могущем повлечь за собой лишение или ограничение прав.</p> <p>Преступления печати и государственные не служат основанием к лишению избирательных прав.</p>	<p>Империи мужского пола, достигший гражданского совершеннолетия, кроме:</p> <p>а) лиц, состоящих на действительной военной службе,</p> <p>б) чинов Уездной и Городской полиции,</p> <p>в) лиц, состоящих под опекой,</p> <p>г) лиц, лишенных или ограниченных в правах по суду и лиц, находящихся под надзором или следствием по обвинению в преступлении, могущем повлечь за собою лишения или ограничения прав.</p> <p>Преступления печати и государственные не служат основанием к лишению избирательных прав.</p>	<p>25-ти летнего возраста, за исключением:</p> <p>1) лиц, состоящих под опекой или попечительством;</p> <p>2) лиц, объявленных несостоятельными должниками, кроме признанных несчастными;</p> <p>3) лиц, лишенных прав по судебным приговорам, на срок такого лишения;</p> <p>4) лиц, призреваемых в благотворительных заведениях;</p> <p>5) лиц, состоящих на действительной военной службе, и</p> <p>6) лиц, занимающих должности губернаторов и вице-губернаторов, чинов прокурорского надзора и полиции.</p>	<p>государственных гласных, избираемых на основании избирательного закона губернскими, или более крупными земскими и городскими думами городов, имеющих 50 тыс. и более жителей. Повсеместно в Русском Государстве вводятся земские учреждения с образованием земских собраний из представителей, избранных из лиц, проживавших в соответствующих округах определенное время. При этом собрания производятся также путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, с устранением от подачи голосов лиц, проживавших в избирательном округе менее определенного времени.</p>
<p>43. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом обоих Палат.</p>	<p>43. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом обеих палат.</p>	<p>52. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом обеих палат. Кто, состоя членом одной из палат,</p>	

		принимает избрание в состав другой палаты, тот тем самым, слагает с себя прежние полномочия.	
		106. Местное самоуправление низших союзов имеет, быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании. Каждое лицо, имеющее право участия в выборах в палату народных представителей, имеет право такого же участия в местных выборах, если оно прожило в данном месте - уезде или городе — не менее одного года или в течение того же срока уплачивало местные земские или городские сборы. Собрания высших самоуправляющихся союзов могут быть избираемы собраниями низших таковых же союзов».	IV Муниципальная программа 1. Организация городских выборов на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, за исключением из числа лиц, которые должны пользоваться активным правом, всех проживавших в городе менее одного года.

Таблица наглядно показывает общее для мировой практики ограничение по возрасту, которое в основном дифференцируется его конкретными характеристиками. В ряде российских проектов их авторы сочли целесообразным приурочить возрастной ценз к гражданскому совершеннолетию. С одной стороны, это выглядит логичным, но, с другой стороны, объединение с одним возрастом активного и пассивного избирательного права вряд ли является идеальным решением. Предложенный в «муромцевском» варианте

25-летний возраст фактически наиболее консервативный из всех рассматривавшихся вариантов. Иные подходы к этому вопросу склонялись к возрасту гражданского совершеннолетия 21 год.

Помимо общих возрастных ограничений, присущих той эпохе, когда очень стремительно менялись представления о должном порядке, к которому следует стремиться, в число тех, чьи избирательные права ограничивались, вошли следующие категории: состоящие на действительной военной службе; сотрудники уездной и городской полиции; находящиеся под опекой; лишенные или ограниченные в правах по суду, а также находящиеся под судом или следствием по обвинению в преступлении, санкция за совершение которого может включать лишение избирательных прав.

Более подробно вопрос о выделении специальных ограничений прописан в проекте Муромцева. К указанным выше категориям, исключенным «освобожденческим» и «харьковским» проектами из числа избирателей, его проект уточнял и дополнял их. Изменен был и порядок перечисления этих категорий. В статье были перечислены лица, состоящие под опекой или попечительством; объявленные несостоятельными должниками, кроме признанных несчастными (имеются ввиду лица, неспособные уплатить долги по векселям ввиду непредвиденных обстоятельств (пожар, наводнение и т.п.) – т.н. «несчастливая несостоятельность» – *Прим. авт. – В.С.*); лишенные прав по судебным приговорам на срок такого лишения; призреваемые в благотворительных заведениях; состоящие на действительной военной службе; занимающие должности губернаторов и вице-губернаторов, чинов прокурорского надзора и полиции.

Строго говоря, новый, наиболее развернутый из известных нам перечней, выдержан в более строгих канонах юридической техники. Первыми в него включены категории, связанные с ограничением дееспособности по общепринятым в праве основаниям, а завершается он категориями, связанными с их специальным служебным статусом. В случае с военнослужащими, полицейскими и сотрудниками иных правоохранительных органов авторы проектов исходили из того, что они находятся как под контролем командования, так и могли быть связаны его приказом. В любом случае, решение могло приниматься несамостоятельно, что в чем-

то напоминало ситуацию с оценкой целесообразности предоставления права голоса женскому населению России, проживавшему преимущественно в сельской местности, в т.ч. в составе т.н. «большой семьи».

Таким образом, сравнительный анализ ограничений избирательных прав в либеральных проектах Основного закона России убедительно показывает, что их авторы создавали добротные юридические проекты, даже если, по их же словам, главной целью была пропаганда принципов конституционализма. От законопроектов, напоминающих скорее политические декларации (чем в основном страдали социал-демократы и, отчасти, крайне правые), их отличает и системность, и четкость формулировок, а также наличие в ряде случаев параллельно подготовленных проектов избирательного закона, к которому можно было сделать отсылки в случае пробелов в тексте конституционного проекта. К признакам качества юридической техники следует отнести и соотношение ограничений с реальной ситуацией в российском социуме. Несмотря на формальные отклонения от либеральных эталонов избирательных прав граждан, проекты не содержат явно невыполнимых требований, которые могли бы исключить проект из поля практического законотворчества. Вместе с тем, они устраняют от участия те категории, которые были в наибольшей степени подвержены влиянию при принятии решения в процессе голосования.

Современное законодательство ушло далеко вперед и технические аспекты ограничения избирательных прав вековой давности напрямую неприменимы. Однако принципиальные подходы, связанные с формированием посредством разработки соответствующих нормативно-правовых актов новой ситуации в социуме, при которой население будет постепенно обретать опыт распоряжения политической свободой, аккультурацией западного права, заслуживают внимания и теоретика, и практика и в наши дни, сколь бы банальной ни казалась эта фраза.

Е.К. Золотухина, П.А. Калугин, Е.А. Якунина¹

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПРОГРАММЕ МОСКОВСКОГО ЦК «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»

Введение

Одним из устоявшихся направлений в изучении политико-правового наследия России конца XIX – начала XX вв. стало обращение к партийной программатике представителей различных политических сил, в числе которых важное место занимали представители либерального политического лагеря, оставившие нам наибольшее количество материалов как в сфере их партийно-политической практики, так и в сфере законотворческой деятельности. Перечень политических организаций российского либерализма начала XX в. до сих пор не обрел общепринятые исследователями рамки. Так, вплоть до настоящего времени остается открытым вопрос о либеральном характере политико-правовых практик начала XX в. представителей октябристов. Ряд исследователей относят их к правому крылу российского либерализма, другие полагают, что, несмотря на отсутствие в программе партии тезиса о сохранении черты оседлости, обсуждение этого вопроса на партийных съездах и однозначность вынесенных на них решений² позволяют ставить под сомнение принадлежность к либеральному направлению партийных образований, отрицающих принцип равенства национальностей.

Существует неоднозначность позиции даже в отношении основной партии российского либерализма – конституционно-демократической, считающейся таковой с момента основания в 1905 г. и во всем последующем периоде ее историографического

¹ *Золотухина Екатерина Керимовна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

Калугин Павел Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

Якунина Екатерина Александровна – магистрант кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

² Партия «Союз 17 октября» // Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М., 1996. С. 343-346.

изучения, в т.ч. и в рамках советского периода историографии российского либерализма. Ряд исследователей вполне резонно указывают, что либеральному кредо в виде тезиса о неприкосновенности института частной собственности противоречит инициатива кадетов в аграрном вопросе. Основание этого они видят в наличии в соответствующем законопроекте (т.н. «проект 42-х») института принудительного отчуждения земли. Это, по мнению сторонников данного подхода, не дает возможности отнести кадетов к представителям, как минимум, классического либерализма. Не входя в длительную дискуссию по данному вопросу, отметим, что в аграрном проекте кадетов предусматривалась компенсация потерь землевладельцев, что выступало старой нормой разрешения противоречий в вопросах собственности, когда сталкивались публичный и частный интерес. Подобную норму и соответствующую правоприменительную практику знало как зарубежное, так и дореволюционное российское законодательство.

Подробное рассмотрение и тем более разрешение возникших в ходе научного дискурса противоречий по вопросу о принадлежности конкретных политических сил к либеральному лагерю не входит в задачу настоящей статьи. Упоминание данной проблемы обусловлено тем, что обращение отечественных исследователей к сравнительно малоизученным и крайне редко упоминаемым документам «Союза 17 октября» вновь поставило вопрос о политической принадлежности этого течения. Полагаем, что, несмотря на приведенные выше аргументы, мы можем отнести «октябризм» как политическое течение к правому крылу российского либерализма, тем более, что с учетом общности политической купели, из которой вышли левые октябристы и правые кадеты, провести четкую границу, если на брать партийную принадлежность и фракционную дисциплину, будет весьма проблематично.

Материалы и методы

В настоящее время уже сложилось устойчивое понимание круга источников, на основании которых отечественные исследователи дают характеристику базовым направлениям идеологии политических течений в России начала XX в. Среди них как таковой неотъемлемый элемент как партийные программы, так и блок

материалов, известный как «либеральные проекты Основного закона (Конституции) России (Российской империи)»; в качестве альтернативного названия может употребляться: «конституционные проекты российского либерализма» и иные варианты этого синонимического ряда. Однако, как правило, они относятся к традиционному, давно сформировавшемуся кругу проектов. Традиционно их перечень открывает «освобожденческий проект»¹, следом идет «муромцевский»². В свою очередь, почти клоном «освобожденческого» проекта выступает «харьковский»³. Особняком стоит «проект Московской городской думы (МГД)» или «герценштейновский» и нечасто, но упоминается некий «Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством».

Указанные выше проекты по их политической сущности вполне справедливо классифицировались как центристские или леволиберальные, а вопрос о наличии аналогов у правого крыла российского либерализма оставался открытым⁴. Одно время в историографии появились материалы о том, что наиболее репрезентативными для показа праволиберальных подходов к конституционному законотворчеству были документы фонда А.И. Гучкова в ГА РФ, хранившиеся там под названием «гучковской» конституции. Собственно само архивное дело так и называлось «Проект конституции Российской империи»⁵.

Однако проведенная впоследствии комплексная оценка результатов компаративного анализа материалов партийных программ и документов из дела фонда Гучкова «Проект Конституции Российской Империи...» показала, что в

¹ Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз // Словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] // URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html> (Дата обращения: 10.05.2014).

² Также существовало, но не получило распространения наименование проекта «земский». См.: Кокошкин Ф.Ф. Биография [Электронный ресурс] // URL: <http://ibyu.narod.ru/kokosh.html> (Дата обращения: 10.07.2019).

³ Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества – место и роль в либеральном конституционном законотворчестве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60-64.

⁴ Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015. С. 121-125.

⁵ Проект Конституции Российской Империи с разделами: Государств. устройство, Права граждан, Народное просвещение // ГА РФ Ф. 555 (Гучков А.И.). Оп. 1. Д. 5.

действительности это вариант проекта программы партии «Союза 17 октября», который занимает промежуточное положение между вариантом партийной программы, принятой на Первом съезде «Союза 17 октября» и Программой Московского ЦК партии, датируемой осенью 1906 г. Тем более, что в сентябре 1906 г. мы видим появление еще одного варианта партийной программы октябристов, которая была презентована на Поволжском съезде «Союза»¹.

Таким образом, «проект Гучкова», если считать с 90-х гг. XX в.², числился конституционным проектом около четверти века. Однако это обстоятельство дало возможность иначе посмотреть на программатику октябристов, где традиционно преобладал подход к тому, что в качестве таковой большинство исследователей ограничиваются первым вариантом программы партии, который имел, строго говоря, вид скорее развернутой политической декларации, а строго функциональные очертания начал приобретать несколько позже.

Соответственно формировались и сборники партийных программ, в которых составители ограничивались наиболее распространенным в отечественной историографии вариантом. Иные материалы не были совершенно неизвестными, к ним обращались отечественные исследователи, используя их для показа конкретных направлений деятельности октябристов за сравнительно недолгий период существования партии.

Полагаем, что в силу указанных выше обстоятельств, вполне логично будет обратиться к тексту соответствующих документов, чтобы показать позицию одной из важнейших политических сил России начала XX в. Программа «Союза 17 Октября», принятая Первым съездом партии в феврале 1906 г., вариант, утвержденный Московским Центральным Комитетом в 1906 г. в преддверии Второго съезда партии, «Краткая политическая программа «Союза 17 октября», принятая на Поволжском съезде в Казани в сентябре 1906 г., а также изменения, внесенные в программу октябристов

¹ Аронов Д.В., Жилиева С.К. «Конституция А.И. Гучкова» – праволиберальный проект Основного закона или черновик партийной программы «Союза 17 октября» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 3.

² Пучина Т.А. Вопросы государственного устройства и управления в программных документах и материалах политических партий России начала XX в. Дис. ... к.и.н. М., 1995. С. 75–76.

Вторым съездом, проходившим в феврале 1907 г., составили источниковую базу работы¹.

В качестве конкретной проблематики исследования избран институт прав и свобод человека, выступающий помимо, как отмечалось выше, института частной собственности, двумя базовыми основами либерального «символа веры».

Результаты

Перечень прав российских граждан вполне традиционно открывается указанием на то, что все они равны перед законом. Эта формула вполне соотносится и с проектом конституции С.А. Муромцева, также открывавшимся разделом о равенстве граждан перед законом.

Далее следует классический запрет произвольного задержания, произведенного помимо судебной власти, наложения помимо нее какого-либо наказания или ограничения. Упраздняется паспортная система, как несоответствующая требованиям свободы передвижения и выбора рода занятий.

Весьма близко к кадетским формулировкам звучит пункт о свободе слова, где речь идет о специфике ответственности за преступления, совершенные посредством СМИ.

Пункт восьмой специально посвящен праву подачи петиций, причем особо оговаривался их как индивидуальный, так и коллективный характер.

Весьма интересно формулировался пункт 9, посвященный правам женщин. В нем была употреблена следующая формула: «Женщины должны быть уравнены в имущественных, наследственных и вообще во всех гражданских правах с мужчинами», что позволяет говорить о том, что требования п. 1, где было сказано, что: «Все российские граждане, без различия пола, национальности и вероисповедания, равны перед законом» к женщинам не относились.²

¹ Программа «Союза 17 Октября», утвержденная Московским Центральным Комитетом. М., 1906; Краткая политическая программа «Союза 17 октября», принятая на Поволжском съезде в Казани в сентябре 1906 г. Казань, 1906; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1: 1905-1907 гг. С. 341-342.

² Программа «Союза 17 Октября», утвержденная Московским Центральным Комитетом. М., 1906.

Следующий раздел – «Народное образование» – можно рассматривать как «право на образование», но в целом хорошо заметно, что это скорее развернутые тезисы о будущей законотворческой работе.

Полностью идентичны разделы, посвященные правам человека в «гучковском проекте» и в Программе, принятой Московским ЦК. Что же касается такого раздела материалов фонда Гучкова как «Права граждан», то их сравнительный анализ с текстом Программы «Союза 17 октября» показывает полное смысловое и текстовое совпадение. Таким образом, вполне можно говорить о том, что раздел, посвященный правам человека, не претерпел каких-либо особых изменений в ходе всех весьма непростых экзерсисов в октябристской среде, связанных с наличием двух ЦК, с не самой простой системой созыва и проведения съездов, а также с существованием отдельных центров политической активности на фоне в целом, кокусного (клубного) типа партии.

Хотя, если сравнивать материалы Программы 1906 г. с текстом раздела 3 «Обеспечение гражданских прав» из «Основной программы «Союза 17 октября», то нетрудно заметить, что последний представляет собой сплошной блок текста, подвергшийся членению на отдельные, классические пункты. Если проанализировать его, то получим следующую картину:

1. свобода вероисповеданий,
2. свобода слова, устного и печатного,
3. свобода собраний и союзов,
4. свободы передвижения, выбора места жительства и рода занятий,
5. обеспечение свободы труда, промышленности, торговли,
6. свободы приобретения собственности и распоряжения ею,
7. неприкосновенность личности, жилища, переписки, собственности граждан.
8. Никто не может быть арестован, подвергнут какому-либо насилию, обыску, лишению имущества и т.п. без постановления соответствующей судебной власти. Всякое лицо, задержанное по

какому-либо обвинению, должно в точно определенный и кратчайший срок, напр., 24 часа в городах, быть предоставлено судебной власти или освобождено. Для ограждения всех этих прав от посягательств, как со стороны частных лиц, так и со стороны лиц должностных, они должны быть поставлены под защиту уголовных законов; при этом должна быть установлена судебная ответственность должностных лиц, каково бы ни было их положение.

9. Все эти права, огражденные законом, имеют один естественный предел в правах других граждан и в правах общества и государства.

Практически мы видим сохранение большей части ранее опубликованного текста с той разницей, что в другие разделы перешли такие права, как: обеспечение свободы труда, промышленности, торговли и свободы приобретения собственности и распоряжения ею.

Однако данное отличие не выступает в качестве существенного и позволяет говорить о принципиальном сохранении структуры и содержания раздела о правах человека в варианте партийной программы «Союза 17 октября», принадлежащем Московскому ЦК партии.

Заключение

В целом, можно говорить о том, что анализируемый текст варианта партийной программы содержит традиционный либеральный набор прав и свобод человека, хотя, по известным тактическим соображениям, принцип равенства национальностей в нем отсутствует, хотя и проводится на уровне отдельных граждан (п. 1).

Правое крыло российских либералов следовало общей тенденции российского либерализма, формировавшего свою национальную модель преобразования страны, придерживаясь, как правило, базового постулата Б.Н. Чичерина о том, что «...есть и более глубокие причины, которые заставляют самого честного либерала впасть в противоречие с собою. Необходимость управлять на деле раскрывает все те условия власти, которые упускаются из вида в оппозиции. Тут недостаточно производить агитацию – надобно делать дело; нужно не разрушать, а

устраивать, не противодействовать, а скреплять, и для этого требуются положительные взгляды и положительная сила. Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции»¹.

Исходя из этого, российские либералы и обращались постоянно к составным элементам либерального символа веры, стремясь найти ту грань, где, с одной стороны, сохраняется стремление к свободе личности как главной цели развития социума как такового, а, с другой, сохраняется необходимая устойчивость общества и власти (государства). Последняя должна была гарантировать, что лекарство не окажется опаснее болезни, а зарождающаяся свобода не станет жертвой вырвавшейся из берегов вседозволенности в виде, хотя бы, того же «русского бунта – бессмысленного и беспощадного».

Использование дополнительных источников программного характера позволяет четче акцентировать позицию октябристов по одному из базовых институтов, лежащих в основе либерального мировоззрения, – институту прав и свобод человека.

И.Ю. Зубарев²

АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ НАЧАЛА XX в.: К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ И СПЕЦИФИКИ СОСТОЯНИЯ

В начале XX в. революционные потрясения в России стали одной из причин становления российского парламентаризма. Период революции 1905-1907 гг. был не только временем рождения российской Государственной Думы, но и периодом возвышения радикальных политических течений, как левых, так и правых. Данная работа посвящена одному из таких течений, а именно –

¹ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма. 1861 г. / Tekstus / Livejournal // [Электронный ресурс] URL: <https://tekstus.livejournal.com/860252.html> (Дата обращения: 16.10.2019).

² Зубарев Иван Юрьевич – магистрант Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина.

анархизму.

Так совпало, что развитие анархизма в России в начале XX в. пришлось на период выборов и деятельности I Государственной Думы. Впрочем, нет ничего удивительного, что наиболее радикальные политические течения находят активное распространение в народных массах именно в такие переломные и тяжелые для политической системы государства моменты. В данный период анархизм являлся достаточно новым политическим течением в Российской империи. Первые анархистские группы зарождаются на западных и южных границах страны. Подлинно известная на сегодняшний день, первая анархистская группа возникла в Белостоке (нынешняя Польша) среди еврейских рабочих¹. С середины XIX в. на территории Польши проходили массовые крестьянские и рабочие выступления. Положение рабочих на начало века было здесь бедственным, что усугублялось еще и национальным вопросом – весьма большую прослойку рабочих составляли евреи. Все это вызывало новые социальные катаклизмы. Именно здесь анархистская группа впервые перешла к тактике «прямого действия» – террору².

В свете данного, обратим внимание на восприятие анархистами тактики террора. Отметим, что политический терроризм стал актуальной политической проблемой именно в период Первой русской революции. Представление о размахе революционного террора в эту эпоху дает статистика, представленная, например, в работе американской исследовательницы Анны Гейфман. Так за один год, начиная с октября 1905-го, в России было убито и ранено 3 611 государственных чиновников, к концу 1907 г. число государственных чиновников, убитых или покалеченных террористами, достигло почти 4 500³.

Террор как средство политической борьбы был провозглашен еще народниками. Основными манифестами политического террора этого времени выступили: «Катехизис революционера» (1871 г.) С.Г. Нечаева, «Смерть за смерть» С.М. Кравчинского, «Террористическая борьба» (1880 г.) Н.А. Морозова. Основная цель террора: ответ на политические репрессии по отношению к

¹ Пейч Д.И. Колыбель анархистского террора // Родина. 2012. № 12. С. 109-111.

² Там же.

³ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

революционерам и рабоче-крестьянским выступлениям. Причины перехода к террору осветил Кравчинский в своем воззвании «Смерть за смерть», написанном в 1878 г. в ответ на убийство революционера Ковальского: «Мы, русские, вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство толкнуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер. Убийство – вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишиться жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему»¹.

Политический кризис 1905 г. в России, начало массовых народных выступлений увеличили число последователей радикальных политических групп. В 1905 г. анархические организации насчитывали 125 групп в 110 городах; в 1906 г. – 221 группу в 155 городах; в 1907 г. – 255 групп в 180 городах². Однако, следует упомянуть, что, так как анархисты не стремились централизоваться и создать единую политическую ячейку, численность их разрозненных групп была относительно небольшой: малые – от 3 до 30; крупные федерации – от 80 до 200 человек. Общая численность состоящих в организации составляла около 7 тысяч человек³.

Как же относились анархисты к появлению Государственной Думы и рассматривали ли возможным участие в ней? В 1905 г. в листке группы «Безначалия» вышла статья: «Нужна ли конституция

¹ Кравчинский С.М. Смерть за смерть URL: https://scepsis.net/library/id_1463.html (дата обращения: 01.08.2019).

² Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М., 2018.

³ Там же.

России?»¹ Листки распространялись в Петербурге группой анархистов-общинников. В статье демонстрировался анархистский взгляд на заявление либеральных сил о конституции и об устройении Государственной Думы: «Царизм не дает им вовсе развернуть всю силу своей эксплуатации. Буржуазия же хочет порвать эти оковы, чтобы свободно повести затем обирание народа. Самодержавие для буржуазии (богачей) что плотина, сдерживающая напор воды в реке; стоит плотина и мешает реке катить привольно, широко волны свои. Вот и хочет буржуазия избавиться от этой плотины, от этой преграды, чтобы вольно и плавно катить широкие волны своей эксплуатации, чтобы вовсе развернуть свою удаль буржуазную»².

Про конституцию анархисты говорили, что она лишь послужит инструментом для того, чтобы узаконить новую эксплуатацию, только теперь не царскую, а буржуазную.

На II съезде анархистов-коммунистов в Лондоне П.А. Кропоткин, являвшийся на тот момент негласным лидером российского анархо-движения, выступил с резолюцией «Об экономическом и политическом моменте в революции», в которой он объявил о том, что анархисты не должны иметь дело с Думой: «В Думе нам делать нечего. В лагерь правящих мы не пойдем. Давать наши силы на созидание государственной силы мы не станем. У нас есть своя работа. Но мы изменили бы своей программе, если бы на том основании, что Дума не есть анархическая форма политических отношений, мы отошли в сторону и перестали интересоваться ее действиями. Напротив того, и до созыва Думы, и после мы обязаны разъяснять еще неясные, может быть, требования и желания самостоятельности среди народа, упорно отстаивать их, проводить их в жизнь, требовать их признания от желающих идти в Думу и, как бы думцы ни вздумали решать вопросы народной жизни, мы должны настаивать на следующем: "Земля – вся земля – народу, тем, кто сам обрабатывает ее". Всякий Парламент, всякая Дума, всякое Учредительное Собрание, по существу своему, есть сделка между партиями будущего и партиями прошлого. А потому он не может

¹ Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг. В 2 тт. / Т. 1. 1883-1916 гг. М., 1998.

² Там же.

принять никакой революционной меры»¹. Однако, в этом заявлении Кропоткин подчеркивал, что если нужные, прогрессивные партии смогут с помощью Думы подвинуть царское правительство, то это поможет революции: «Мы можем поэтому смело утверждать, что от степени энергии, которую проявят в теперешней революции крайние противогосударственные партии, – будет зависеть большая или меньшая сила государственной власти, то есть чиновничества, в России»².

В 1906 г. Московская анархическая федерация, состоящая из интеллигентов, выпустила заявление «Как смотрим мы, анархисты-коммунисты на Государственную думу»³. Заявление начиналось со слов М.А. Бакунина: «Освобождение рабочих – дело самих рабочих». В этом направлении и велась вся анархистская пропаганда, касавшаяся Думы. В частности, в этом заявлении говорилось: «Дума не является представителем интересов рабочих и крестьян. Вот почему мы должны себя отстранить от тех, кто является нашими эксплуататорами, кто сидит на нашей шее. Мы должны сказать: "Мы не знаем вас и не хотим иметь ничего общего. С вами мы можем только бороться, бороться самыми крайними средствами, ежеминутно, чтобы вы не могли опомниться. До тех пор, пока вы не перестанете существовать или не откажетесь от всех своих привилегий, не прекратим нашей борьбы"».⁴

Анархисты осуждали социалистов за то, что последние выдвинули своих кандидатов на выборах в Думу. Особенно досталось социал-демократам. Анархисты считали, что таким образом их левые товарищи не только не помогают революции, а наоборот, усыпляют революционные устремления в народе. В печатных органах анархо-коммунистов о социалистах, пошедших в Думу, говорилось: «Народ верит красивым словам краснобаев депутатов-социалистов; те говорят: "Ты, мол, нас выбери, брось билетик в избирательную урну, а там мы все за тебя сделаем". И народ выбирает, посылает их, представителей своих, в парламент. "Теперь, – думает народ, – дело сделано. Раз послал я их в парламент, раз они там – я спокоен. Они уж там все за меня

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

устроят". "Иначе зачем было и посылать их туда", – рассуждает народ. Долго в голове рабочего не укладывается всего страшного противоречия, всей хитрости, всей лжи, скрывающейся в так называемой парламентской борьбе. Не в состоянии народ так скоро раскусить всей этой сложной загадки. Полагается народ на своих депутатов "красных", а сам складывает руки и ждет, не упадет ли чего с парламентского неба, какой-нибудь манны небесной, ждет не дождется народ этого устройства "социалистами" счастья его жизни»¹.

На юге России – в Одессе и Екатеринославе – ведущую роль в анархо-движении играли анархо-синдикалисты, чьим главным пропагандистом был Д.И. Новомирский. Они печатали листовки, манифесты и распространяли их по всему югу России. В.Н. Болоцких, анализируя программные документы организации, выделяет основные направления деятельности данной группы: «Отвлечение рабочих от участия в выборах в местные и центральные государственные органы управления. Призыв к полному бойкоту всех выборных учреждений буржуазного государства»².

Таким образом, можно утверждать, что русское анархо-движение не видело политического прогресса в учреждении Государственной Думы, пользы для народного движения и революционного дела. Однако, вместе с тем, анархисты встали во главе борьбы за радикальные революционные преобразования. Отказавшись от представительства в Думе, они остались среди народных масс: сражаясь на баррикадах, поднимая революционную волну, которая и вызвала необходимость у царского правительства учредить представительный орган власти. Однако, так же справедливо будет утверждать, что отказ от создания единой партии и избрания в Думу негативно сказался на развитии анархо-движения в будущем: после уменьшения революционного напряжения в 1907 г. русское анархическое движение пошло на спад: в 1908 г. действовало 108 групп анархистов в 83 населенных пунктах страны, в 1909 г. их насчитывалось уже 57 в 44 городах, в 1910 г. – только 34 группы в

¹ Там же.

² Болоцких В.Н. Анархизм. Теория и ментальность русского бунта. URL: <https://books.google.ru/books?id> (дата обращения: 08.08.2019).

30 пунктах, в 1911 г. – всего 21 организация, в 1912 г. – 12, в 1913 г. – 9, а накануне Первой мировой войны – только 7 групп¹. Новый подъем ждал анархистское движение лишь через десятилетие – во времена новой, более великой, смуты.

В.А. Ливцов, Р.А. Богатырев²

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И
ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ О
МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ГЕРОЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1812 г. ГЕНЕРАЛА А.П. ЕРМОЛОВА В г. ОРЛЕ
В НАЧАЛЕ XXI в.)**

Смена политических реалий в Российском государстве катализировала процесс расширения прав и свобод россиян. Новые возможности волеизъявления граждан в регионах страны реализуются в разной форме: в виде появления новых общественных организаций, в выступлениях и митингах с участием граждан, в активном включении их в общественные советы, создаваемые в структурах государственного аппарата. Одной из форм либерализации общественной жизни стали в последнее время и широкие общественные обсуждения состояния градостроительного культурного наследия, вопросов изменения городской среды и строительства новых памятников и мемориалов.

Орловская область стала регионом, в котором как жители, так и представители некоммерческих организаций все активнее включаются в общественную жизнь, высказывают свое мнение. Не обходится при этом без резонансных ситуаций. Одним из примеров

¹ Кривенький В.В. Указ. соч.

² *Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ.*

Богатырев Роман Автандилович – аспирант кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

широкого общественного обсуждения вопросов формирования городской среды стала дискуссия в связи с мемориализацией личности героя войны 1812 г. генерала А.П. Ермолова в г. Орле в контексте обсуждения идеи установки ему памятника и перезахоронения останков генерала и его детей в приделе Троицкой церкви на одноименном кладбище г. Орла¹.

В разные периоды истории вопрос об установке памятника герою-орловцу поднимался неоднократно. Еще в начале прошлого века были собраны средства на установку монумента, но дело до конца доведено не было, а средства исчезли. В 1980-е гг. вопрос о строительстве памятника Ермолову снова был вынесен на общественное обсуждение краеведами, историками, журналистами. Предложение дошло до областной власти, но завершения этот процесс также не имел. С 1990-х гг. вопрос установки монумента снова поднимается. Создается общественный Ермоловский комитет, куда входят представители Орловского краеведческого музея, историки, публицисты, журналисты и общественники. Именно от Ермоловского комитета исходила на этот раз инициатива установки памятника генералу. Был даже проведен конкурс на его изготовление, но и в этот период процесс до конца доведен не был.

В связи с приближением 200-летия победы в войне 1812 г., в конце 2011-начале 2012 гг. орловская общественность при поддержке губернатора области, члена партии Единая Россия А. Козлова снова выступила с инициативой о сборе народных средств для установки в г. Орле памятника генералу Ермолову. Изготовление памятника было поручено молодому скульптору Равилю Юсупову.

Однако, когда памятник уже отливался, часть орловской общественности неоднозначно отнеслась к идее его установки. Поскольку роль и значение прославленного генерала в войне 1812 г. были общеизвестны, сомнения и протесты были облечены в форму дискуссии о контроле за собранными общественными средствами и их использованием.

¹ Лазарев С.Е. О прошлом ради будущего: интервью с Мусой Ибрагимовым // Военно-исторический архив. 2016. № 7 (199). С. 175.

В дебаты вылилась встреча общественности с заместителем мэра г. Орла Е.В. Данилевской, на которой ветеранами и почетными гражданами города было инициировано привлечение к изготовлению проекта памятника известного скульптора А. Бурганова. Скульптор обратился к жителям города с письмом, в котором заявил о передаче в дар городу своего проекта памятника Ермолову, с оговоркой: если «подарок понравится», автор готов изготовить свой вариант монумента в гипсе и отлить в бронзе за оплату. Это уточнение вызвало у собравшихся желание детально изучить проект. Часть присутствующих высказывала мнение, что проект Бурганова крайне схож с одним из проектов, представленных на ранее проводившийся конкурс (в 2004 г.) по созданию памятника генералу. Композиционные особенности будущего памятника тоже вызвали у присутствующих дискуссию: развивающаяся бурка генерала напоминала верхнюю часть монумента, известного в Орле как «Памятник комсомольцам», автором которого являлся тот же Бурганов.

Этот спор об авторстве будущего памятника стал поводом для мэра г. Орла и председателя Городского Совета народных депутатов, представителя партии КПРФ С.А. Ступина выступить в Городской газете с открытым обращением к гражданам о ситуации, сложившейся вокруг установки памятника Ермолову, и остановить все работы по установке монумента. «Ко мне как к мэру Орла обращаются люди с возмущением по поводу кулуарности и закрытости всех процедур, связанных с установкой памятника Ермолову. Кто-то из них представляет общественные организации, кто-то творческую интеллигенцию, а кто-то просто небезразличен к своему большому дому – городу, в котором живет, в котором жить его потомкам. Сейчас все работы в сквере имени Алексея Петровича Ермолова остановлены по моему указанию», – отмечалось в обращении Сергея Афанасьевича.

С иной точкой зрения выступили представители нескольких общественных организаций. Одним из них был В.А. Ливцов, на тот момент – Председатель Совета Орловского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), который отметил исторически сложившуюся необходимость установки памятника знаменитому генералу-орловцу: «Вопрос о строительстве памятника А.П. Ермолову стоял

в Орле всегда, начиная с момента смерти полководца. Только обстоятельства и изменения конъюнктурного характера стали причиной того, что такой памятник все еще не установлен. Общественность неоднократно в течение последних полутора столетий возвращалась к необходимости решения этого вопроса. И никогда не удавалось, несмотря на все усилия, продвинуть дело дальше сбора денег. Впервые в истории, благодаря последовательной политике, проведенной властью, вопрос сдвинулся с мертвой точки и почти достиг кульминации.

В истории Орловщины имелись случаи, когда в силу обстоятельств уже готовые монументы не устанавливались, а шли в металлолом. Самый яркий пример – вторая очередь скульптурной группы И.С. Тургенева, от которой уцелела лишь одна стела, нашедшая свое место у лодочной станции. Нельзя допустить, чтобы такое произошло и на этот раз. Уже изготовленный памятник, в котором явно прослеживается портретное сходство с Ермоловым, явится важнейшим объектом монументальной пропаганды патриотизма для подрастающего поколения. Памятник не должен быть предметом политических или иных спекуляций. Никакая процедурная оплошность не может быть основанием для надругательства над именем великого полководца»¹.

20 мая 2012 г. в г. Орле, на площади им. А.П. Ермолова были проведены протестные «гулянья у белого камня» (закладной камень, который находился на месте современного памятника Ермолову). Собравшиеся пытались акцентировать внимание общественности на том, что памятник великому земляку рождается без подробного изучения общественного мнения.

Затем последовали многочисленные собрания общественности, телевизионные интервью и открытые дискуссии на различных площадках. Проходили и опросы общественного мнения, которые показали, что абсолютное большинство граждан высказываются за создание памятника.

27 июля 2012 г. памятник Ермолову в одноименном сквере был наконец открыт и освящен архиепископом Орловским и Ливенским Антонием и схиархимандритом Илием (Ноздриным). Высота

¹ Обращение к жителям Орла В.А. Ливцова, Председателя Совета Орловского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, профессора ОГУ / В. А. Ливцов // Орловская городская газета. 2012. 23 мая. С. 2.

монумента составляла почти пять с половиной метров, постамента – четыре метра. Общая сумма средств, затраченных на изготовление, транспортировку, установку памятника и благоустройство прилегающей территории составила 19 млн. рублей.

Однако ермоловская тема вскоре снова всколыхнула общественность. В связи с продолжением празднования юбилея войны 1812 г. из федерального бюджета были выделены средства на восстановление надгробия на могиле Ермолова в приделе Троицкой кладбищенской церкви, разрушенного в годы борьбы с религией. Работы велись в южном приделе, под которым располагался склеп семьи Ермоловых. Рабочие, подняв полы для их замены, увидели, что полость между напольным покрытием и землей забита строительным мусором. Приняв это за следы последнего ремонта, рабочие принялись расчищать завалы. Песок вперемешку с кусками камней они упаковали в мешки. Под грудой щебня обозначились могильные ямы.

Рабочие рассказали об этом настоятелю храма отцу Андрею. Вскоре о находке стало известно краеведческой общественности. Когда представители общественных организаций во главе с Ливцовым прибыли на место, то выяснилось, что часть склепов семьи Ермоловых разграблены в прошлом веке, а останки и личные вещи самого Ермолова и членов его семьи осквернены и перемешаны с мусором. Создалась реальная опасность, что вместе со щебнем в мешках будут вывезены и утилизированы останки Ермоловых.

Ситуация вызвала протесты общественности. На заседании Областного Совета народных депутатов депутат П.А. Меркулов поднял вопрос о разграблении могилы Ермолова в Троицкой церкви. Сообщение депутата, что кости черепа и эполеты генерала валяются в куче мусора возле склепа семьи Ермоловых, повергло в шок присутствующих членов Правительства области. Письмо за подписью депутата было направлено министру культуры России.

Средства массовой информации сообщали: «На днях Орловщину потрясла шокирующая новость; фамильный склеп Ермоловых вскрыт – ценности пропали, а останки тел разбросаны».

Экспертам, приглашенным в храм, хватило нескольких минут, чтобы вынести неутешительный вердикт: здесь раньше поработали

мародеры. Когда прожектором осветили свободный от мусора лаз, то обнаружили, что металлический саркофаг, в котором покоился гроб полководца был буквально разодран на куски. Казалось, внутри ничего нет, кроме мусора и деревянных осколков. В темноту могилы спустили фотокамеры, которые зафиксировали этот хаос. В дальнем углу вспышка выхватила череп отца генерала, кирпичные стены вокруг были закончены, будто кто-то пытался сжечь находившиеся здесь тела.

Разруха потрясла орловцев. Сам генерал и его семья были людьми глубоко верующими, поэтому фамильный склеп разместили в храме. Согласно традиции того времени, подобной чести могли быть удостоены только выдающиеся и всенародно уважаемые личности.

Орловчане были возмущены. «Никогда еще у нас не было подобного негативного опыта. Поэтому мы постараемся принять все возможные меры, чтобы восстановить склеп и перезахоронить прах семьи Ермоловых с заслуженными почестями», – комментировала сложившуюся ситуацию начальник Управления культуры и архивного дела Орловской области Алла Егорова.

Чтобы понять, что произошло с захоронением, было принято решение изучить строительный мусор, который извлекли рабочие. Среди кусков разбитых изразцов и кирпичей были обнаружены остатки эполет, предположительно принадлежащих самому полководцу и его сыну Клавдию Алексеевичу¹. Рабочие лишь по случайности не успели отвезти их в мешках на свалку.

Работники краеведческого музея во главе с научным сотрудником А. Тихомировым вручную просеяли все 45 мешков с мусором, извлеченным из могильных ям рабочими, выявив кости скелета Ермоловых и личные вещи.

По предложению известного Орловского краеведа В.П. Матвеева в г. Орел была приглашена группа археологов из Института Археологии РАН, которые провели весь комплекс археологических и антропологических работ.

¹ Алексей Петрович Ермолов и Орловский край: Библиографический указатель / Сост. А.А. Абрамова; ред. М.В. Игнатова, В.А. Щекотихина. – Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И. А. Бунина; Отдел краеведческих документов. Орел: Орлик, 2012. С. 47.

Проведенный специалистами Института Археологии анализ собранных в склепах вещевых материалов, не относившихся к периоду захоронения, показал, что склепы генерала Ермолова, его отца и детей впервые подверглись разорению после закрытия церкви в 1938 г. Об этом свидетельствовали находки – монета 1937 г., химический карандаш и другие предметы того периода. Во время Великой Отечественной войны склепы также разграблялись – тогда сюда попала фара от немецкого военного автомобиля. Последнее проникновение в эти два склепа могло произойти в конце 1970-х гг., когда церковь ремонтировалась.

Человеческие скелетные останки, обнаруженные в процессе археологического изучения семейной усыпальницы Ермоловых, были обследованы антропологами. Сотрудники ИА РАН отобрали образцы костной ткани для палеогенетического исследования. Молекулярно-генетическое исследование проводилось учеными Института цитологии и генетики СО РАН. Данные по всем проанализированным маркерам однозначно свидетельствовали о прямом родстве, что согласуется с принадлежностью останков представителям трех поколений семьи Ермоловых. Таким образом, в ходе комплексных исследований ученым из Института археологии РАН удалось подтвердить принадлежность найденных в поврежденных склепах костных останков представителям семейства Ермоловых.

После комплексного изучения останков было решено продолжить реставрационные работы в правом приделе Свято-Троицкого храма. Здесь находились останки самого генерала, его отца Петра Алексеевича, сына Клавдия и невестки Варвары Николаевны. Фамильную усыпальницу привели в порядок.

На торжественное перезахоронение, освящение правого придела храма и панихиду по генеральской семье прибыли первый заместитель председателя облсовета Михаил Вдовин, начальник областного управления культуры и архивного дела Алла Егорова, заместитель председателя комитета облсовета по образованию, культуре, спорту, молодежной политике и туризму Ирина Гоцакова, историк и краевед Виктор Ливцов, директор Орловского краеведческого музея Андрей Минаков, студенты вузов г. Орла, представители общественности, казаки.

У входа в храм в почетном карауле были выстроены курсанты Академии ФСО России. Архиепископ Орловский и Ливенский Антоний провел поминальную службу, по окончании которой освятил правый придел храма, в котором был восстановлен надгробный монумент над прахом Ермолова. Перед панихидой представители духовенства напомнили участникам события о героических страницах жизни великого военачальника. Завершил церемонию короткий парад под марш духового оркестра.

Обнаруженные в ходе раскопок артефакты были переданы в Областной краеведческий музей, что позволило после реставрации создать в музее небольшую экспозицию, посвященную Ермолову.

Таким образом, общественные дискуссии вокруг установки памятника и перезахоронения останков Ермолова, вызвавшие широкий общественный резонанс, наглядно демонстрируют тенденцию либерализации общественной жизни в регионе и формирования начатков гражданского общества. А привлечение внимания общественности к вопросам мемориализации личности генерала Ермолова в г. Орле позволило не только сохранить ценные свидетельства прошлого, но и ввести в научный и культурный оборот важные артефакты, имеющие большое историческое значение.

**РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
(Материалы «Муромцевских чтений» 2009-2018 гг.)**

В.В. Шелохаев¹

**ЛИБЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО
ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОНФЕССИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ
В III – IV ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ**

Учитывая, что проблема либерального законоотворчества в Государственной Думе обстоятельно раскрыта в монографии инициатора данной конференции Д.В. Аронова, в докладе кратко остановлюсь на характеристике лишь некоторых либеральных законопроектов по национальному и конфессиональному вопросу. Выбор именно данного исторического отрезка обусловлен тем обстоятельством, что либеральные фракции, осознав, что их общегражданские и общеполитические проекты решения национального и конфессионального вопросов не имеют шансов на поддержку националистического и консервативного большинства Думы, вынуждены были понижать «порог требований», предлагать т.н. «проходимые» (с их точки зрения) законодательные проекты. Так, 29 марта 1910 г. кадеты внесли в III Думу законопроект «О введении в частных заведениях Прибалтийского края преподавания на местных языках». Авторы проекта попытались обосновывать необходимость данной меры стремлением крестьянского населения этого многонационального региона поднять аграрную культуру путем распространения знаний о более рациональных методах ведения сельского хозяйства. В крестьянской среде наметилось стремление открыть доступные широким слоям местного населения сельскохозяйственные учебные заведения. Ряд крестьянских обществ приняли решение об открытии низших земледельческих училищ на родном языке. Однако Главное

¹ Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX-начале XX в.» Института российской истории РАН.

управление землеустройства и земледелия отказалось утвердить представленные программы училищ с преподаванием на местных языках. Принятие закона, позволявшего ввести обучение на родном языке для населения края, могло бы, как считали авторы проекта, стимулировать развитие профессионального коммерческого образования.

Однако этот, казалось бы совершенно безобидный кадетский проект, не получил движения в III Думе, и был кадетами повторно внесен 1 февраля 1913 г. в IV Думу, но также не получил поддержки думского правоконсервативного большинства.

31 мая 1910 г. кадеты внесли законопроект «Об отмене ограничений евреев в праве избрания местопребывания и передвижения с одного места на другое», который состоял всего лишь из одной статьи – «существующие в нашем ныне действующем законодательстве ограничения евреев в праве избрания местопребывания и передвижения с места на место – отменить»¹.

В объяснительной записке к проекту его авторы доказывали порочность сохранения еврейской черты оседлости. Эта несправедливая мера, противоречащая духу Манифеста 17 октября 1905 г., наносила вред развитию экономики, способствовала коррупции в рядах администрации, пользовавшейся ограничительными законами для взимания поборов, негативно влияла на моральные устои общества, воспитывая в русском населении сознание правомерности угнетения целых национальностей. В результате поименного голосования (208 – за, 138 – против, 8 – воздержалось) законопроект был передан на рассмотрение комиссии о неприкосновенности личности на заключение на предмет его желательности, однако, он до окончания полномочий III Думы так и не был рассмотрен. На этом законотворческие попытки кадетов разрешить национальный вопрос, по сути, закончились.

Заняться переплавкой положений своей национальной программы не спешили и октябристы. 28 марта 1908 г. ими в III Думу был внесен законопроект «О языке преподавания в

¹ Законотворчество думских фракций 1906-1917 гг.: документы и материалы. М., 2006. С. 588.

начальных школах местностей с малорусским населением». Обосновывая необходимость этой объективно назревшей меры тем, что число грамотных среди малорусского населения (9%) значительно отставало от средних показателей по России (21%), октябристы стремились доказать, что граждане должны получать образование на том языке, на котором они разговаривали. Поэтому они предлагали снять искусственные преграды на пути развития украинской народности. «В начальных школах малорусского района, – гласила ст. 3 проекта, – употребляются руководства, приспособленные к понятиям и условиям жизни и быта местного населения». Введение обучения на родном языке предполагалось при условии сохранения русского языка, который оставался обязательным предметом обучения в малорусской школе (ст. 2)¹. 26 мая 1909 г. проект был передан в комиссию по народному образованию, однако, он дальнейшего движения так и не получил.

26 июня 1908 г. октябристы внесли в III Думу законопроект о предоставлении воспитанникам четырех частных учебных заведений, которые содержали дворянские общества Прибалтийского края, сдавать часть выпускных экзаменов на немецком языке, а 12 мая 1909 г. – проект о разрешении евреям жительства в районе Кавказских минеральных вод во время лечебного сезона. Первый проект был инициирован немецкими группами «Союза 17 октября», имеющими довольно сильное влияние и разветвленную сеть в Прибалтийском крае. Во втором случае октябристы, имевшие информацию о разработке кадетами проекта об отмене еврейской черты оседлости, решили действовать на опережение, правда, делая послабления евреям, относительно места жительства, но при этом предельно ограничивая срок действия этой меры.

Что касается прогрессистов, то они вообще ограничились внесением 12 февраля 1914 г. законопроекта «Об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания». Причем в качестве единственного аргумента для принятия этой меры авторы проекта выдвигали то обстоятельство, что в России, особенно на Кавказе, существовала потребность в адвокатах-мусульманах,

¹ Там же. С. 113.

которые бы знали язык, традиции местного населения и могли бы оказать ему квалифицированную юридическую помощь. Дальнейшего движения проект не имел.

Как видим, либеральная оппозиция в III – IV Думах предпочитала не заострять постановку национального вопроса. При доминировании в Думе националистических настроений, подогреваемых «походами» правительства то на Финляндию, то на Польшу, то на «Холмщину», либеральные идеи о национальном равноправии и свободе совести не могли получить отклика со стороны правоконсервативного и националистически настроенного думского большинства. Взяв курс совместно с правительством на «унификацию империи» по сугубо бюрократическим лекалам, без учета интересов пробуждающихся к политической свободе и гражданскому равноправию национальных окраин, октябристы вообще проявили готовность до предела сузить положения своей программы по национальному вопросу.

Если для октябристов и прогрессистов национальный вопрос стал «ахиллесовой пятой», своеобразным проверочным маркером на их якобы приверженность основным принципам либерализма, то они попытались как-то компенсировать свою склонность к националистическим проявлениям выдвижением своих конфессиональных законопроектов. По моим подсчетам, октябристами и прогрессистами было внесено в III и IV Думы более 10 таких законопроектов, среди которых следует выделить октябристские проекты: «Об обеспечении духовенства Православной церкви определенным содержанием и об образовании православного прихода» (5 апреля 1913 г.) и «Об образовании приходов и материальном обеспечении православного духовенства» (8 мая 1913 г.).

Настаивая на усилении роли Православной церкви в жизни русского общества, на необходимости воспитания подрастающего поколения в христианском духе, октябристы выступали за предоставление самостоятельности церкви, считали крайне важным поднять авторитет ее самого низшего звена – прихода. Согласно первому проекту, приход должен был получить следующие права: 1) стать юридическим лицом; 2) пользоваться правом самообложения; 3) заведовать церковным имуществом; 4) его органами должны стать приходское собрание и приходский

совет и 5) помимо хозяйственных функций, приход должен получить благотворительные и просветительные функции (ст. 2).

На церковный приход возлагалось: 1) участие в содержании штатных духовных лиц; 2) содержание церковного здания и обеспечение «благолепия храма»; 3) содержание и заведование всеми благотворительными и просветительными учреждениями и 4) содержание и постройка домов для причта (ст. 3). Каждый новый приход мог получить государственную субсидию при условии наличия в нем не менее 1 тыс. прихожан. Приходские причты за свой труд получали: а) содержание из средств государственного казначейства (священники – 300 руб., штатные диаконы – 150 и псаломщики – 100 руб.); б) дополнительное вознаграждение за счет церковного налога в размере: священнику – 600 руб., диакону – 300 руб. и псаломщику – 200 руб.; в) доход от церковных земель и других церковно-причтовых угодий, оброчных статей и капиталов; г) плату за необязательные требы (ст. 4).

Церковный налог включал в себя: а) средства от личных взносов, величина которых зависела от получаемого содержания или имущественного состояния плательщика; б) из добавочного обложения земельных имуществ; в) дополнительного процента «в сумме платежа по промысловому обложению»; г) добавочного процента к казенному оценочному сбору с городских имуществ; д) добавочного сбора при взимании городского квартирного налога (ст. 6). Плательщиками личного церковного налога являлись работоспособные лица православного исповедания не моложе 18 лет и не достигшие 66-летнего возраста (ст. 7). По расчетам авторов проекта, налог не должен был превышать 60 коп. с каждого прихожанина. Членам причта назначались пенсии в следующих размерах: за 25 лет службы священнику – 600 руб. в год, диакону – 300 руб., псаломщику – 200 руб.; за 35 лет службы священнику – 900 руб., диакону – 450 и псаломщику – 300 руб. (ст.13).

24 апреля 1913 г. законопроект был передан в думскую комиссию по делам православной церкви, однако, дальнейшего движения не получил¹.

Второй, более структурированный, октябристский проект, по своей сути, повторял первый. Их различало: более четкое

¹ Там же. С. 208-210.

определение территориальных границ прихода; увеличение числа прихожан с 1000 до 1200 человек; уточнение числа прихожан (менее 500, получающих казенные субсидии, и более 2400, таких субсидий не получающих). Во втором проекте более определенно фиксировались функции прихода. Его правомочными членами могли стать лица без различия пола, достигшие 25 лет и проживающие не менее года в его пределах и вносящие церковный налог¹.

Как видим, и тот и другой октябристские проекты были направлены на расширение самостоятельности церковного прихода, который должен был стать самоуправляющейся единицей, где прихожане обоего пола могли играть вполне определенную роль при принятии решений. Оба законопроекта были нацелены на улучшение материального положения священнослужителей и церковного причта. Иными словами, наряду с мелкой земской единицей октябристы намеревались сформировать еще одну низовую общественную институцию, которая призвана была пробудить общественную активность, приобщить широкие слои населения к решению местных светских и религиозных проблем.

На первый взгляд, приведенный конкретный фактический материал кажется не столь внушительным, чтобы давать общую оценку позиции русских либералов по национальному и конфессиональному вопросу. На это автор доклада и не претендует. Он показателен в отношении определения возможной амплитуды колебаний либеральной позиции в зависимости от конкретной ситуации и соотношения политических сил. Так, в собственно программах либеральных партий, которые, разумеется, эволюционировали, в законопроектах I-II Государственных дум национальные и конфессиональные проблемы ставились более широко. Однако стоило политической ситуации измениться, как либералы «урезали» свои программные требования, доведя их до уровня «проходимости» в III-IV Думе, где их фракции не только не имели большинства, но между ними резко возросла степень конкуренции. «Гибкость» и «приспособляемость» программных требований либеральных фракций к реальной политической ситуации в стране и Думе свидетельствовала об отсутствии у

¹ Там же. С. 228.

русского либерализма прочной социальной основы. Изменение политической ситуации после Февральской революции, вызвавший всплеск национальных движений на национальных окраинах России, заставило русских либералов повысить градус своих программных требований по национальному и конфессиональному вопросу. Однако и в том, и в другом случаях русским либералам, вопреки своим представлениям, приходилось «играть» на чужом поле, вынужденно идя на уступки все более возрастающим требованиям национальных элит и представителей иных конфессий. Слабая «укорененность» русского либерализма в российской почве предопределила его неспособность стать гарантом единства и неделимости Российской империи.

Д.В. Аронов¹

ДУМСКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО 1906-1917 гг.: НЕВЫУЧЕННЫЙ УРОК ИЛИ РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Современный этап становления российской государственности характеризуется в части своего теоретического обоснования весьма стабильным и частым обращением или апеллированием к опыту реформирования государственных институтов предшествующих эпох. Естественно, что наибольшее внимание привлекают к себе те эпохи в истории отечественного государства и права, когда страна, пережив системный кризис, различной степени тяжести, вновь возвращалась к поступательному развитию. Это обстоятельство, как представляется, будет выступать достаточным основанием актуальности данной темы для многих поколений историков отечественного государства и права.

В ряду эпох, ставших для современной отечественной историко-правовой науки одним из наиболее богатых источников для компаративистского анализа, важнейшее место занимает

¹ *Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

начало XX в., когда страна не только находилась на историческом переломе, проходя точку бифуркации в своем государственно-правовом развитии, но и имела высокоразвитую правовую мысль, позволявшую создавать адекватные реалиям социально-политического развития страны модели общественного развития, в которых в качестве решающего инструментария предполагалось использование именно законотворческих технологий.

Отсюда высокий, что, впрочем, вполне оправдано, интерес российских исследователей, а в какой-то мере и представителей законодательной и исполнительной власти к либеральному законотворчеству начала XX в., когда либеральной политико-правовой мыслью была предпринята попытка дать ответ на принципиально важные вопросы развития страны, предложить конкретные пути решения ряда проблем общественного развития, которые, вплоть до настоящего времени, вызывают жаркие дискуссии в российском обществе.

XX в. вошел в историю общественной мысли и политической практики как век господства в общественном сознании массовых идеологий. Являясь изначально определенными теоретическими конструкциями, генерируемыми в сравнительно небольшой социальной группе, будучи воспринятыми массовым сознанием, они представляли собой мощную силу, формирующую новый тип общественного устройства. Но сами по себе идеологии, при всей своей распространенности и укорененности в общественном сознании, не представляют собой непосредственного регулятора общественных отношений, который либо обеспечен принудительной силой государства, либо реализуется в силу включенности в ментальность конкретного социума в деятельности структур гражданского общества. На этом пути идеологии, как правило, неизбежно переживали трансформацию своих основных положений в нормы действующего законодательства, воплощаясь в законотворческой деятельности их социальных носителей.

Не стала исключением и идеология российского либерализма, которая на рубеже XIX-XX вв. не только претерпела значительную теоретическую трансформацию в сравнении с предшествующим этапом его развития, но и была творчески осмыслена, переработана отечественными либералами путем синтеза как опыта реализации различных европейских либеральных политико-

правовых моделей общества, частично реализованных в странах Западной Европы, так и теоретического опыта иных направлений общественной (в т.ч. и социалистической) мысли.

Однако при всем своем теоретическом совершенстве, технической проработанности, учете представителями российского либерализма особенностей развития как российского общества, так и институтов традиционной государственности, предложенная ими обществу либеральная модель, носителем которой на рубеже веков в России стали, по преимуществу, представители интеллигенции, объективно носила верхушечный, интеллектуальный характер и требовала для своей реализации особой социальной ниши, без которой она была обречена оставаться не более чем направлением общественной мысли, разновидностью научной теории.

Переходя к непосредственной реализации своей модели общественных преобразований, российские либералы были вынуждены заниматься не только воплощением в законотворческой практике основных либеральных ценностей, но и одновременно, посредством партийной и парламентской работы, стараться создать социальную основу для полномасштабной реализации либеральной модели реформирования страны. В качестве стратегической цели де-факто постулировалась необходимость обеспечения догоняющих темпов развития страны в целом. Этим, а также отсутствием у отечественных либеральных слоев сколь-нибудь масштабного опыта социальных преобразований можно объяснить присущий части либералов радикализм и утопизм. Это нашло отражение и в ряде законопроектов, внесенных ими в Думу и послуживших впоследствии основанием для их обвинения в отсутствии желания идти на компромисс с исторической властью. Думается, что радикализм части российского либерализма следует отнести скорее к детским «болезням роста», чем к его органическим сущностным чертам. Что же касается утопизма ряда либеральных теоретических построений и законотворческих инициатив, то они не только вообще характерны для политической практики обществ переходного периода, но и являются, судя по всему, неотъемлемой чертой социально-правовых теорий, генерируемых отечественной общественной мыслью.

В области теории российский либерализм не ограничивался рецепцией и аккультурацией западных идей и готовых рецептов политико-правовой практики. Российская либеральная модель реформирования страны носила явно опережающий характер, что сказалось и на ее конкретном воплощении, и в думском законотворчестве, особенно в период работы I-II Думы. В нее входили конструктивные элементы, достаточно близкие к программным установкам партий социалистической ориентации. По целому ряду направлений российская либеральная мысль пошла гораздо дальше своих западных коллег, выступая для них уже в качестве теоретического донора. Подобные примеры мы можем видеть в области разработки «права на достойное существование» и избирательного права, его вариативности с учетом особенностей социальной структуры российского общества, распространенности институтов традиционной экономики и элементов социального управления патерналистского типа.

Государственная Дума потенциально давала всем слоям общества, тяготеющим к использованию эволюционных технологий социального преобразования, потенциальную возможность перевода мощного общественного движения, возникшего в ходе революции, в рамки легальной законодательной деятельности, призванной разрешить основные социально-экономические и политические проблемы российского государства. Можно говорить и о том, что значение Думы как нового элемента системы государственного управления заключается также в парламентском оформлении, помимо проправительственных и радикальных сил, третьего направления, нашедшего свое главное воплощение в парламентском законотворчестве и опиравшегося в своей политической практике прежде всего на использование институтов представительной власти. Дума потенциально открывала путь парламентским правовым реформам, что было давним политическим идеалом отечественных либералов. Первоначально развитие событий внушало российскому либерализму определенный оптимизм. В российских Основных законах 1906 г. нашел отражение ряд подготовленных либералами законодательных новелл, а либеральные силы были широко представлены в Думе первого и второго созыва.

Однако свое первое реальное воплощение законотворческая деятельность российских либералов получила в условиях революции 1905-1907 гг. и становления органов представительной власти. Прежде всего, это относится к работе Государственной думы первого и второго созыва, когда происходит становление основных приемов и методов парламентской деятельности отечественного либерализма. Обществу было представлено большинство законопроектов, составивших золотой фонд либеральной юридической мысли.

Следующий период в истории российского института представительной власти начала XX в. и, соответственно, законотворческой деятельности либералов связан с изданным 3 июня 1907 г., без участия Государственной думы, новым избирательным законом, а также с попыткой исполнительной власти использовать парламентский законотворческий потенциал путем формирования в нижней палате проправительственного большинства. Деятельность III Думы дает возможность проанализировать законотворческую деятельность либералов в условиях их перехода в оппозицию при наличии в парламенте «партии власти», способной без особых проблем блокировать законодательные инициативы либеральной оппозиции.

В целом, факторы, определявшие основные черты законотворческой деятельности либералов в III Думе, продолжали действовать и в первый период работы Думы четвертого созыва. Однако начало Первой мировой войны меняет баланс сил в парламенте, позиции, занимаемые политическими партиями и их парламентскими фракциями по отношению к правительству. Особенности законодательной работы в период войны, образование Прогрессивного блока позволяют отнести этот период развития законотворчества российского либерализма к особому этапу его истории.

Анализ законотворческой деятельности российского либерализма, проведенный на основе комплекса разнообразных источников, включающего корпус теоретических работ, программатику российских либеральных партий, законотворческие материалы, связанные с работой Государственной думы, показывает, что она была результатом синтеза либеральной теоретической концепции преобразования общества, возникшей в

рамках нового этапа развития отечественного либерализма с установками, включенными российскими либералами в свои партийные программы. Попытка ее воплощения в парламентской деятельности отечественных либералов в Государственной Думе I-IV созывов наглядно показала, что, несмотря на высокий теоретический уровень либеральных разработок в области законодательства, техническую отработанность проектов нормативно-правовых актов она оказалась малоэффективной. Неудача в реализации основных идей либеральной модели преобразования страны посредством парламентской деятельности была обусловлена прежде всего отсутствием у российского либерализма сколь-нибудь широкой социальной основы в обществе.

Его достижения в области теории и результаты воплощения теоретических разработок на практике остались невостребованными. Широкие слои населения, на протяжении сотен лет находившиеся под воздействием идеологии государственного (персонифицированного в фигуре монарха) патернализма, оказались в начале XX в. гораздо более восприимчивыми к радикальным социальным доктринам, предлагавшим простые и понятные на уровне обыденного сознания рецепты ликвидации социальной несправедливости. Большая часть населения, с разной степенью осознания ощущавшая необходимость социальных преобразований, не принимала в либеральной модели реформирования страны именно ее постепенность. Не вызывала особых симпатий и предлагаемая либеральная технология общественных преобразований, ориентированная на их поэтапность и приверженность мирным, по преимуществу парламентским методам борьбы, не обещавшим немедленного решения обострившихся в начале XX в. социальных проблем.

Не была воспринята либеральная модель реформирования страны и представителями исторической власти. Несомненно, что определенную роль в этом сыграл известный радикализм либеральной программатики, теоретических концепций и практики парламентского законодательства, бывший следствием как отсутствия у российских либералов сколь-нибудь значительного политического опыта, так и сознательных, осмысленных попыток представителей левого фланга российского либерализма

использовать для давления на правительство деятельность радикальных политических движений. Однако анализ позиции политических элит, обладавших в начале XX в. реальными рычагами власти, показывает полное отсутствие желания пойти навстречу либеральному движению, увидеть в нем реального союзника в деле преобразования страны. Верх взяли традиционный консерватизм, надежда на проверенные силовые методы разрешения социальных кризисов и конфликтов. Это обстоятельство не позволяет согласиться с точкой зрения, заключающейся в том, что именно либералы отвергли протянутую им руку со стороны власти и стали одними из главных виновников будущей цивилизационной катастрофы России.

Либеральной теории начала XX в. и политической парламентской практике несомненно, были свойственны и утопизм, которого, наверное, не удавалось и вряд ли удастся избежать в России любому либеральному движению, и известный радикализм, о причинах которого мы говорили выше. Но изучение либерального теоретического наследия, партийной практики, думского законодательства не оставляет оснований для сомнений в искренности их политико-правовых воззрений, бывших выражением глубинного демократизма, гуманизма, открытости к диалогу с политическими оппонентами с разных флангов.

К сущностным чертам российского либерализма относится также тесная связь между теоретическими положениями, возникшими в рамках предшествующего этапа развития идеологии российского либерализма, с реальной практикой политического преобразования страны начала XX в. Новому типу отечественного либерализма было свойственно осмысление российской действительности в контексте западноевропейской политической истории с научно обоснованной рецепцией и аккультурацией основных правовых институтов гражданского общества и правового государства. Следует отметить, что в теоретическом осмыслении ряда базовых либеральных институтов и прежде всего в области нормативного закрепления прав и свобод человека отечественные либералы пошли гораздо дальше своих западных коллег, в свою очередь, становясь источником заимствований для западной либеральной теории и практики.

Теоретические разработки западной политико-правовой мысли были творчески переосмыслены российскими учеными с учетом национальных особенностей, необходимости обеспечения догоняющих темпов развития страны при сохранении государства как решающей силы осуществления общественных преобразований. Результатом деятельности в данной сфере стало предложение обществу модели опережающего развития страны, основанной на общелиберальном пакете ценностей. В рамках думского этапа своей законотворческой деятельности отечественный либерализм предложил стране либеральное видение базовых параметров и наметил логику будущего развития страны, последовательно нашедших свое отражение в теории, программатике и законотворчестве либеральных политических партий России.

Характеризуя данный процесс с точки зрения его содержания, представляется возможным говорить о значительном опережении либеральными наработками прежде всего в области нормативно-правового закрепления института прав и свобод человека, политической практики России начала XX в. Это обстоятельство было как объектом критики со стороны политических оппонентов, так и предметом весьма острых политических дискуссий как между либеральными партиями, так и внутри партийных организаций.

Отечественная либеральная мысль не только создала передовые образцы нормативных актов, которые могут быть высоко оценены как с точки зрения их соответствия базовым либеральным принципам, так и юридической техники создания законов. В ходе этого интеллектуального прорыва произошло значительное расширение представлений в области обеспечения прав и свобод личности. Одним из крупнейших достижений стало правопритязание либеральной части общества в области реализации права на достойное существование.

К достижениям политической практики российского либерализма следует отнести то обстоятельство, что его представители сумели соотнести новые теоретические подходы с потребностями социального развития общества и не только отразить их в программатике, но и сделать составной частью своей практической политики (программа и думская тактика конституционных демократов и их союзников).

В рамках практической парламентской деятельности конституционно-демократической партии и их союзников был осуществлен перевод программатики на язык практического законодательства. Многие политические партии не смогли дойти до этого этапа, оставшись на уровне декларативных норм, включенных в партийные программы. Вместе с тем не следует сбрасывать со счетов и такое утилитарное использование содержания партийных программ, как одного из средств презентации обществу либеральной модели развития страны, обеспечения агитационно-пропагандистской работы, привлечения новых сторонников, борьбы за голоса избирателей.

Если же рассматривать такой аспект партийной деятельности, как парламентскую тактику, как средство достижения теоретических и программных установок, то представляется возможным отметить ее более гибкий в сравнении с программатикой характер, обусловленный фактической расстановкой сил в Думе конкретного созыва, степенью фактической поддержки политически активной частью общества основных партийных установок, вопрос о степени которой вызывал горячие споры на партийных съездах и конференциях, в работе коллегиальных органов.

Общий анализ совокупности либеральных законопроектов позволяет говорить о том, что в них либеральные силы с разной степенью полноты обозначили контуры законодательного ложа будущего развития страны, вчерне намеченные в теоретическом наследии второй половины XIX в. Узловыми пунктами либеральной модели преобразования страны было постулирование необходимости мирного изменения политического строя, на основе внесения в систему организации государственного управления институтов представительной власти, сохранения незыблемости принципа права частной собственности при усилении регулирующей роли государства в наиболее важных для общества областях и прежде всего в сфере аграрных отношений, а в качестве главного средства ограничения возможного произвола государственной власти выступал институт прав человека. Фактически данная концепция предполагает поиск баланса сильной государственности, выступающей средством обеспечения догоняющих темпов развития страны с механизмами гражданского

контроля, встраиваемыми и формируемыми на базе социальных институтов общества с сильными патерналистскими чертами.

Нельзя не отметить, что в программе конституционных демократов вообще впервые в практике политических партий на первом месте стояли права человека, что нашло отражение и в ее законотворческом наследии. Оно представляет собой отнюдь не совокупность частных законопроектов, посвященных правовой регламентации отдельных прав и свобод человека. Это единый комплекс взаимосвязанных документов, программа законотворчества, последовательно реализующая либеральные теоретические разработки в системе определения базовых ценностных координат в системе государство – общество – личность. Критерием новой правовой системы страны выступал либеральный тезис о необходимости сочетания связанности государства правом, гарантирующим права и свободы индивида при одновременной пронизанности общества духом сознательной (осознанной?) государственности. Это, по их мысли, превращало государство в мощный инструмент социальных преобразований, доступ к которому в ходе парламентской деятельности получают либеральные силы страны, равно как и иные, политически структурированные социальные группы.

Не менее важным представляется и оценка законотворческой деятельности отечественных либералов с точки зрения изучения либеральной теории и технологии преобразования общества. Принципиальная разница между либеральными политическими силами и их оппонентами состояла и в теории, но, главное, в технологии общественного реформирования. Основным методом реализации либеральной модели преобразования страны выступала широкомасштабная правовая реформа, осуществляемая исключительно эволюционным парламентским путем. Отрицая обвинения в приверженности к захватному праву, радикальным методам общественных преобразований, российские либералы уделили значительное внимание разработке теоретической базы правомерности отчуждения частной собственности, составлявшего важнейший элемент проекта программы их аграрной реформы. Легитимность отчуждения основывалась, по их мнению, на его осуществлении исключительно государством, в общенациональных целях при соблюдении законных прав и интересов всех социальных

групп и прежде всего собственников отчуждаемого имущества. В качестве общетеоретического фундамента института отчуждения выступал институт преваляирования публичных общественных интересов над частными.

Реформа социального строя страны, предполагавшаяся к реализации в ходе законотворческой деятельности, выступала в либеральной концепции альтернативой социальной революции, которая была открыто провозглашена главной целью радикальных политических групп. Таким образом, законотворческая деятельность выступала в качестве материального воплощения базового постулата классического российского либерализма, отвергавшего коренную ломку общественных институтов, а также весьма настороженно относившегося к идеям коренных реформ общественного строя.

Истории было суждено распорядиться так, что законотворческая деятельность российского либерализма не помогла обществу в поиске путей выхода из системного общественного кризиса начала XX в. Либеральная модель преобразований осталась не востребованной ни властью, ни российским обществом. В стране стремительно распространялся правовой нигилизм и правовой цинизм. В этих условиях попытки лучших интеллектуальных сил страны предложить мирный бесконфликтный путь разрешения общественного кризиса путем упреждающего правового реформирования могут показаться весьма наивными. Однако это отнюдь не означает, что они лишены позитивного значения. Сама концепция комплексного преобразования общества, находящегося на кризисном этапе развития, посредством правовой реформы, разработанной в теории, партийной программатике и воплощенной во взаимосвязанном массиве законопроектов, заслуживает изучения не только как этап в политической и интеллектуальной истории страны, но и как теоретически обоснованный и проработанный способ выхода из кризиса ценой минимального социального напряжения.

Вряд ли следует рассматривать либеральное законотворчество начала XX в. как панацею от всех бед и болезней, поразивших социальный организм России той эпохи. Уместными представляются слова В.С. Соловьева, который, оценивая

возможности права как инструмента реформ писал: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»¹.

Трудный и болезненный для общества процесс построения правового государства, формирования институтов гражданского общества, идущий на фоне остающейся весьма сложной экономической ситуации, маргинализации многих социальных групп, вновь обращает нас к той эпохе. Эпохе, когда в России совершился своеобразный интеллектуальный прорыв, на теоретическом уровне была разработана стройная, целостная, пронизанная многочисленными структурно-логическими связями разных уровней концепция реформирования социального строя страны.

Пусть часть их трудов с высоты нашего дня выглядит в чем-то наивным, в чем-то недоработанным, но главное в нем, стремление избавить общество от трагедии резких структурных перемен, грозящих, что и подтвердил век XX, угрозой потери национальной самобытности, остается значимым и в наши дни. Буквально каждая страница нормативно-правового материала, вышедшая из-под пера либеральных юристов и политиков времен русского парламента первых созывов, проникнута стремлением служения своей стране, стремлением дать ей возможность идти по общей дороге современной цивилизации, не теряя, а подчеркивая и развивая национальную самобытность.

Вместе с тем современный этап политического развития российской государственности в части учета предшествующего опыта реформирования страны весьма наглядно показывает явный крен в сторону абсолютизации инструментария проведения реформ. Усиление роли государства представляется скорее как цель реформирования общества, а не мощный инструмент системных преобразований, требующих специальных мер его потенциального ограничения, степень радикальности которых находится в зависимости от степени политической и социальной зрелости общества, уровня сформированности и включенности институтов гражданского общества в систему социального управления. А в определении степени этих ограничений как раз и

¹ Соловьев В.С. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 454.

состоит искусство политических элит, стоящих во главе государства.

В этой части опыт либерального реформирования фактически не учитывается. Речь, конечно же, не идет о прямом заимствовании опыта либерального законотворчества, относящегося к другой исторической эпохе, иному государству и обществу. Но в части того, о чем великий русский историк В.О. Ключевский писал, что «история ничему не учит, но жестоко проучивает за незнание своих уроков». Россия, в части процесса обращения к либеральному опыту общественных преобразований, больше похожа на «страну невыученных уроков», а не на общество, где работают над ошибками.

Д.М. Усманова¹

ДУМСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ТРИВИАЛЬНЫЕ СКАНДАЛЫ ИЛИ ФОРМА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОБСТРУКЦИИ?

Думские скандалы – излюбленная тема для тех современников, кто писал о низком качестве депутатского корпуса и негодности для России парламентаризма в силу низкого культурного уровня населения. В современной литературе также бытует мнение, что работа Думы изобиловала конфликтами, скандалами и хулиганскими выходками, что особенно много их было в Думе 2-го и 3-го созывов². Следует оговориться, что два термина – *конфликт и скандал* – не идентичны, они имеют разную коннотацию. Если слово *скандал* несет очевидную негативную нагрузку, то термин

¹ Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

² О конфликтах в Думе 1-го созыва писали многие современники. См.: Герье В.И. Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906; Винавер М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907; Локоть Т.В. Первая Дума: Статьи, заметки, впечатления бывшего члена Государственной Думы. М., 1906; Он же, Политические партии и группы в Государственной Думе: Характер и причины политического бессилия Первой Думы. М., 1907; Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. 27 апреля–8 июля 1906 г. М., 2006; Он же. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. М., 2006.

конфликт более нейтрален и подразумевает наличие двух сторон, участников конфликта. Применительно к одним и тем же событиям различные авторы, исходя из своей персональной позиции, политических предпочтений и конкретных задач, стоявших перед текстом, могли использовать оба термина одновременно. Разность оценок и варьирование акцентов от легкого порицания до полного осуждения находились в тесной зависимости от партийной принадлежности автора.

Впрочем, эти два термина не покрывают собой всего, что происходило в Думе и имело характер выходящего за рамки дозволенного, т.е. установленного Наказом, ограниченного парламентской этикой и нормами приличия¹. Применительно к большинству думских действий, обозначенных как *конфликт*, можно использовать термин *обструкция*, в основе которой лежал тот или иной конфликт интересов. Поскольку конфликты интересов неизбежны в любом представительном органе, то и обструкция представляется одним из вполне логичных и неизбежных инструментов парламентской борьбы². Вопрос только в том, насколько она была способна решить проблему выхода из конфликта, не парализуя полностью работу законодательной палаты. Действия некоторых обструкционистов можно было бы обозначить как «парламентскую гильотину».

В словарях даются различные определения термина *обструкция*, различающиеся лишь нюансировкой, но в целом близкие по смыслу. *Парламентская обструкция* (от лат. «*obstructio*» – заграждение, запираение, преграда, помеха) – это протест участника или группы участников какого-либо собрания, выражающийся в форме насильственного вмешательства в ход заседания и срыв его³. Если говорить о парламентской обструкции

¹ Назарова Ю.В. Парламентская этика в России. Опыт Государственной думы 1906–1917. Дисс. М., 2006.

² В работе современника Думы, немецкого правоведа Освальда Коллера были проанализированы регламенты и рассмотрены практики большинства европейских и многих неевропейских парламентов (вплоть до чилийского или японского), однако о России нет ни слова. См.: Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910.

³ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 113. См. также: Brandenburg Erich, Die Parlamentarische Obstruktion, ihre Geschichte und ihre Bedeutung. Dresden, 1904 (на русском языке была опубликована в Журнале Министерства юстиции (1906, № 3) и в виде

в целом, то ее необходимо увязывать с соотношением взаимоисключающих принципов – господства парламентского большинства и необходимостью защиты прав меньшинства. Как правило, обструкция направлена на защиту парламентским меньшинством своих ущемленных прав посредством тех или иных мер. Именно в таком ключе Василий Маклаков в своих воспоминаниях трактовал многие скандалы в Думе 2-го созыва (или случаи «парламентской обструкции»).

Обструкция может осуществляться как в соответствии с парламентским регламентом, так и с нарушением его. Техника парламентской обструкции, вполне согласующаяся с регламентом, состоит из следующих приемов: (1) срыв кворума, т.е. непосещение заседания, на котором должно быть голосование и, таким образом, срыв голосования из-за отсутствия необходимого кворума, (2) посредством интенсивного произнесения бесконечных речей – эта форма обструкции считается «классической»¹, (3) посредством подачи вопросов и запросов (право интерпелляции), (4) посредством внесения предложений, (5) посредством голосования. Все эти приемы, так или иначе, соответствуют регламенту, поскольку прописаны в нем.

Однако существуют и приемы, которые расходятся с регламентом или осуществляются в его нарушение. К ним относятся такие действия депутатов, как: ругань и брань, шум, стучание по пюпитрам и пр., а также действия против членов президиума. Провоцируя тот или иной скандал, выражая протест против слов оратора, депутаты прибегали к разного рода оскорблениям: *негодяй, палач, мерзавец, сволочь* и подобного рода ругательства нередко слышались в зале заседаний Таврического дворца. Причем к подобным ругательствам чаще всего прибегали депутаты, размещавшиеся на правых скамьях, т.е. ультраправые и националисты. Речи, оскорблявшие публику, вызывавшие протест и недовольство аудитории, часто прерывались выкриками с мест:

отдельной брошюры: Эрих Бранденбург, Парламентская обструкция, ее история и значение. Доклад, читанный в Дрездене. Одесса, 1906).

¹ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 144. Автор приводит некоторые примеры таких речей: член английской Палаты общин сэр Ричард Вебстер произносил свою речь в течение 5 заседаний подряд: с 22 по 26 октября 1888 г. Эта речь состояла из 132.000 слов. (S. 144-145).

довольно, лжец, позор, вон и пр. Такие выкрики с мест, ругательства и оскорбления, с одной стороны, преследовали цель помешать оратору, сбить его с толку; с другой – являлись частью парламентского ритуала. Как правило, именно такие действия, осуществленные в нарушение регламента или непредусмотренные им вовсе, наказуемые по уголовному законодательству как хулиганство, вызывали наибольшую критику общественности и экспертов. Именно они и именовались «скандалами». При этом они имели цель подвергнуть обструкции выступающего депутата, выражали недовольство действиями парламентского руководства, означали протест меньшинства против насилия парламентского большинства.

Считается, что расцвет обструкционизма в Европе приходится на рубеж XIX–XX столетий¹. Уже хрестоматийными стали некоторые случаи таких ожесточенных обструкционных войн. Например, в Англии в 1882 г., при обсуждении в Палате общин ирландского вопроса, была организована тотальная обструкция действий проправительственного большинства. Она длилась в течение 154 заседаний, заняв общей сложностью 1400 часов. Из общего числа 14836 выступлений – 6315 были произнесены со стороны обструкционистов. При этом обструкционисты проваливали почти все законопроекты и предложения правительства. Итогом стала реформа регламента, направленная на сокращение прав палаты.

В Германии в ноябре 1902 г. разгорелась своя обструкционная война. Конфликт произошел из-за желания парламентского большинства провести в ускоренном порядке таможенный закон, для чего оно пошло на очевидное нарушение регламента. В прессе эти события были обозначены как «штурм Рейхстага» и «удушение парламентаризма», а день 27 ноября назван «черным днем в истории немецкого парламентаризма»². В ходе обсуждения закона случились сильнейшие беспорядки, а одно из заседаний длилось почти 19 часов, половину времени которого проговорил некий депутат от оппозиции Антрик (Antrik)³.

¹ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 178-179.

² Michael S.Cullen, Der Reichstag. Parlament. Denkmal. Symbol. Berlin, 1999. S. 180.

³ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 40, 88-89.

Серия организованных беспорядков, имевших характер обструкционной кампании, развернулась в английском парламенте в конце октября 1912 г. Известие о скандале в английском парламенте обошло все телеграфные агентства мира, достигнув разных уголков провинциальной России¹.

В литературе бытует мнение, что самые сильные и продолжительные обструкционные войны в европейских парламентах XIX–начала XX вв. были инициированы, как правило, со стороны национальных меньшинств (ирландская группа в английской палате общин, чешская группа в австрийском парламенте и пр.), а также левых депутатов (например, социал-демократов в немецком Рейхстаге). Особенностью же российской Думы было практически полное отсутствие обструкционных попыток со стороны национальных меньшинств, а также редкое использование многочасовых выступлений в качестве обструкционной меры.

Одной из самых длительных в думской истории стала речь казанца И.В. Годнева, произнесенная им 23 января 1912 г. Оратор занимал трибуну с 11 часов утра до 18 часов вечера, покидая ее лишь во время официальных перерывов. Но так долго казанский депутат выступал отнюдь не потому, что занимался парламентской обструкцией или же хотел привлечь аудиторию потоком красноречия. Годнев как оратор не отличался красноречием, был лишен ораторского обаяния и харизмы, чаще всего был скуп на слова. Его речи признавались чрезвычайно скучными. В данном случае преобладала злободневность обсуждаемой проблемы – нарастающий алкоголизм населения страны².

Отчасти обструкционисты пользовались «дырами» и пробелами в регламенте, которые создавались в то время, когда парламентская практика не была еще знакома с подобными методами борьбы. В любом случае, среди современников бытовало мнение, что обструкция вредит не только правоспособности самого парламента, но и наносит ущерб государственному механизму. Предлагаемые ими меры для «обуздания» обструкционистов порой имели драконовский характер: предлагалось перенести тяжесть

¹ См.: Камско-Волжская речь. 1912. 2 ноября (№ 244).

² См.: Камско-Волжская речь. 1912. 27 января (№ 22).

работы парламента из пленарных заседаний в работу секций, комитетов и комиссий; насколько возможно ограничить пленарные дебаты; увеличить норму депутатского состава, имеющего право интерпелляции; депутаты-инициаторы и организаторы обструкционных кампаний должны жестоко наказываться, вплоть до потери депутатского мандата и иммунитета¹. Злоупотребления той или иной формой законной обструкции в исторической перспективе привели к тому, что почти все европейские парламента пошли по пути ужесточения регламента и сокращения прав депутатов, ужесточения контролирующей и карающей власти президиума.

Мировая парламентская история знает огромное число случаев обструкций, одетых в одежду скандала или хулиганского поступка. Попробуем проследить некоторые из наиболее известных и показательных конфликтов, происходивших в Государственной Думе России, показав их подоснову, подтекст и последствия. Российский парламент начал свою работу в то время, когда европейские аналоги пережили череду сильнейших обструкционных войн, а потому учел негативный европейский опыт, более детально разработав думский регламент. Тем не менее, это не спасло его от собственных конфликтов и скандалов. «Экстраординарные события» в Думе разного созыва зачастую имели совершенно разную подоплеку и различные последствия.

В историографии бытует мнение, что в Думе 1-го созыва почти не было конфликтов и скандалов. Это утверждение верно лишь отчасти. Относительно «спокойное» течение думских заседаний и «мирное» взаимодействие различных фракций было обусловлено общественным подъемом, единодушием депутатов-перводумцев относительно реформ, а также особой бдительностью председательствующего С.А. Муромцева, пресекавшего все возможные некорректности и резкие высказывания².

¹ Oswald Koller, Die Obstruktion. Eine Studie aus dem Vergleichenden Parlamentsrechte. Zürich-Selnau, 1910. S. 202-204.

² Аронов Д.В. Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006. С. 154-155. По мнению Д.В. Аронова, С.А. Муромцев довольно успешно пресекал попытки взаимных оскорблений или резкие выпады депутатов против членов правительства. В.А. Маклаков же был убежден, что этих усилий было явно недостаточно, более того, председательствующий нередко напрямую попустительствовал резким выпадам депутатов против членов правительства. См.: Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 237-239.

Первая Дума не смогла избежать полностью ни конфликтов, ни скандалов, но они потрясали стены Таврического дворца не с той частотой, как это случалось позднее. Особенностью первого парламента было ожесточенное противоборство депутатов с правительством, а потому обструкция была направлена преимущественно против членов правительства. Кульминационным в этом плане стало заседание 13 мая с оглашением правительственной декларации, своего рода ответа на думский адрес. С этого дня противостояние между депутатским большинством и членами исполнительной власти перешло в открытую фазу. Почти каждое появление членов правительства в зале пленарных заседаний сопровождалось выкриками, топотом, шумом и гулом. Самым скандальным стало заседание 19 июня 1906 г., когда депутаты устроили настоящую ожесточенную травлю главному военному прокурору В.П. Павлову. Чтобы остановить дальнейшее развитие скандала, председательствующий был вынужден собственной властью закрыть заседание и покинуть пленарный зал. В данном случае законная обструкция перешла все разумные границы.

В случае с перводумцами мы имеем дело с обструкцией, организуемой с целью вынудить членов правительства сложить свои полномочия. Однако, это было бессмысленно по сути, т.к. формирование правительства по закону оставалось прерогативой верховной власти. И депутаты, раздражая Николая II, едва ли могли чего-либо добиться подобными действиями. В.А. Маклаков оценивал действия радикальной части перводумцев чрезвычайно негативно, полагая, что подобное поведение (особенно со стороны кадетов, молчаливо потакавших социалистам и революционерам) стратегически было глубоко ошибочно, а по последствиям губительно для репутации самого парламента и либералов. Такое поведение объяснялось им нездоровой атмосферой, которая царила в это время в стране, и фатальной убежденностью депутатов, что для успеха революции достаточно «свалить» ненавистное правительство. В целом, в Думе 1-го созыва доминировала группа молодых и весьма радикальных депутатов, настроенных на углубление противостояния во что бы то ни стало. Наиболее выпукло эту позицию лидер трудовиков А.Ф. Аладьин высказал в беседе с журналистом. На вопрос о том, что движет им

в политической борьбе, он ответил буквально следующее: *«Мной движет радость битвы. (...) Дратся приятно. Еще приятнее подготовить удар и встать на стороже в ожидании сигнала. Меня всегда привлекала сила, обладающая собой. Другой я не знаю»*¹. И в своих думских речах он часто напоминал задиристого петуха, провоцирующего противника на бой.

Конфликты и скандалы в Думе 2-го созыва (1907 г.) имели иную природу. Они происходили чаще, чем в первой Думе, но в основном разворачивались внутри парламентского коллектива и вызывались депутатами, представлявшими крайние фланги. Причем, левые радикалы (социалисты) провоцировали скандалы и конфликты, исходя из своей революционной позиции и апеллирования непосредственно к народу. Крайне правые депутаты шли на сознательный конфликт из желания дискредитировать Думу как учреждение, несовместимое с традиционным монархическим строем, руководствуясь желанием предоставить верховной власти аргументы для ликвидации Думы как института или, как минимум, для кардинальной смены ее состава. Поэтому оба крайних фланга не слишком заботились о будущем Думы, не желали помогать либеральному центру с его тактикой «бережения Думы» (о чем писали И.В. Гессен, А.С. Изгоев, А.А. Кизеветтер и др.)².

По мнению Маклакова, анализ текста стенографических отчетов свидетельствует, что «правые» скандалы были всего лишь ответом на какие-нибудь «словесные излишества» слева. Отчасти они были связаны с неудачной фигурой председательствующего, который в силу своей «ненаходчивости» не мог правильно реагировать на спорные ситуации. Поэтому правые депутаты, будучи думским меньшинством, вынужденно прибегали к доступным им методам протеста. Скандалы, организуемые правыми, были, по мнению Маклакова, способом сохранить справедливость и защитить интересы думского меньшинства³.

¹ Цит. по: Тан-Богораз В.Г. Мужики в Государственной Думе. Очерки. М., 1907. С. 52-53.

² Изгоев А.С. Общественное движение в России (заметки публициста) // Русская мысль. 1907. № 4. С. 200-209; Кизеветтер А.А. Вторая Дума // Русская мысль. 1907. № 7. С. 146-158.

³ Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 245-247.

Так или иначе, в Думе 2-го созыва депутаты уже не подвергали обструкции исполнительную власть. Однако возникавшие во время заседаний инциденты все чаще перерастали в скандалы, получая широкий общественный резонанс и оказывая существенное влияние на тактику отдельных фракций и работу Думы в целом. Порой думские скандалы делали практически невозможной нормальную совместную межфракционную работу.

Другая особенность думских скандалов, происходивших весной 1907 г., заключалась в том, что у них почти всегда был автор. Втородумские скандалы имели «персональный облик» – чаще всего в лице В.М. Пуришкевича, иногда П. Крупенского или В.В. Шульгина. Некоторые депутаты, заработавшие себе репутацию думского «скандалиста» и «хулигана», действовали вполне сознательно и не только из политических соображений. Для них подобная тактика была наиболее легким способом завоевать широкую известность и популярность в народных массах.

Такой путь к всеобщей известности и даже «всероссийской славе» проделал, в частности, Пуришкевич, у которого была самая громкая и устойчивая репутация думского хулигана и скандалиста. Как только его не именовали: «думский скандалист», «клоун», «парламентский шут», «провокатор» и «хулиган». О его хулиганских выходках написано немало¹. Это излюбленная и благодатная тема для живописаний тех страстей, которые разгорались в стенах Таврического дворца. Пуришкевич довольно рано примерил на себя образ *enfant terrible* Думы и более с ним уже не расставался. Уже весной 1907 г. он позволял себе резкие высказывания и бранные слова в адрес своих политических оппонентов («мерзавец», «негодяй» и пр.), нисколько не заботясь ни о правилах приличия, ни о возможных последствиях. Сложно сказать, была ли эта неуравновешенность, экспансивность и буйность органичной составляющей его характера, нрава, или же это было частью продуманного актерского спектакля. Скорее всего,

¹ Архипов И.Л. Кривое зеркало российского парламентаризма. Традиция «парламентского скандала»: В.М. Пуришкевич // Звезда. 1997. № 10. С. 112-124; Кирьянов И.К. Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998; Иванов А.А., Репников А.В. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 388-392.

и то, и другое вместе. Даже современники, часто задававшиеся этим вопросом, не имели на него четкого и однозначного ответа¹.

Сотрудник думской канцелярии Я.В. Глинка в своих дневниковых заметках отмечал, что Пуришкевич был *«убежденный ярый монархист, не глупый, смелый в своих действиях и поступках и хулиган в своем поведении. Он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкову. Необузданный в словах, за что нередко был исключаем из заседаний, он не подчинялся председателю и требовал вывода себя силой. Когда охрана Таврического дворца являлась, он садился на плечи охранников, скрестив руки, и в этом кортеже выезжал из зала заседаний. 1 мая обычно левый сектор украшал себя бутоньеркой в петлице, красной гвоздикой. Пуришкевич выждал момент, когда появление его могло обратить всеобщее внимание: одетый в визитку, руки в карманах, с красной гвоздикой – где бы вы думали? – в прорехе брюк в непристойном месте»*². Нельзя сказать, что подобные шутки порой не одобрялись даже коллегами Пуришкевича по фракции, однако и реального противодействия они не встречали. Вот как описывает типичную манеру поведения правого депутата в зале заседания один из современников: *«Пуришкевич то лежит, развалиясь в своем кресле, то вскакивает, как мячик, то выкрикивает какие-нибудь дерзости по адресу ораторов или председателя»*³.

Пуришкевич гордился своей скандальной репутацией, а также тем, что стал первым депутатом, удаленным из заседания именно за скандал. Не подлежит сомнению то, что он очень быстро осознал ту немалую прибыль, которую можно извлечь из такой манеры поведения. Дивиденды от славы *думского скандалиста* были весомее репутационных издержек. То, что в одних общественных кругах (например, в кругах либеральной интеллигенции и думской оппозиции) вызывало неприятие, осуждение или даже «нерукопожатность» скандалиста, в глазах других, в т.ч. и широких народных масс, не было крамольным или недостойным. Не

¹ Подробнее см.: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич – опыт биографии правого политика (1870 – 1920). М.-СПб., 2011. С. 80-82.

² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 51.

³ Из наблюдений думского корреспондента А.С. Изгоева. См.: Ораторы России в Государственной Думе. В 2-х томах. Том 1. 1906–1907. СПб., 2004. С. 267.

случайно, в довоенный период из всех фотографических изображений депутатов лучше всего расходились портреты Пуришкевича – народ охотнее всего покупал именно его фотографии. Не говоря уже о том, что пресса, в погоне за тиражами, охотно транслировала все его, часто безобразные, выходки.

Иногда эта популярность имела негативный оттенок. В газетах был описан случай, когда в мировом суде разбирался конфликт между двумя крестьянами, вызванный тем, что один назвал другого *Пуришкевичем*, за что и схлопотал пощечину¹. Тем не менее, тактика скандала или эпатажа приносила свои плоды в плане популярности и узнаваемости, а потому не могла не быть задействована со стороны ряда депутатов.

В то же время, не одна только жажда известности и славы побуждала Пуришкевича осуществлять свои эскапады и хулиганские поступки. Идя в Думу 2-го созыва в условиях революции и оказавшись в ней (Думе) в составе незначительного правого меньшинства (фракция крайне правых насчитывала всего 19 человек), Пуришкевич сознательно шел на обострение обстановки в зале Таврического дворца. Думается, что Маклаков был слишком снисходителен к действиям думского скандалиста. Со стороны Пуришкевича была не столько реакция на отдельные *«словесные излишества»* социалистов и либералов, сколько вполне осознанная линия поведения, направленная на дискредитацию парламента, которая могла быть достигнута только методом провокаций. Один из подобных скандалов произошел 29 марта 1907 г., когда Пуришкевич предложил почтить вставанием жертв революционного террора². Мотивом к данному предложению послужил тот факт, что втородумцы почтили память коллеги, депутата Думы 1-го созыва Г.Б. Иоллоса, убитого 14 марта 1907 г. Однако председательствующий посчитал аналогию некорректной, а само предложение неправильным как по форме, так и по сути. Желая предотвратить назревающий скандал, он остановил

¹ Русское слово. 1908. 6 мая.

² Данный скандал довольно подробно описан в думских мемуарах, но с разными акцентами и оценками поведения инициатора скандала. См.: Головин Ф.А. Вторая дума по воспоминаниям ее председателя // Исторический архив. 1959. Т. 4–6; Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. С. 270–271.

оратора. Далее разыгралась безобразная сцена, подробно описанная в мемуарах Ф.А. Головина и отраженная в стенографических отчетах. Нет сомнения, что Пуришкевич сознательно шел на провокацию¹. Когда он был остановлен председательствующим, тон оратора изменился кардинально и принял недопустимые нотки истерики: *«Я предлагаю почтить вставанием память, а кадетский председатель мне этого не дает! – стал кричать визгливым голосом Пуришкевич. – Это русская Государственная дума!»*² В итоге все закончилось исключением оратора на одно текущее заседание, однако, такого рода скандал стал довольно типичным для Думы 2-го созыва.

Другой серьезный инцидент, переросший в крупный и длительный по времени скандал, был спровоцирован высказываниями депутата А.И. Петровского о неблагоприятной роли донского казачества в освободительном движении (13.03.1907 г.)³. При обсуждении вопроса о военно-полевых судах оратор, сам являвшийся членом казачьей фракции, выступил против использования казаков в карательных целях. На фразе о том, что скоро настанет время, когда *«ни один казак не подымет нагайку...»*, оратор был прерван и остановлен начавшимися в зале беспорядками, которые затем перекинулись в кулуары. Впоследствии дискуссия вылилась на страницы прессы, обнажив противоречия внутри казачьей фракции, проходившие по линии межпартийных и внутрисловных разногласий.

Невольным зачинщиком другого скандала (16.04.1907 г.), одного из крупнейших в Думе 2-го созыва и едва не приведших к ее роспуску, стал кавказский депутат, социалист Аршак Зурабов. Поводом к данному скандалу стала неосторожная фраза левого депутата, высказанная им при обсуждении законопроекта о наборе контингента в российскую армию. Оратор заявил, что российская

¹ Наблюдавший весь инцидент А. Цитрон писал, что скандалист все время был спокоен, все делал, не волнуясь и не спеша, что исключало импульсивность и свидетельствовало о запланированности скандала. См.: Цитрон А. 103 дня второй думы. СПб., 1907. С. 155.

² Цит. по: Головин Ф.А. Вторая дума по воспоминаниям ее председателя // Исторический архив. 1959. Т. 4–6.

³ Подробнее об этом скандале см.: Некрасов Н.В. «Положить конец нагаечному содействию»: к истории думского скандала 13 марта 1907 г. // Таврические чтения 2012. СПб., 2013. Ч. 1. С. 109-130.

армия сильна только когда борется против собственного народа, тогда как против внешнего врага он терпела и будет терпеть одни поражения. Здесь явно прослеживается намек на поражение России в русско-японской войне и активное использование армии для подавления крестьянских бунтов и восстаний на национальных окраинах. Несмотря на довольно резкий тон выступления, оно не было рассчитано на скандал хотя бы уже потому, что было произнесено в закрытом заседании Думы, без дальнейшей публикации в открытой стенограмме. Какой прок в таком случае устраивать скандал? Ведь известно, что все свои «резкие» речи левые депутаты адресовали не столько сидевшей в зале публике, сколько стране в целом. Правительству тоже было невыгодно раздувать данный скандал, иначе пришлось бы обнародовать детали обсуждаемого вопроса. В итоге конфликт был улажен к обоюдному удовольствию сторон ценой извинений, принесенных Головиным от имени Думы в адрес правительства.

Очевидно, что у конфликтов в Думе 2-го созыва были такие причины, как общий радикализм депутатского корпуса, наличие двух крайних флангов, не находивших общего языка, просчеты председательствующего и, наконец, наличие «хулиганствующих кадров».

В Думе 3-го созыва (1907–1912 гг.) ситуация поменялась лишь отчасти. Левое крыло значительно сократилось. Правые фракции, наоборот, численно увеличились, а вся Дума в целом резко поправела. Никаких особых демаршей со стороны левых депутатов ожидать не приходилось. Дума установила контакт с правительством, наладила практическую законотворческую деятельность, отказалась от конфронтационной политики, т.е. стала «скучной» и «деловой». Но от скандалов, тем не менее, избавиться не смогла. За пять лет работы Думы 3-го созыва их случилось достаточно много. Скандалов было много с первого же дня работы Думы 3-го созыва, что дало повод журналистам заметить, что «дворянская» Дума оказалась гораздо менее благовоспитанной, нежели первая, «мужицкая» Дума¹.

Несколько чрезвычайно резонансных историй было связано с Ф.И. Родичевым. Самый известный из них – скандал, вызванный

¹ Вергежский А. Третья Дума // Русская мысль. 1908. № 1. С. 176-183.

фразой о «*столыпинских галстуках*». 17 ноября 1907 г. кадетский оратор произнес свою знаменитую речь, в которой говорил о неправосудных деяниях исполнительной власти, о том, что, борясь против революционных эксцессов, власти позволяют себе встать выше закона и права. В своей речи он употребил в качестве метафоры выражение «*столыпинский галстук*», подразумевая виселицы военно-полевых судов, подкрепив свои слова соответствующим жестом. Сам Родичев объяснял появление подобного словосочетания («*столыпинский галстук*»), ставшего позднее крылатым, словами предшествующего оратора: *«Я хотел этой Думе дать характеристику новой, послеоктябрьской реакции и развить в противоположность ей программу 1-й Думы. Мне не пришлось этого сделать. Помню, как сейчас, враждебный гул с самого начала речи. Когда я упомянул генерала Скалона, угрожавшего полякам вмешательством Вильгельма, раздались рычания с правой стороны. Волнение только росло и разразилось бурным скандалом после фразы о столыпинском галстуке. (...) Образ галстука пришел мне на язык, потому что в предыдущих замечаниях Пуришкевич, к крайнему удовольствию правых, говорил о "муравьевском воротнике" – средстве управления. Поднялась буря. Все, кто были направо от к.-д., вскочили с мест и вопили. Помню Пуришкевича, который с ругательством кинулся меня бить. Его остановил плечистый Гегечкори. Помню Крупенского, ругавшегося матерными словами»*¹.

Если в устах предыдущего оратора слова о «*муравьевском воротнике*» прозвучали как похвала, то в устах кадетского оратора аналогичное выражение – «*столыпинский галстук*» – имело негативный и видимо оскорбительный оттенок. Фраза эта была произнесена Родичевым, вероятно, в запале, в момент эмоционального подъема, столь характерного для его ораторского стиля и темперамента. Нет сомнения, что оратор не имел сознательного намерения оскорблять премьер-министра. Однако Столыпин, посчитав себя оскорбленным, тут же покинул министерскую ложу, а заседание было прервано из-за непрекращающегося шума и криков протеста. Столыпин объявил,

¹ Родичев Ф. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 163-164.

что вызывает оратора на дуэль и пришлет к нему своих секундантов. На заседании кадетской фракции было решено, что Родичев должен принести извинения за невольное оскорбление. После этого конфликт был улажен, оставив лишь негативные последствия для оратора – моральное осуждение и дисциплинарное наказание. Согласно Наказу (ст. 38), большинством голосов (против к.-д. и левых) оратор был удален на 15 заседаний и фактически отсутствовал вплоть до окончания рождественских каникул (январь 1908 г.)¹.

Однако тяжелее Родичев перенес моральное осуждение и демонстрацию общего неприятия: в своем письме к А.Р. Ледницкому, написанном в 1935 г., он с горечью вспоминал этот эпизод и всеобщую обструкцию, устроенную ему с правых скамей и думского центра. Особенно больно ранило его поведение уважаемого им Ф.Н. Плевако. Автор мемуаров вспоминал, что исключение на 15 заседаний стало для него страшным ударом: *«Вот чем увенчалось стремление всей моей жизни. – Я не мог заснуть всю ночь, повторяя: "Что они со мной сделали"...»* Выражение «столыпинские галстуки» получило широкое общественное распространение. То обстоятельство, что метафора эта закрепилась и стала даже крылатой, отражает неформальные настроения российского общества. Сам Родичев вспоминал, как был поражен тем, что на следующий день на квартиру стали приходить письма в поддержку, а наиболее экзальтированные поклонники и поклонницы присылали букеты цветов².

Что отличало думские скандалы эпохи третьей ионьской монархии? Их более организованный и реваншистский характер. Это уже были не стихийно возникающие скандалы, сколько сознательная обструкция, нацеленная на дискредитацию политического оппонента. Оказавшись в Думе 3-го созыва в большинстве, правые депутаты словно стремились взять реванш за свое невольное унижение в предыдущих Думах, когда они составляли меньшинство. Именно этими настроениями было продиктовано их поведение во время выборов президиума, когда представителям оппозиции не досталось ни одного места в

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Париж, 1952. С. 373-374.

² Родичев Ф. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 163-164.

руководящих органах. Этими же настроениями реванша объяснялось нетерпимое поведение правых с первых заседаний, когда все речи левых ораторов прерывались шумом, смехом, свистом, криками «довольно» и пр.

Особо сильное неприятие вызывали отдельные представители оппозиции. Самые известные подобные демарши были предприняты против лидера кадетской фракции П.Н. Милюкова. Когда он выходил на думскую трибуну, на правых скамьях, словно по мановению дирижерской палочки, начиналось движение. Далее следовал организованный шум: шепот, шуршание бумагой, стучание пюпитрами и пр. Налицо была типичная обструкция, призванная помешать оратору из противоположного политического лагеря произнести свою речь.

Чаще всего такая обструкция была выражением общего неприятия кадетского лидера. Изредка она устраивалась по конкретному поводу. Например, после возвращения Милюкова из длительной поездки по США с циклом публичных лекций, предпринятых в очередные пасхальные каникулы, думский центр под руководством А.И. Гучкова организовал ему демонстративный бойкот. Умеренную часть думского большинства возмутил тот факт, что лидер кадетов мог использовать во время своих заграничных выступлений конфиденциальные факты и цифры, известные ему именно как депутату. Сам Милюков вспоминал этот демарш правых следующим образом: *«Когда я приготовился говорить, члены большинства снялись со своих мест и вышли из залы заседания. Должен признать, что мое первое впечатление было жуткое. (...) Я смотрел на Гучкова и ждал, как поступит мой бывший университетский товарищ, сидевший в центре. Когда эта часть зала опустела, поднялся и он – и своей тяжелой походкой (последствие раны в ноге, полученной в бурской войне) направился к выходу»*¹.

Были скандалы иного плана. Их участниками становились все те же правые депутаты, в частности, пресловутые Пуришкевич, С.И. Келеповский. Казалось бы, прежний повод для скандалов в виде раздражителя – левого революционера с радикальными речами – в Думе практически исчез, но скандалисты остались

¹ Цит. по: Милюков П.Н. Воспоминания, 1857 – 1917: В 2 т. М., 1991. С. 294.

прежние. Самые известные скандалы с участием этих персон происходили именно в третьей Думе.

Вообще, вопреки репутации первых двух Дум как крайне революционных, а потому неуправляемых и возмутительно-скандальных, в Думе 3-го созыва нравы оказались еще более разнузданными. Разнузданность нравов и языка; систематическое неуважение, проявляемое депутатами как по отношению к учреждению в целом, так и друг к другу; беспорядки и шум, периодически возникающие в зале заседаний, – все это стало неотъемлемой частью имиджа российского парламента именно в период работы Думы 3-го созыва. Зимой 1910 г. Я.В. Глинка записал в своем дневнике следующее: *«Государственная дума входит в поговорку, когда поднимается беспорядок и шум, в обществе и на улице говорят: здесь не Государственная дума, а я вам не член Думы. Дошло до того, что для усмирения членов Государственной думы в заседании кн. Волконскому пришлось об этом упомянуть с трибуны, и, к [моему] ужасу, эти слова с некоторых скамей были встречены веселым смехом»*¹.

Один из подобных больших скандалов разразился 25 января 1910 г. во время дебатов по законопроекту о местном суде². Пожалуй, это был первый скандал, спровоцированный Н.Е. Марковым. Брань с места, ругань, крики, ломание пюпитров – все это части спланированной заранее акции, направленной на демонстрацию крамольности думского большинства, ослабление парламента в глазах *«влиятельных структур»*, дискредитацию Думы как представительного учреждения в глазах широкой общественности. Только спокойное и жесткое поведение председательствующего Н. Волконского, не дало разрастись беспорядкам до масштабов *«первоклассного думского скандала»*.

Дума 4-го созыва (1912–1917 гг.) была такой же умеренной, как и ее предшественница, на первых порах даже чуть более *«скучной»*, чем прежняя. Поэтому и скандалов в ней поначалу почти не было. Но не потому, что депутаты стали соблюдать нормы приличия и парламентскую этику, а по причине резкого падения

¹ Цит. по: Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 73.

² Герасимов П. Думские впечатления. III // Камско-Волжская речь. 1910. 30 января (№ 382).

публичного интереса к тому, что происходило в стенах Таврического дворца. Постепенно, по мере возвращения пульса общественной жизни в Думу, возвращались и скандалы. Их инициаторами, как и прежде, были представители крайних думских течений.

Очередной скандал, спровоцированный левыми депутатами, разразился весной 1914 г. Поводом для конфликта стало обсуждение законопроекта Министерства юстиции об учреждении работных домов (11.03.1914 г.) и запроса фракции социал-демократов о расстреле на Ленских приисках (12.03.1914 г.). В первом случае лидер фракции Н. Чхеидзе допустил в своем выступлении фразу о преимуществах республиканского строя, расцененную как призыв к ниспровержению строя. Во втором случае разъяснения двух министров содержали некорректные выражения, вызвавшие протесты трудовиков и новый всплеск ответного недовольства правых. Инцидент имел определенный общественный резонанс. Исключенные обструкционеры получили большое количество приветственных телеграмм и обращений (в основном от студентов и общественных организаций Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Варшавы, Саратова, Томска и др.), а также от политических единомышленников из-за границы (Вена, Рим). Телеграмма членов социал-демократической фракции австрийского парламента на имя Чхеидзе гласила: *«Восхищенные вашей неустрашимой борьбой за свободу слова и права народного представительства, шлем вам сердечное приветствие от имени немецкой социал-демократической фракции рейхсрата. Социал-демократы депутаты австрийского рейхсрата Адлер, Пернер, Сторфер, Зейц»*¹. Нападки на левых подтолкнули членов фракции социал-демократов организовать демарш и устроить правительству форменную обструкцию.

С началом войны конфликтное состояние между парламентом и правительством было притушено всеобщим подъемом патриотических настроений, желанием достичь полной гармонии между властью и общественными силами. Однако это единение длилось недолго. Уже к концу первого года войны эйфория

¹ Цит. по: Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911–февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 12-13, 15.

улетучилась. Вместе со сменой настроений в обществе, в Таврический дворец вернулись конфликты и скандалы, возникавшие на почве разности политической позиции. В летнюю сессию 1915 г. очередные беспорядки были вызваны довольно резкой речью Акакия Чхенкели (1 августа 1915 г.) о том, что Дума абсолютно не оправдала надежды, а защита правительства есть предательство. За это оратор был лишен слова и отстранен на три заседания¹. Новый скандал едва не разгорелся в начале сентября, накануне объявления царского указа об отправке Думы на очередные бессрочные каникулы. Газеты описывали довольно мрачные настроения, царившие среди депутатов накануне 3 сентября, когда планировалось оглашение указа о роспуске Думы. Однако желания выразить протест или не подчиниться указу были нивелированы опасениями, что правительство сможет использовать любой демарш как повод для роспуска Дума.

Если говорить о правых скандалистах, то в Думе 4-го созыва Н.Е. Марков 2-й окончательно «заменяет» собой Пуришкевича. Самый знаменитый из серии «марковских» скандалов, самый сильный по размаху и разрушительный по последствиям, разразился 22 ноября 1916 г.² О самом инциденте писали как его инициатор, так и пострадавшая сторона, а также пресса того времени. Данный эпизод весьма подробно разобран в новейшей литературе (А.А. Иванов)³, а потому нет нужды останавливаться на нем подробно. Важно лишь отметить, что, став последним в деятельности предреволюционной Думы, он затмил собой многие предыдущие скандалы.

Собственно, сам скандал произошел в самом конце речи лидера фракции правых, попытавшегося с думской трибуны защитить правительство от нападок думского большинства и от «новоявленного прогрессиста» в лице Пуришкевича. Однако речь Маркова настолько диссонировала с общими настроениями, что неоднократно прерывалась замечаниями и выкриками с мест (не менее 50 раз за всю речь, что было зафиксировано в стенограмме).

¹ Киевская мысль. 1915. 2 августа (№ 212).

² Марков Н.Е. Преступление Маркова 2-го. Пг., 1916; Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 197-199.

³ Иванов А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых в Государственной думе в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917). СПб., 2006. С. 138-147.

Остановленный председательствующим, оратор пошел на открытый скандал: сходя с трибуны и размахивая кулаками, он приблизился к креслу председателя, трижды громко назвав его «мерзавцем». Пожалуй, впервые гнев депутата и непосредственные оскорбления были направлены против личности председательствующего. Думские наблюдатели полагали, что главной целью инициатора этого скандала было желание «свалить председателя», а может быть даже и спровоцировать роспуск Думы. Оратор был лишен права голоса и отстранен на максимально возможные по Наказу 15 заседаний. Скандальное выступление Маркова стало не только его последней думской речью, но спровоцировало дальнейший кризис и разложение фракции правых в Думе, а также придало небывалый ореол мученической славы председателю Думы: в его адрес пришло большое количество телеграмм со словами поддержки и сочувствия¹.

В чем была причина этих многочисленных и разнообразных по форме проявления думских скандалов? Какова общая характеристика инцидентов, имевших место в дореволюционной Думе, которые можно с той или иной долей условности отнести к обструкции? Иногда за ними скрывалось ущемленное положение парламентского меньшинства, прибегающего к непарламентским методам для защиты своей позиции. Чаще – сознательная провокативность одного или группы депутатов, направленная на общую деструкцию думской деятельности. Еще чаще скандалы провоцировались желанием усилить посредством публичного конфликта собственную узнаваемость в публичном пространстве и увеличить собственный символический капитал. Может быть, поэтому в Думе было много инцидентов, которые лишь условно можно отнести к разновидности обструкции. В большей степени следует назвать их *заурядными скандалами*, поскольку за ними не просматривается продуманной стратегии и реализуемой посредством обструкции политической цели. В целом можно сказать, что повод для конфликтов в каждом случае был различен, однако общая причина, вероятно, была одна: это неизбежный для парламента, призванного репрезентировать интересы различных социальных слоев, конфликт интересов, помноженный на общий низкий уровень политической культуры.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1240.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО БУРЖУАЗИИ В ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (1906–1907 гг.)

Цель данной статьи – определить степень влияния предпринимателей на парламентскую деятельность кадетов в период I и II Думы. При этом под предпринимателями нами понимаются хозяева средств производства, использующие наёмный труд для получения прибыли.

Прежде всего, рассмотрим социальный состав кадетских фракций. Отметим, что он не раз подвергался анализу. Новейшее исследование состава фракций КДП сделал В.А. Патентов². Первым же подобную работу провёл кадетский публицист Н.А. Бородин³. Он разбил депутатов-кадетов I Думы на три группы: «рантье, или живущие с дохода с недвижимого имущества, торговли и промышленности», «люди умственного труда», «люди мускульного труда». А.Н.Слепков сохранил это деление, но попытался доказать, что соотношение между указанными тремя группами было иным и «рантье, крупные землевладельцы, торговцы и промышленники» составляли среди кадетских депутатов I Думы не 20,8 %, как считал Бородин, а большинство (82 человека или 54 %)⁴.

Свои классификации предложили также С.Г. Томсинский, С.М. Сидельников⁵ и В.А. Демин. Дальше всего от цифр А.Н. Слепкова ушёл В.А. Дёмин. По данным, приводимым в его статье, «промышленниками, банкирами и коммерсантами» являлись 5 (3 %) членов кадетской фракции⁶. Столь большая

¹ Селезнёв Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

² Патентов В.А. Кадетские фракции в I и II Государственных думах: Дисс. ... к.и.н. М., 1994.

³ Бородин Н.А. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906.

⁴ Слепков А.Н. Классовые противоречия в Первой Государственной Думе. Пг., 1923. С. 46-49.

⁵ Томсинский С.Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924. С. 18; Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С.196.

⁶ Демин В.А. Конституционно-демократическая фракция // Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917). М., 2006. С. 297.

разница с подсчётами Слепкова возникла из-за того, что Демин не включил в состав предпринимателей помещиков, пусть даже и занимавшихся промышленной деятельностью. На наш взгляд, это неверно. Помещики-заводчики (хозяева сахарных, винокуренных, лесопильных предприятий) всё-таки должны быть отнесены к предпринимателям. А вот крестьян, занимавшихся мелкой торговлей, в эту группу включать не следует. Крестьяне-торговцы, как правило, проходили в Думу по курии выборных от волостей и образом жизни и интересами тяготели к крестьянству.

Если исходить из этих условий, то около половины всех предпринимателей, прошедших в парламент первых двух созывов, примкнули к фракции Народной Свободы. Впрочем, это ещё не даёт оснований для далеко идущих выводов. Ведь большинство представителей предпринимательской элиты (коммерции- и мануфактур-советники, почётные граждане, купцы) в I Думе предпочло разместиться на парламентских скамьях правее кадетов. Причём «удельный вес» «сливок» буржуазии у правых оказался больше, чем у конституционных демократов. Зато у кадетов среди предпринимателей шире были представлены дворяне.

Точно также именно во фракции Народной Свободы, как правило, оказывались предприниматели, имевшие интеллигентскую профессию, высшее образование, работавшие в земстве, связанные с издательской деятельностью и книготорговлей.

Сложнее ситуация с помещиками-заводчиками. В I Думе, как и другие их товарищи по сословию, они тяготели к кадетам. Однако во II Думе предприниматели-помещики капиталистического типа изрядно поправили. Их присутствие и удельный вес во фракции кадетов сильно уменьшились. Объяснить это явление мы можем только тем, что помещиков капиталистического типа не устраивала политика конституционных демократов в I Государственной Думе, в частности, стремление КДП к принудительному (пусть и частичному) отчуждению помещичьих земель.

Ещё одно наблюдение: к кадетам тяготели депутаты, связанные с добычей нефти и золота.

В целом во фракции Народной Свободы удельный вес предпринимателей был невелик. Всего, по данным В.В. Шелохаева,

в I Государственной Думе в кадетской фракции насчитывалось 179 депутатов, а во II Государственной Думе – 98¹. Соответственно, анализируемая нами группа составляла во фракции Народной Свободы соответственно 10 и 11 %. При этом «классических» предпринимателей (купцов и потомственных почётных граждан, являвшихся хозяевами своих предприятий, для которых бизнес являлся основной сферой деятельности) мы насчитали только 3% в I Думе и 4% во II Думе.

Однако на основании этих цифр мы ещё не имеем права говорить о низкой степени влияния буржуазии на деятельность конституционных демократов в Государственной Думе. Ведь депутаты-предприниматели, несмотря на свою малочисленность, могли занимать ключевые должности в руководящих органах фракции и Государственной думы в целом. Кроме того, важным показателем влияния буржуазии во фракции Народной Свободы была бы разработка её депутатами законопроектов, отвечающих интересам предпринимателей, а также создание при фракции и Думе специальных комиссий, занимающихся торгово-промышленной тематикой.

Выясним сначала, занимали ли предприниматели-кадеты видное место в руководстве фракции и Государственной думы. Основными органами управления фракцией Народной Свободы являлись комитет в I Государственной Думе, комитет и бюро во II Государственной Думе. В масштабах парламента руководящей структурой было «Совещание Государственной думы», включавшее председателя, его товарищей, секретаря, его товарища².

Первый (временный) комитет фракции Народной свободы был создан в начале работы I Думы. Ни один депутат-предприниматель в него не вошёл³. В постоянном составе комитета, избранном 11 мая 1906 г., из названных нами предпринимателями депутатов фигурировал только Д.Д. Протопопов⁴. Однако, как уже отмечалось, отмечалось, хотя он и числился совладельцем фабрики, но её

¹ Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 83.

² Демин В.А. Государственная дума (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 88–90.

³ Вестник партии Народной Свободы. Еженедельник конституционно-демократической партии (далее – ВПНС). 1906. № 10. 11 мая. Стб.677.

⁴ ВПНС. 1906. № 11. 18 мая. Стб. 734-735.

делами практически не занимался (в отличие от брата-октябриста). Разумеется, этот дворянин-земец не может быть признан представителем интересов предпринимательского сообщества.

Такая же ситуация имела место и во II Государственной Думе. Там в бюро фракции Народной Свободы не было ни одного предпринимателя¹. Правда, председателем комитета фракции были избраны владелец лесопильных заводов П.Д. Долгоруков, а его заместителем – издатель И.В. Гессен². Но они (дворянин-земец и юрист-публицист), конечно, не олицетворяли торгово-промышленную буржуазию и не отстаивали её нужды. Ни один купец или потомственный почётный гражданин в состав комитета фракции не вошёл.

В «Совещании» I Государственной думы предпринимателей не было. В «Совещании» II Государственной думы пост секретаря занимал кадет-предприниматель, потомственный почётный гражданин М.В.Челноков. Однако должность секретаря была чисто технической. Кроме того, она отнимала много времени и сил. В результате московский промышленник фактически выпал из фракции Народной Свободы («поневоле приходится отходить от чисто партийной жизни, которая самым сильным ключом бьёт в парламентских фракциях»³, – признавался он). Таким образом, избрание Челнокова секретарём Государственной думы отнюдь не усилило влияние буржуазии в кадетской фракции. В целом же следует сделать вывод о том, что в руководящих органах фракции Народной Свободы и Государственной думы буржуазия в 1906 – 1907 гг. была представлена весьма скромно.

Далее рассмотрим вопрос о кадетских законопроектах, разработанных в период деятельности I и II Государственной думы.

Прежде всего, укажем, что ни один из кадетских законопроектов не был связан с торгово-промышленной тематикой. Треть (28%) из них прямо противоречила нуждам буржуазии. Имеются в виду законопроекты по введению всеобщих прямых выборов и по социальному законодательству. Особенно неприятны для

¹ ВПНС. 1907. № 8. 22 февраля. Стб.531.

² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л. 8об.

³ «У нас беда – страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной Думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903-1912 гг. / Публ. Ф.А. Селезнёва // Исторический архив. 2004. № 1. С.163.

предпринимателей были социальные законопроекты кадетов. Законопроект «О продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях» устанавливал сокращение рабочего дня. А это российских капиталистов категорически не устраивало. Законопроект «О рабочем договоре» в случае, если стачка «возникла по вине работодателя», обязывал его «возместить рабочим заработную плату»¹, что, разумеется, ущемляло интересы предпринимателя.

Таблица 1.
Кадетские законопроекты в I и во II Государственных думах²

	Противоречившие интересам буржуазии	Соответствовавшие интересам буржуазии	Не затрагивавшие прямо интересы буржуазии
I Дума	<ul style="list-style-type: none"> • О выборах в Гос. думу • О выборах в земства 	<ul style="list-style-type: none"> • О гражданском равенстве 	<ul style="list-style-type: none"> • О неприкосн. личности • Записка по аграрн. вопросу • О собраниях • Наказ Гос. думы • Об отмене смертной казни • О собраниях • Об изменении судебных уст. • О неприкосн. депутатов • О реформе земства • О печати • О свободе совести • О союзах
II Дума	<ul style="list-style-type: none"> • О найме торговых служ. • О нормальном отдыхе торговых служ. • О продолжит. раб. времени • О рабочем договоре • О выборах в земства • О выборах в Гос. Думу 		<ul style="list-style-type: none"> • О профсоюзах • О местной реформе • О земельном обеспечении • О изменении правил росписи доходов и расходов г-ва • О подгот. учр. по земельным делам • О земском устройстве Эстонии • Об отмене законод. последствий исключения из сословных об-в • О выделе из общины
Итого	8 (28 %)	1 (3%)	20 (69 %)

¹ Тексты законопроектов см.: ВПНС. 1907. № 10. 8 марта. Стб.675- 683.

² Перечень законопроектов см.: ВПНС. 1906. № 43. 31 декабря. Стб.6–7; ВПНС. 1907. № 50. 23 декабря. Стб.6–7.

Чрезвычайно раздражали отечественных предпринимателей кадетские законопроекты, касавшиеся положения приказчиков («О найме торговых служащих» и «О нормальном отдыхе торговых служащих»). Один из их составителей, депутат II Думы от Владимирской губернии, адвокат Н.М. Иорданский вспоминал: «Моя работа в Думе по законопроекту о приказчиках и моё обращение к ним, напечатанное в ряде газет, вызвали сильное недовольство в купеческих кругах Владимира»¹.

Лишь один законопроект («Основные положения закона о гражданском равноправии») отвечал насущным нуждам буржуазии, но не всей, а только её части – предпринимателей-иудеев, с деятельности которых, согласно данному документу, снимались ограничения («все установленные действующим законом и административными распоряжениями ограничения в правах, обусловленные принадлежностью к той или иной национальности или вероисповеданию, подлежат отмене»²).

В целом анализ кадетских проектов не позволяет утверждать, что партия Народной Свободы отстаивала в парламенте интересы буржуазии.

Теперь исследуем состав фракционных и общедумских комиссий в парламентах первых двух созывов. По подсчётам В.А. Патентова в I Думе при фракции Народной Свободы создаются 10 комиссий, из них 6 законодательных и 4 организационных³. Специальной торгово-промышленной комиссии образовано не было. Для подготовки к обсуждению в Думе финансовых вопросов 4 июня 1906 г. кадеты учредили особую бюджетную комиссию, во главе с И.И. Петрункевичем. Депутаты-предприниматели в неё не вошли⁴. Во II Государственной Думе при фракции Народной Свободы по нашим подсчётам, основанным на материалах «Вестника партии Народной Свободы», имелось 16 комиссий. Депутатов-предпринимателей в них практически не было, за

¹ Иорданский Н.М. Кое-что из пережитого / Публ. С.В. Калмыкова // Отечественная история. 1998. № 1. С. 145-146.

² ВПНС. 1906. № 11. 18 мая. Стб. 715–716.

³ Патентов В.А. Указ. соч. С. 69.

⁴ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М., 1994. С. 80; ВПНС. 1906. № 14. 8 июня. Стб. 929.

исключением бюджетной комиссии. В ней из 21 члена четверо (К.Ф. Тахтамаров, Я.Н. Шапиро, А.С. Салазкин, М.П. Фёдоров)¹ отнесены нами к предпринимательской группе.

Что касается комиссий общедумских, то в I Думе их было 15 (7 постоянных и 8 временных), а во II Думе – 25 (7 постоянных, 18 временных)². В обеих Думах кадеты являлись ведущей фракцией. Именно от них зависело создание тех или иных комиссий. Поэтому конституционным демократам вполне по силам было бы создание специальной торгово-промышленной комиссии. Однако кадеты не захотели этого сделать. Из чего мы можем заключить, что вопросы развития торговли и промышленности, т.е. та проблематика, которая, прежде всего, интересовала буржуазию, не были для конституционных демократов приоритетными. (Отметим, что в III Думе, где доминировали октябристы, торгово-промышленная комиссия сразу же была создана).

Наиболее близка по сфере своих занятий к интересам предпринимателей была финансовая комиссия. В I Думе она была избрана поздно и фактически не успела приступить к деятельности. Возглавил её кадет, но не предприниматель, а дворянин-помещик, земский деятель А.А. Свечин. Отметим, в этой связи, что между промышленниками и земством постоянно шла борьба по вопросу о налогообложении заводских территорий. Капиталисты неоднократно жаловались, что земства, где преобладают дворяне, несправедливо перекладывают всю тяжесть налогов на плечи промышленности и торговли, творя произвол³. В этой связи назначение земца-дворянина председателем финансовой комиссии Государственной думы, конечно, не могло вызвать энтузиазма у буржуазии.

Во II Государственной Думе финансовую комиссию возглавил кадет, профессиональный экономист (также помещик-дворянин) Н.Н. Кутлер. После перехода Кутлера в председатели аграрной комиссии, его сменил беспартийный (член Польского коло) инженер-дворянин В.В. Жуковский. Избрание Жуковского председателем не могло состояться без согласия кадетов. В этой

¹ ВПНС. 1907. № 9. 1 марта. Стб. 600.

² Демин В.А. Указ. соч. С. 112-114.

³ Промышленность и торговля. 1908. № 11. 1 июня. С. 653; № 12. 15 июня. С. 727-728 и др.

связи следует обратить внимание на то, что Жуковский был представителем интересов горнодобывающей промышленности и Азовско-Донского коммерческого банка.

Вообще же в состав финансовой комиссии II Думы фракция Народной Свободы делегировала в основном интеллигентов (В.К. Корде, П.П. Юренев, Л.Г. Рабинович, П.Б. Струве)¹ и только одного предпринимателя – М.П. Фёдорова. Отметим, что Фёдорову было доверено возглавить ещё и бюджетную комиссию парламента. Кроме него из депутатов-кадетов, зачисленных нами в предприниматели, комиссии возглавляли М.И. Петрункевич (комиссия по исполнению государственной росписи доходов и расходов I Думы), И.В. Гессен (комиссия о преобразовании местного суда II Думы), Павел Д. Долгоруков (комиссия о народном образовании II Думы). Все они имели высшее образование, принадлежали к интеллигенции или дворянству. Трое являлись видными партийными функционерами. Половина была связана с земством. Среди них не нашлось ни одного купца или потомственного почётного гражданина.

В целом эти признаки характерны для думских предпринимателей-кадетов. Подавляющее большинство из них имело высшее образование, было связано образом жизни и интересами с дворянством или интеллигенцией, от трети до половины имело какую-то интеллигентскую профессию. Удельный вес дворян-предпринимателей во фракции Народной Свободы был больше, чем у купцов и потомственных почётных граждан. Треть предпринимателей-кадетов работали в земстве.

Большинство предпринимателей во фракции Народной Свободы были или интеллигентами из числа дворян (инженеры, юристы), входившими в руководство крупных компаний; или землевладельцами (дворяне, казаки, крестьяне), имевшими кирпичные либо лесопильные заводы, или выходцами из купеческой среды, имевшими в качестве основной какую-либо интеллигентскую профессию, но сохранившими долю в семейном деле.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп.1 (II том). Д.772. Л.3-32.

Из отраслей хозяйства наиболее широко представлена была в кадетской фракции горнодобыча (золотодобывающая и нефтяная промышленность).

Помещики капиталистического типа в I Думе тяготели к кадетам. Во II Думе присутствие и удельный вес помещиков-заводчиков во фракции Народной Свободы сильно уменьшились. Объяснить это можно тем, что помещиков капиталистического типа не устраивала политика конституционных демократов в I Государственной Думе, в частности стремление КДП к принудительному отчуждению помещичьих земель.

Отметим, что кадеты не создали Комиссию по торгово-промышленным вопросам в I и II Думе, где были ведущей фракцией. Конституционные демократы не внесли в Думу ни одного законопроекта, непосредственно связанного с торгово-промышленной тематикой. Отсюда мы можем заключить, что вопросы развития торговли и промышленности, т.е. та проблематика, которая, прежде всего, интересовала буржуазию, не были для конституционных демократов приоритетными. Более того, абсолютное большинство законопроектов, внесённых в Государственную думу фракцией Народной Свободы, либо не было связано с интересами буржуазии, либо противоречило им. А, работая в комиссиях Государственной думы, кадеты нередко игнорировали нужды буржуазии.

Таким образом, с полным основанием можно сделать вывод о том, что буржуазия была слабо представлена во фракции Народной Свободы и не оказывала существенного влияния на её деятельность. Фракция Народной Свободы в своей законодательной работе игнорировала интересы предпринимателей. Это ещё раз говорит о том, что КДП не являлась партией буржуазии.

НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ И ИХ ОЦЕНКА (Ф.И. РОДИЧЕВ И ИНЦИДЕНТ В ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ)

Федор Измаилович Родичев (1853-1932 г.), политический деятель, крупный землевладелец, участник земского движения, член «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», один из создателей партии кадетов (1905 г.) и член ее ЦК (с 1906 г.). Депутат I-IV Государственных дум, один из лидеров кадетской фракции. Лучший оратор партии, прозван «первым тенором» Партии Народной Свободы, «русским Мирабо» за темпераментные выступления в Думе и на митингах.

В марте-мае 1917 г. – комиссар Временного правительства по делам Финляндии. После октября 1917 г. участвовал в белом движении на юге России. С 1920 г. в эмиграции.

В Государственной Думе третьего созыва Родичеву пришлось стать оппонентом другого выдающегося русского оратора и государственного деятеля – П.А. Столыпина. С первых заседаний главной темой выступлений Родичева стала борьба против административного произвола, что не нашло достаточного отражения в искусственно подобранном составе третьей Думы. Политические убийства в стране множились, продолжались и внесудебные, по приговору полевых трибуналов, казни террористов. Однако пойти на прямое осуждение политических убийств оппозиция не могла. Она ограничивалась требованием прекращения казней, перекладывая ответственность на правительство. По этому вопросу 17 ноября 1907 г. Родичев в ответ на декларацию Столыпина произнес одну из знаменитых речей, которая, вкуче со своими последствиями, стала «фирменным знаком» думской деятельности либерального оратора. В ней жесткой критике подвергался весь внутреннеполитический курс правительства. Пресловутый «двадцатилетний покой», рассматриваемый Столыпиным как базовое условие для жизнеспособности проводимых реформ, по мнению Родичева, мог

¹ *Татаренкова Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

воцариться только при вступлении правительства «бесповоротно на почву права». Для него это означало, что «власть не перевозносит силу, что власть не грозит и что власть ... подает пример подчинения законам»¹. Оратор в своей эмоциональной речи оперировал многочисленными примерами судебных ошибок, приговоров без достаточных улик, произвола судей. Он утверждал, что правительственная власть не должна «держаться на страхе», что это есть выражение ее слабости, а не силы, что казни роняют моральный авторитет судов и правительства. «Прекратите эти кровавые расправы, – восклицал оратор, обращаясь к премьеру, сидящему в правительственной ложе, – они пятнают наши суды. Я вам скажу более, в то время когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником (символ радикального средства управления. – А. Е.)...» Тут он вдруг остановился, с высоты трибуны пристально посмотрел в лицо премьера и, сделав вокруг шеи красноречивый жест, точно накидывая петлю, громко и отчетливо закончил: «...И что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстуком!»² А.В. Тыркова-Вильямс вспоминала, что на фоне мертвой тишины зала заседаний побледневший Столыпин поднялся и медленно покинул свое место, отправляясь в министерский павильон. За ним последовали министры. Левые буквально взорвались восторженными аплодисментами, правые же, вскочив со своих мест, закричали: «Возьмите свои слова обратно! стыдно, Родичев. Позор!»³ Позже Родичев вспоминал: «Поднялась буря. Все, кто были направо от К.-Д., вскочили с мест и вопили. Помню Пуришкевича, который с ругательствами кинулся меня бить. Помню Крупенского, ругавшегося матерными словами»⁴. Заседание было прервано. Из министерского павильона пришло сообщение, что Столыпин глубоко потрясен, что он не хочет остаться у своих детей

¹III Государственная Дума. (Сессия 1-я). Отчет фракции народной свободы. СПб., 1908. С. 21.

²III Государственная Дума. Сессия 1. Отчет фракции народной свободы. СПб., 1908. С. 24-25; Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 477.

³ Там же. С. 478.

⁴Письмо Ф.И. Родичева к А.Р. Ледницкому // Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 163.

с кличкой «вешателя» – и посылает депутату Родичеву своих секундантов¹. Конфликт мог закончиться дуэлью. Однако кадетский оратор, при всей идейной страстности, не пожелал вносить личный оттенок в политическую дискуссию, немедленно принес извинения премьеру. «Я вас прощаю», – заявил Столыпин, «вам нечего прощать мне», – послал ему вдогонку Родичев². Возобновившейся заседании Думе он объяснил, что имел в виду «действия властей в целом», и берет свои слова назад, не желая оскорбить ни Государственную думу, ни лично Председателя Совета министров.

Несмотря на принятое публичное извинение, Родичев подвергся высшей мере парламентского взыскания, – удалению из собрания на 15 заседаний³.

Через некоторое время министры во главе с премьером вернулись в свою ложу. Правые и октябристы встали и долго аплодировали Столыпину. К неприятному удивлению многих членов кадетской фракции, их примеру последовал и лидер кадетов Милюков. Тыркова вспоминает, что все представители фракции, взволнованные речью Родичева и его извинениями, а также неожиданным поведением своего лидера, сказали ей: «Ариадна Владимировна, скажите Милюкову, что он с ума сошел». Во время собрания фракции она задала лидеру партии резкий вопрос: «Зачем вы это сделали? Родичеву надо было извиниться, иначе речь его носила бы характер личного выпада. Но ведь мы, кадеты, по существу его речь поддерживаем. Ведь это наша оценка, наш дух. Аплодируя Столыпину, вы точно отреклись от обвинений, которые Родичев выдвинул, на которых вы строите всю нашу политику. Это недопустимые аплодисменты. Как вы могли такое сделать.... По лицам было видно, что со мной многие согласны»⁴. Милюков ответил, что поступил так, как подсказало ему его политическое чутье. На июньской партийной конференции свою реакцию на инцидент он объяснил не демонстрацией особого отношения к Столыпину, а подтверждением отсутствия оскорбительного контекста в выступлении Родичева. Поступив подобным образом, по его мнению, он, как партийный лидер, лишь

¹Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1-2 (1859-1917). М., 1990. Т. 2. С. 16.

²Письмо Ф.И. Родичева к А.Р. Ледницкому... С. 164.

³ III Государственная Дума...С. 25.

⁴Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 480.

защищал интересы фракции, пытаясь предохранить ее от обвинений в скандальности и нарушении норм парламентской этики.

Если в Думе во время острых дискуссий, оправдывая свою неоднозначную реакцию на скандал, спровоцированный членом его партии, ее лидер действовал как осторожный «реальный политик», то много позже, уже в эмиграции, он оценил ее с общечеловеческих, нравственных позиций. В воспоминаниях Милюков признал факт своего «неприятного» участия в «дуэльном» случае и констатировал собственное чувство вины перед соратником, на которого он часто опирался в ответственные для партии минуты: «Я испытывал двойное ощущение, что поступил правильно и иначе поступить не мог, но в итоге только создал для Родичева унижительное положение»¹.

Интересно отношение к думскому инциденту других членов кадетской партии. Некоторые из них (А.И. Шингарев, К.К. Черносвитов) на той же конференции посчитали окончание речи неудачной, мотивируя это тем, что «яркость речи, сделанной в ненадлежащую пору – ошибка»². С поддержкой Родичева и осуждением Милюкова выступила почти вся кадетская периферия и несколько членов ЦК, которые назвали «бальзамом» яркую речь Родичева «на тусклом фоне третьей Думы»³. Представитель рязанских кадетов А.К. Энгельмейер написал открытое письмо в редакцию газеты «Речь» и «Русские ведомости» с выражением сочувствия Родичеву по поводу думского инцидента. Он писал А.А. Корнилову: «Если нашлось столько людей, которые обрушились на благородного оратора за его блестящую речь и быть может, «лебединую песнь» в третьей русской Думе, то это только потому, что она затронула даже их черную зависть и пробудила в ней сознание страшной вины перед родиной, их злополучной жертвою. Это был проблеск, зародыш раскаяния палача»⁴. С.А. Муромцев писал Родичеву из Москвы 17 ноября: «Дорогой Федор Измайлович! Поступки, руководимые искренними

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 16.

² Съезды и конференции... С. 30, 32.

³ Там же. С. 30, 33-35.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2443. Письмо А.К. Энгельмейера – А.А. Корнилову. 1907 г. Л. 4.

побуждениями, каковы бы ни были их ближайшие результаты, не могут не вызвать, в конечном своем исходе, последствий, которые служат лишь к укреплению внутренней связи лиц, борющихся за хорошее дело, и к посрамлению их врагов»¹. Еще дальше пошел постоянный оппонент Милюкова Н.А. Гредескул, который на октябрьской конференции 1908 г., рассуждая о тактике партии в III Думе и предостерегая кадетов от «компромиссов», предложил «занять такую позицию, которая определится несколькими выдающимися моментами вроде выступления Ф.И. Родичева. Этим партия только выиграет в глазах своих противников»². Общее мнение фракции было воплощено в решении ЦК 21 ноября 1907 г.: «По вопросу об исключении Ф.И. Родичева из Государственной Думы на 15 заседаний, постановлено выразить ему сочувствие и благодарность за блестящую речь, которая признана вполне соответствующей действительному положению страны»³.

Даже яростные политические оппоненты кадетов – октябристы – расценили речь Родичева как выдающуюся, а наказание, учитывая принесенные извинения, как чрезмерное. Однако они выразили сомнение в положительности политических последствий этого события. Так, лидер левых октябристов В.И. Петрово-Соловово писал: «Выходка против личности сгубила блестящую речь оратора. Это тяжелый удар для конституционалистов. Теперь наши политические противники постараются возвести частный случай в перл»⁴. Примечательна еще более красноречивая оценка октябристами политических последствий инцидента: «Красное словцо произнес Родичев, а триумф получил Столыпин»⁵. Представляется, что подобная точка зрения не лишена оснований, поскольку сам Федор Измайлович вспоминал, что в Думе «долго царило враждебное отношение ко мне..., правые обвиняли меня во всех прегрешениях политических и не политических, а председатели позволяли разглагольствовать против Родичева»⁶. В то же время необходимо признать, что даже в определенной

¹ Муромцев С.А. Статьи и речи (1878-1910). М., 1910. Вып. 1. С. 102.

² Съезды и конференции... С. 69.

³ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. Т. 1. М., 1994. С. 233.

⁴ ГА РФ. Ф. 539. Оп.1. Д. 1378. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Письмо Ф.И. Родичева к А.Р. Ледницкому... С. 164.

степени нарушив парламентскую этику, Родичев мужественно и правдиво обрисовал катастрофическое внутреннее состояние России, приняв на себя удар не только со стороны политических противников, но и части собственной фракции. Этот частный, но весьма показательный случай, на наш взгляд, вскрыл ряд важных моментов. Он обозначил отношение как Родичева, так и значительной части кадетской партии к сущности политического кризиса в России, определенную реакцию общества, правых сил, и, наконец, рядовых членов партии и ее руководства на острые оппозиционные выступления в Думе.

Изгнание Родичева из Думы продолжалось до конца 1907 г., после чего он вернулся в зал Таврического дворца. Несмотря на «высшую меру» парламентского наказания, которое он понес, критический тон его выступлений стал только усиливаться. В свою очередь, Столыпин под давлением правых начал сворачивать осуществление намеченных реформ. Вместо ожидаемых либеральной буржуазией политических свобод и торжества законности в стране свирепствовала реакция, блокировавшая накал революционного движения, и, по выражению В.В. Шелохаева, «задевавшая рикошетом» либеральную буржуазию¹.

А.А. Сорокин, Ф.А. Селезнев²

КАДЕТСКАЯ ФРАКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА МЕСТНОГО СУДА (1907-1912 гг.)

Один из авторов данной статьи уже затрагивал ранее проблему взаимоотношений П.А. Столыпина и кадетов¹. По его мнению,

¹Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С. 53.

² Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

будучи оппозиционной партией, кадеты отрицательно относились к Столыпину как к государственному деятелю. При этом на их неприятие столыпинской аграрной реформы повлияло то, что в программе Партии народной свободы имелись существенные элементы социалистической (народнической) идеологии. А.Н. Егоров, напротив, считает кадетов либералами и видит либерализм даже в их критике аграрной реформы Столыпина. С точки зрения этого автора, кадеты в названном вопросе все-таки показали себя либералами, т.к. «на первое место ставили права человека, рассматривая частную собственность лишь как один из факторов обеспечения свободы личности»². По нашему же мнению, принудительное отчуждение собственности – это грубейшее нарушение прав человека, которое ни в коем случае не может быть признано либеральной мерой.

Впрочем, следует признать, что по отношению к другой столыпинской реформе – реформе местного суда, тесно связанной с аграрной реформой, кадеты показали себя достаточно последовательными либералами.

Вообще, в теоретических построениях либералов местный суд, который к концу XIX столетия представлял собой систему различных институтов со своими особенностями (волостной суд, мировой суд, суд земского начальника, городской суд, суды для иностранцев и т.д.), нуждался в коренной реформе, основными задачами которой, с либеральной точки зрения, должны были стать его унификация и демократизация.

¹ Селезнев Ф.А. П.А.Столыпин и кадеты: одиночество реформатора // Десять лет российских реформ: некоторые итоги и новые проблемы. Экономика. История. Философия. Право. Нижний Новгород, 2002; Он же. О переговорах Столыпина с кадетами в апреле – июне 1907 года // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 167-168; Он же. Переговоры Столыпина с кадетами в апреле – июне 1907 г. (по новым материалам) // Государственное управление в России: традиции и современность: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2002; Он же. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006. К сожалению, эти публикации, видимо, остались неизвестны А.Н. Егорову, который в своей статье по этому вопросу не сделал на них ни одной ссылки. См.: Егоров А.Н. Кадеты и П.А. Столыпин: проблемы взаимоотношений // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей. Орел, 2010.

² Егоров А.Н. Указ. соч. С.200.

Говоря об историографии данного вопроса, нужно, прежде всего, отметить работы обобщающего характера¹. Вторая группа исследований, которую следует выделить, посвящена собственно мировой юстиции и местному суду в начале XX в. и его реформе. Здесь нужно отметить монографию С.В. Лонской², пусть она и носит скорее правовой, нежели исторический характер. Укажем и на работу Р.В. Терентьева, в которой рассматривается реформа местного суда и отношение к ней со стороны правительственных кругов³. Сюда же можно отнести статьи П.Н. Зырянова⁴ и И.Н. Тетюхина⁵. В третью группу следует, на наш взгляд, объединить труды историков, в которых рассматривается законотворческая деятельность конституционных демократов в различных ее аспектах⁶. Особенно много для изучения заявленной нами темы сделала Л.Ю. Казанина. Ею, в частности, была исследована взаимосвязь между отношениями кадетов к личности Столыпина и провалом концепции столыпинской модернизации (в том числе и на примере судебной реформы). В то же время следует сказать, что Казанина в своих работах использовала в качестве основного источника материалы газеты «Речь». Мы же постарались более широко опираться на материалы Государственной думы, а также привлечь работы видных кадетов по теории права.

¹ Модели общественного переустройства России. XX век. Отв. редактор В.В. Шелохаев. М., 2004; Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906-1917 гг.). М., 2005; Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразований России (1906-1911). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

² Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000.

³ Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX века. Дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2005.

⁴ Зырянов П.Н. Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6. С. 45-62.

⁵ Тетюхин И.Н. Законотворческая деятельность правительства Столыпина в области мировых учреждений // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 3. С. 389-392.

⁶ Шамхалов Ш.А. Особенности идейно-политических и программных установок кадетов // Власть. 2010. № 11. С. 81-84; Казанина Л.Ю. Столыпинская программа модернизации России в оценке конституционных демократов (по материалам газеты «Речь») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2010. № 3. С. 71-76. Она же. Судебная реформа П. А. Столыпина в оценке конституционных демократов // История государства и права. 2009. № 10. С. 14-16.

В этой связи следует отметить, что именно благодаря составу партийного руководства, представленного в немалой степени признанными юристами-теоретиками, в кадетской программе, по справедливому мнению Д.В. Аронова, «были не только сформулированы основные цели либерального законотворчества, но и дан ряд декларативных правовых норм, легших в основу практики либерального законодательства периода работы Государственной Думы»¹. Там же предельно четко было сформулировано видение конституционными демократами и собственно местного суда («Суд с сословными представителями упраздняется. Компетенции выборного мирового суда подчиняются и дела волостной юстиции. Волостной суд и институт земских начальников упраздняются. Требование имущественного ценза, как для замещения должности мирового судьи, так и для отправления обязанностей присяжного заседателя отменяется»)².

Как видим, кадеты хотели ликвидировать все судебные институты, связанные с сословной системой деления общества. В защиту своей точки зрения они приводили многочисленные юридические аргументы. Например, видный деятель кадетской партии, редактор журнала «Право» И.В. Гессен считал серьезной проблемой использование местным судом норм обычного права, выносящих порой его за пределы законодательно утвержденного правового поля³. Но, разумеется, у позиции кадетов имелась и идеологическая подоплека. Усиление сословного начала в местном суде было проведено Александром III для укрепления самодержавия. Кадеты были противниками самодержавия. Этим в значительной степени и определялась логика их действий.

Во II Думе кадетами был предложен проект основных начал реформы местного суда. В Думу был внесен и правительственный проект закона⁴. По словам самих кадетов, основные идеи правительственного варианта были близки «настойчивым

¹ Аронов Д.В. Указ. соч. С. 164.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. / М., 1997. Т. 1. С. 38.

³ Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 213-214.

⁴ Основные положения проекта министра юстиции о преобразовании местного суда. СПб., 1907. С. 24.

требованиям общественного мнения»¹. Тем не менее, партийная комиссия, образованная конституционными демократами для выработки законопроекта о местном суде, который предполагалось внести во II Думу, сочла, что правительственный законопроект (предполагавший упразднение волостного суда, выборность местного суда и восстановление единства кассационной инстанции) все-таки нуждается в дополнениях и корректировках, важнейшими из которых были:

- 1) ликвидация имущественного ценза,
- 2) увеличение образовательного ценза,
- 3) устранение из съезда мировых судей «правительственного элемента»².

Сам проект министра юстиции был подвергнут критике с этих позиций еще до начала его обсуждения в Думе. Так, на заседании Ярославского юридического общества 31 марта 1907 г. Д.А. Скульский, входивший в кадетскую фракцию в I Думе, в своем докладе «О реформе местного суда» по проекту министерства юстиции, представленному в Государственную Думу, «подверг резкой критике имущественный ценз, установленный проектом для мировых судей, и организацию второй инстанции»³.

На заседании Думы 27 марта 1907 г. была избрана комиссия по вопросу о реформе местного суда для рассмотрения законопроекта министерства юстиции в составе 33 человек⁴, из которых, по подсчетам авторов, к фракции конституционных демократов относились восемь: К.Л. Бардиж, И.В. Гессен (избранный председателем), М.И. Кузнецов, О.Я. Пергамент, Ф.И. Родичев, Н.В. Тесленко, К.К. Черносвитов, П.Н. Чинков. Остальные депутаты представляли трудовиков, октябристов, эсеров и др. В комиссии кадеты имели наибольшее представительство.

На заседании 28 мая 1907 г. докладчиком от вышеуказанной комиссии, Гессеном, был сделан пространный экскурс в историю русской мировой юстиции с указанием основных изменений в ней

¹ Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы. 1905-1907. СПб, 1907. С. 254.

² Там же. С. 254.

³ Заседание Ярославского юридического общества // Право. 1907. № 18. С. 1331.

⁴ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1907. Т. 2. С. 1270.

на протяжении почти полувека, прошедшего с реформы 1864 г.¹ Особо докладчиком подчеркивалась отрицательная роль земских начальников как судебного института: «...в течение почти 20 лет земские начальники беспощадно втоптывали в грязь закон, беспощадно подрывали в крестьянах уважение и доверие к законам, настойчиво приучали их к насилиям...»². Докладчик указал на необходимость «отмести все те многочисленные наросты, которые образовались в течение этих 45 лет», а также отменить волостной суд³. В последнем вопросе Гессен подверг резкой критике законопроект министерства юстиции, не предусматривающий отмену ст. 25 Правил о волостном суде, предоставляющую право волостным судьям «разрешать дела по обычаю и по совести». Еще раз укажем, что отмена обычного права в судебной системе была одним из наиболее рьяно отстаиваемых конституционными демократами положений.

При этом в целом комиссией были поддержаны положения законопроекта, в частности, о выборности суда («мы должны были считаться с той глубокой враждой, какая существует до сих пор между правительством и обществом ... если мировой судья будет выборным, то это сразу возвысит его в глазах населения...»⁴), о необходимости образовательного и возрастного цензов⁵. А вот имущественный ценз комиссией был отвергнут⁶ («Размер ценза настолько ничтожен, что, затрудняя избрание, не обеспечивает никакой даже и самой малой степени имущественной самостоятельности кандидата в судьи»⁷, – писала кадетская печать). Также комиссия настаивала на необходимости придания функций единой кассационной инстанции Правительствующему Сенату⁸.

Среди выступлений членов кадетской фракции при обсуждении этого вопроса в Думе следует отметить речь К.К. Черносвитова,

¹ Там же. С. 1323-1329.

² Там же. С. 1327.

³ Там же. С. 1329-1330.

⁴ Там же. С. 1339.

⁵ Там же. С. 1340.

⁶ Там же. С. 1341.

⁷ Речь. 1907. 31 мая.

⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1907. Т. 2. С. 1344.

который заявил о необходимости отмены ст. 295 Учреждения судебных установлений (по которой судья может быть уволен от службы, если «образом действий даст основательный повод сомневаться в спокойном и беспристрастном исполнении своих обязанностей»), поскольку она, по мнению оратора, делала независимость суда формальной¹. Укажем также на выступление депутата от области Войска Донского М.П. Араканцева, заявившего о необходимости распространить реформу на все казачьи области².

Роспуск II Думы не предоставил возможность осуществить реформу местного суда по принципам, принятым думской комиссией. Рассмотрим участие конституционных демократов в обсуждении министерского законопроекта о реформе местного суда (в несколько измененном виде³) в III Думе.

29 ноября 1907 г. состоялось избрание членов новой думской комиссии по судебным реформам. На ее заседаниях кадетами по-прежнему отстаивалась точка зрения о недопустимости применения обычного права в любой форме. Они предлагали вместо введения особых судов для крестьян расширить представительство крестьян в уездных земских собраниях⁴.

Нужно отметить, что после третьеиюньского переворота конституционными демократами была принята новая тактика политических действий. На V съезде партии в октябре 1907 г. было решено отказаться от разработки собственных законопроектов и перенести центр тяжести на «критику проектов правительства»⁵. В этой связи Казанина указывает, что «кадетский рупор всегда находил, к чему придраться ... акцентируя внимание на недостатках и представляя достоинства как вынужденную необходимость, которую, наконец, осознало правительство»⁶.

¹ Там же. С. 1397.

² Там же. С. 1381.

³ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2003. Т. 1. С. 154-180.

⁴ Терентьев Р.В. Указ. соч. С. 59.

⁵ Казанина Л.Ю. Столыпинская программа модернизации России в оценке конституционных демократов (по материалам газеты «Речь») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2010. № 3. С. 72.

⁶ Там же. С. 73.

Действительно, невзирая на схожие позиции с министерством юстиции в отношении реформы местного суда, кадеты в своей печати все-таки подвергли критике Минюст за то, что «министерство встало на прежний путь частичных исправлений, более или менее необходимых, но не способных ни на йоту улучшить общее безотрадное состояние правосудия»¹. А это безотрадное состояние, по мнению кадетов, определялось существовавшим политическим режимом. Самодержавное государство было главным врагом кадетов. Поэтому все, что его ослабляло – одобрялось, а все, что его усиливало – критиковалось. Так, Черносветов, выступавший от имени всей фракции, заявил: «Если вы хотите образовать самостоятельный суд, то не отдавайте его в руки министра юстиции, отданный в руки министра юстиции этот суд будет не только плохой, это будет синоним никуда не годного суда»².

В этой связи понятно, почему кадеты выступали за ликвидацию судебных полномочий земских начальников (представителей государства на местах). Поддерживалась ими и выборность мирового суда земством (но не крестьянами!). В отношении последнего пункта Зырянов отмечал, что тем самым «сказалось недоверие кадетов к русской деревне настроенной в основном более демократично, чем кадеты»³. Здесь можно возразить, указав, что в ряде губерний крестьяне на думских выборах поддерживали правых кандидатов. И, скорее всего в этом, а не в «демократизме» деревни видели опасность кадеты.

В борьбе с «правой опасностью» кадеты всегда смыкались с думскими социалистами. У них было много и других точек соприкосновения. Например, по вопросу об имущественном цензе для мировых судей.

Основные дебаты по поводу имущественного ценза состоялись 22 января 1910 г.⁴. При этом конституционные демократы (Ф.И. Родичев, Черносветов) высказались за его полное уничтожение

¹ Речь. 1909. 6 мая.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Часть 2. СПб., 1910. С. 1151.

³ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 53.

⁴ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Часть 2. СПб., 1910. С. 92-207.

– при поддержке трудовиков, прогрессистов, социал-демократов, правых, националистов – и вопреки октябристам.

На заседании Думы 26 марта при постатейном чтении проекта ключевыми были голосования по вопросам об отмене волостного суда и о языке судопроизводства. Депутаты левооктябристским большинством высказались за отмену волостного суда. По вопросу о языке консолидация не сложилась. В результате кадеты не смогли провести свои поправки, прежде всего предложение в регионах с преобладанием нерусского населения вести судопроизводство на местном языке. Близкая к кадетам пресса недовольно писала по этому поводу: «Делая русский язык обязательным для судов, Дума сделает то же самое, что сделало министерство народного просвещения с латинским языком: оно заставило молодежь возненавидеть этот язык»¹.

Одной из немногих кадетских побед стало восстановление выборности председателей мировых съездов (в противовес министерскому проекту). За это проголосовали 154 депутата против 127 на заседании 27 марта 1910 г. В остальном же попытки кадетов были тщетны. «Русские ведомости» с печалью констатировали: «Несмотря на энергичную защиту депутатов Захарьева, Черносвитова и Петровского, отклоняется целый ряд поправок фракции к.-д.»².

31 марта 1910 г. решалась общая судьба законопроекта в Думе. Несмотря на то, что все мало-мальски существенные поправки фракции Народной Свободы были отклонены³, конституционные демократы проголосовали «за» проект закона. Таким образом, он был принят Думой в третьем чтении и передан в редакционную комиссию. Последняя подготовила его для передачи в Государственный Совет, в котором 5 июня 1910 г. была образована особая комиссия для рассмотрения законопроекта о реформе местного суда.

20 октября 1910 г. состоялись выборы в комиссию Государственного Совета, а 30 ноября состоялось ее первое заседание. Неожиданно присутствовавшие на нем Столыпин и министр юстиции высказались против отмены волостных судов, что

¹ Русские ведомости. 1910. 27 марта.

² Там же. 29 марта.

³ Там же. 1 апреля.

являлось стержневой основой реформы. Тут же комиссия большинством голосов («против» были лишь четверо) постановила не упразднить волостной суд, как было предусмотрено думским вариантом законопроекта, а реорганизовать его. Как язвительно заметило по этому поводу близкое к кадетам «Право», «говорят, культурный уровень населения не дает возможности вводить широких реформ, и забывают, что без последних уровень этот никогда не поднимется»¹.

31 мая 1912 г. законопроект в исправленном виде был одобрен Государственным Советом², а 15 июня подписан императором и получил статус закона. Волостной суд, за отмену которого так боролись кадеты, был сохранен. Характеризуя новый закон, член обеих думских комиссий по судебным реформам Черносивтов с сожалением резюмировал: «Преобразуемый волостной суд по составу судей оказывается не лучше осужденного действующего волостного суда ... все значение реформы местного суда для крестьян-общинников уменьшается и приобретает сомнительный характер. Вся реформа приобретает сословную тенденцию»³.

Подводя итог, следует сказать, что по отношению к столыпинской реформе местного суда кадеты показали себя последовательными либералами. В отличие от самого реформатора, который был вынужден отступить перед консервативно-охранительным настроением Государственного Совета.

¹ Хроника // Право. 1910. № 49. С. 2983-2984.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. Часть 4. СПб., 1912. С. 2842.

³ Черносивтов К.К. Преобразование волостного суда // Право. 1912. № 18. С. 1035.

КАДЕТЫ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕПАРЛАМЕНТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ АКТИВНОСТИ В ТРЕТЬЕИЮНЬСКИЙ ПЕРИОД

Основными средствами политического влияния конституционно-демократической партии со времени ее основания были печать (кадетская пресса имела особое значение в России по своей оперативности и информированности), а с появлением парламента – и думская трибуна. Однако уже после IV съезда партии (сентябрь 1906 г.), констатировавшего провал «Выборгского манифеста», в партии начался организационный кризис. В ответ на новый избирательный закон 3 июня и поражение на выборах в III Думу на своем V съезде (октябрь 1907 г.) кадеты лишь заявили о необходимости сосредоточиться на законодательной деятельности². Вместе с тем конституционные демократы осознавали свое изолированное положение в рамках Третьеиюньской системы. Участие в деятельности III Думы не приносило партии сколько-нибудь ощутимых политических плодов. Отношения с октябристским парламентским большинством были враждебными. Как октябристы, так и кадеты воспринимали постановку вопроса о совместной деятельности их партий, а тем более – думских фракций, как отказ от основополагающих политических принципов, определенных еще в период размежевания оппозиционного движения в 1902-1904 гг. и закрепленных в период спада Первой революции в 1906-1907 гг.: для кадетов подобное соглашение означало отступление от идеалов освободительного движения, для октябристов – союз с революцией. Кадеты не стремились ни к сотрудничеству с думским большинством в законодательной сфере, ни к акциям, направленным на роспуск палат. Запросная тактика стала главным оружием фракции. Однако для закрепления и дальнейшего усиления своей всероссийской роли кадетам требовалось развить различные формы внепарламентской

¹ Гайда Федор Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России XIX - начала XX вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. М., 1997. С. 671-672.

активности. Авторитетный общественный деятель, член кадетского ЦК кн. Д.И. Шаховской утверждал: «Нет в России другой партии, которая могла бы взяться за эту работу, кроме нашей». Его соратница А.В. Тыркова заявляла: «Без кадетской партии наша страна была бы похожа на Турцию: направо и налево от нас еще неорганизованный хаос»¹.

Тем не менее, организовать внепарламентскую активность оказалось для партии трудноразрешимой задачей. Общекадетские форумы мало этому способствовали. Собиравшиеся с 1908 г. 1-2 раза в год партийные конференции имели скорее информационный характер, среди их участников преобладали столичные кадеты. Провинциальные делегаты, как правило, отмечали, что «к партии широкие народные массы относятся <...> даже не отрицательно – они о ней просто забыли» или «не знают»². Лишь с 1910 г. (очевидно, в первую очередь в связи с обострением после выхода «Вех» идейного противостояния в партии) намечается рост числа местных делегатов. Однако конференция 25-26 мая 1913 г. констатировала организационный развал партии на местах и посчитала невозможным в сложившихся обстоятельствах созыв партийного съезда. Было решено сосредоточиться на преодолении кризиса путем профессиональной и сословной организации общественности, борьбы с «аполитизмом молодежи» и ростом межнациональной розни, создании объединенной оппозиции – «хотя бы, для начала, с целью взаимной информации»³. По сути, это была констатация собственного бессилия. Тезисы организационного доклада фактически толкали партию в русло деловой активности. 20 сентября на заседании московского отделения ЦК Д.И. Шаховской советовал: «Ближе подойти к народным массам. Они умеют теперь нас слушать». Однако он вынужден был признать, что кадетам «свои центральные учреждения необходимо подстегивать». В результате на заседании членам ЦК были лишь

¹ Там же. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 173, 287.

² Там же. Т. 1. С. 56-57.

³ Там же. Т. 2. М., 2000. С. 496-500.

розданы поручения заняться аграрным и национальным вопросами, отношениями с рабочими и торгово-промышленными служащими¹.

В дальнейшем настроение стало еще более скептическим. Собрание кадетского ЦК в декабре 1913 г. констатировало, что «не замечается желаний в различных демократических слоях населения активности». Соответственно, «нужно способствовать росту сил демократических слоев населения», «содействовать рассеянию пессимизма в обществе в виде конкретного обсуждения ближайших задач», «содействовать политическому воспитанию и бороться с буржуазным страхом»². В частном письме кадет Л.А. Велихов признавался: «По моему мнению, никогда общественная реакция не была так сильна, как сейчас. Она гораздо сильнее, чем правительственная реакция»³. 23-25 марта 1914 г. состоялась очередная партийная конференция. Организационная комиссия московского отделения ЦК подготовила доклад, главным выводом которого был тот, что «партия к.-д. как организация почти не существует». Открытых приверженцев партии в стране было насчитано «свыше 730 человек». Главной задачей в этой ситуации становилась организация общественности – оппозиции, профессиональных и национальных групп, «борьба с аполитизмом молодежи»⁴.

Начало Первой мировой войны и создание земско-городской организации вселили в кадетов некоторые надежды. 18 августа 1914 г. на заседании ЦК Д.И. Шаховской заявил, что лишь «объединив все живое в России, можно будет воздействовать и на направление курса политики»; поэтому «план должен состоять в одновременном согласованном действии трех армий: земского союза, коопераций и интеллигенции», причем «деятельность последней может заключаться в обсуждении в специальных обществах (сельского хозяйства, Вольно-Экономическом и др.) планов финансовой реформы и др.»⁵. А.В. Тыркова также отмечала: «Единственный путь к влиянию – через практические

¹ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2. М., 1997. С. 219-221.

² Там же. С. 243-254.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 981. Л. 88. Л.А. Велихов – Б.А. Велихову, 23 янв. 1914 г.

⁴ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 289; Съезды и конференции... Т. 2. С. 535.

⁵ Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. и мат. под ред. Б.Б. Граве. М.-Л., 1927. С. 3.

дела, через самую черную работу, поденщину»¹. На следующий день, на пленарном заседании ЦК, П.Н. Милюков констатировал, что «чисто деловые» общественные организации (земский и городской союзы и прежде всего волостные и городские попечительства о раненых воинах и семьях запасных) «должны со временем отразиться усилением и общего политического влияния партий, которые сосредоточат в своих руках деловую работу». Правда П.Н. Милюков сам признавал, что в них существует реальная угроза вытеснения кадетов социалистами. В конечном счете ЦК решил временно свести «чисто» партийную деятельность к минимуму и ограничиться «организацией общества». Но это, пожалуй, был наиболее больной вопрос для партийного руководства. За все время войны он так и не был никогда вынесен на широкое партийное обсуждение. ЦК ограничивался его рассмотрением на пленарных заседаниях, в результате которых появлялось очередное воззвание или создавалась очередная комиссия. Большинство Центрального комитета избегало серьезно обсуждать данную тему. На повестку дня она обычно выносилась Д.И. Шаховским, занятым в кооперативной сфере, и А.И. Шингаревым, признанным в партии специалистом в финансовых и земских делах. 19 августа ЦК ограничился призывом к партийцам участвовать в общественных организациях².

В историографии обычно высоко оценивается роль кадетов в деятельности общественных организаций³. Однако роль партии вовсе не была решающей. Земский союз по своему составу, по политическому настрою своего лидера кн. Г.Е. Львова был более умеренным (лишь его товарищ Д.М. Щепкин, состоявший также товарищем секретаря Государственной думы, был кадетом). В Земсоюзе «высшие заправилы опасаются засилья к.-д. и боятся допускать их к делу», – сообщал Д.И. Шаховской⁴. Кадеты смогли занять важные посты в Союзе городов. Его главноуполномоченным стал московский городской голова М.В. Челноков, утвержденный на этом посту лишь после того, как покинул ряды кадетской партии.

¹ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 365-367.

² Там же. С. 368-370.

³ Напр.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 33-38.

⁴ Протоколы ЦК... Т. 2. С. 374.

Этот поступок оставил в кадетской среде «тяжелое впечатление»¹. Однако фактически управляющим Союза стал Н.М. Кишкин, помощник М.В. Челнокова и член кадетского ЦК². Член Главного комитета союза и ЦК кадетской партии Н.И. Астров «с создания Союза городов стал как бы начальником его политического штаба»³.

В целом же «организация общества» шла «мимо» кадетов. На расширенном заседании ЦК 22-23 февраля 1915 г. отмечалось, что положение партии на местах во время войны стало еще более кризисным (по причине мобилизации, оттока «активных элементов» в общественные организации и административного производства). Секретарь партии А.А. Корнилов предлагал отправлять в провинцию представителей ЦК. «Это – единственный надежный путь, – признавал он и сокрушенно отмечал, – но он ЦК-ту уже почти недоступен. Влияние же циркуляров равно нулю». В результате было решено усилить кадетский элемент в общественных организациях. Вернувшийся с фронта Н.В. Некрасов на заседании ЦК 15 марта отмечал участие партийцев в общественных организациях («общественные силы ушли, может быть даже слишком, в работу союзов») и призывал «использовать эту счастливую конъюнктуру и на будущих съездах представителей городов выдвинуть и политические задачи», чтобы после войны усилить его положение. П.Н. Милюков отвечал: «В эпоху 1905 г. всякая самочинная общественная организация была нужна и уместна, но в обычное мирное время их роль может быть двусмысленной: не могут же они заменять Госуд. Думу! В искусственном создании таких организаций наряду с более правильно организованным представительством будет нечто странное и ненормальное. <...> Политическая борьба через союзы не пойдет, – для нее они слишком хрупкое орудие. Всякие попытки союзов в этом направлении были бы утилизированы в целях закрытия союзов». Главной задачей общественных организаций, как ее видел П.Н. Милюков, должно было стать объединение

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 926. Л. 2.

² Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 273-278.

³ Вишняк М.В. Дань прошлому. Воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С. 234.

«прогрессивных элементов... не левее прогрессистов». ЦК оставил вопрос открытым¹.

С началом Великого отступления 1915 г. в кадетской среде созрели новые проекты. 9 июня на заседании ЦК А.И. Шингарев огласил свою идею «союза национальной обороны», объединения общественных сил в целях «организации страны». Как считал А.И. Шингарев, «союз» мог «осуществлять контроль над деятельностью правительственных органов». Однако большинство ЦК идею оспорило. «Проектируемая организация могла бы получить вид антиправительственной попытки, жалкой и слабой», – предупреждал Н.А. Гредескул. А.В. Тыркова задавалась вопросом о взаимоотношениях нового «союза» с уже созданными организациями, в частности, военно-промышленными комитетами: «Последнему пришлось бы еще завоевывать для себя позиции и власть, а это не так легко... Вряд ли бы он явился достаточно авторитетным». Но «неудача этой попытки была бы очень губительна для самой идеи...» – предупреждала она. П.Н. Милюков также поставил проект под сомнение: кадеты не в состоянии были перехватить инициативу в общественной деятельности, а тесная координация деятельности партии с более правыми октябристами грозила политической компрометацией². В обстоятельствах лета 1915 г. кадеты предпочли сосредоточиться на думской активности.

Осенью 1915 г., после прекращения думской сессии, связанные с общественными организациями Н.И. Астров, Н.М. Кишкин, Д.И. Шаховской считали, что кадетам следовало развивать активную внепарламентскую деятельность с целью предотвратить народные волнения, которые могли быть использованы правительством в реакционных целях. Для этого предполагалось установить связи с левыми и, прежде всего, с самим населением. Кадеты должны были противостоять не радикализму масс как таковому, а безответственности социалистов и «правительственной провокации»³. 6 сентября на заседании фракции были поставлены вопросы о связях с рабочими и деятельности на местах. Фракция констатировала отсутствие у кадетов возможности влиять на рабочих и приняла решение усилить работу в провинции среди

¹ Протоколы ЦК... Т. 3. М., 1998. С. 47-49, 54-60.

² Там же. С. 97-107.

³ Там же. С. 181-183.

более близких ей слоев населения. Д.И. Шаховской хотел сделать основной упор на развитие кооперации. Он предложил рассылать на места партийную литературу и широко оповещать о деятельности ЦК и фракции. Разъезды партийных работников из Петрограда и Москвы, организация партийных собраний, созыв губернских съездов, по его мнению, могли привлечь к кадетам новые силы. Для созыва съездов необходимо было собрать с губернских комитетов по 25 руб., но, как отметил депутат Н.А. Гладыш, выполнимость этой задачи была под сомнением¹.

14 сентября на заседании Петроградского отделения ЦК А.А. Корнилов доложил о путях расширения партийного влияния в стране. Предстояло наладить связи с рабочими, развивать кооперативное движение, подготовить съезд партии. А.А. Корнилов предлагал установить контакт с техническим персоналом и представителями больничных касс 12 крупнейших заводов столичного района, чтобы подготовить там будущее введение рабочих профсоюзов. Рабочая политика партии, таким образом, были тесно увязана с законодательным процессом. Но рабочие не могли стать прочной опорой партии, которая лишь обещала им разработку законопроекта о профсоюзах. Поощрение кооперации также не вело к серьезным политическим успехам. Сам А.А. Корнилов отмечал, что «этот серьезный вопрос все же не разрешает вопроса политического и скорее сам от него зависит сильно»².

Кадеты пытались организовать постоянные совещания по экономическим вопросам, на которых обсуждались бы проблемы продовольствия, транспорта, топлива, беженцев. Предполагалось «главной для них ролью поставить, чтобы они давали толчки общественному движению и организации». По мысли партийного руководства, они также должны были стать своеобразным политическим противовесом Особым совещаниям. Отмечалось, что многие входящие в совещания члены фракции игнорируют заседания; к тому же, они нередко «мало разбираются в вопросе». Член фракции крупный коммерсант и знаток подобных проблем В.С. Востротин признавал, что чувствовал себя «мало

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 923. Л. 1-3.

² Протоколы ЦК... Т. 3. С. 184-190.

подготовленным» на заседаниях совещаний. 19 сентября в заседании созванном кадетами общественного совещания приняли участие ученые и общественные деятели из числа представителей партии (В.И. Вернадский, В.С. Востротин, А.А. Корнилов, Д.И. Шаховской), а также М.И. Туган-Барановский и А.С. Посников. Присутствовавший на них М.М. Винавер, по собственному признанию, «был ошеломлен массой фактов из специальных отраслей экономической и торгово-промышленной жизни»¹.

На заседании Центрального комитета 22 сентября он отметил, что «обратить совещания в чисто экономические и брать на себя решение современных сложных экономических вопросов вряд ли было бы по силам ЦК». «Это не наша профессия», – пояснил М.М. Винавер. Об опасности для партии «утонуть» в экономических делах громче всех говорил А.А. Корнилов. Он призывал соратников к политической трезвости: «Экономические вопросы оказались столь грозны сами по себе, что из-за них мы, кажется, забываем, с чем шли сюда, и это отвлечение в сторону вряд ли окупится результатами. Если мы и дальше будем идти в принятом направлении, вряд ли Центр[альному] комитету и партии удастся много сделать. Главная практическая задача <...> – осведомление населения – не может быть поставлена как дело чисто партийное, и своей политической цели на этом пути партия не достигнет. <...> ЦК не должен забывать своей основной линии, тем более, что обратиться в экономическое совещание, достаточно компетентное и авторитетное в данной сфере, он не может...». Комитет принял решение продолжить организацию совещаний, но ограничиваться на них лишь общими соображениями и не принимать каких-либо «решений по существу». В дальнейшем кадетское руководство потеряло интерес к совещаниям. Но и о сотрудничестве с правительством речи не было. В ответ на провозглашенный новым управляющим МВД А.Н.Хвостовым курс на борьбу с дороговизной и решение продовольственного вопроса ЦК разослал в провинцию специальную резолюцию, в которой, в частности, отмечалось, что «при существующем правительстве единственное средство спасти население от голода и холода в самопомощи населения,

¹ Там же.

организуемого партийными, земскими и городскими учреждениями»¹.

Даже состоявшийся в феврале 1916 г. VI съезд партии (со времени предыдущего прошло более 8 лет) не привнес в данное направление никаких новшеств. В результате, в марте обострились отношения между ядром ЦК во главе с П.Н. Милюковым и «москвичами» Н.М. Кишкиным, Н.И. Астровым, Д.М. Щепкиным и др., предполагавшими использовать Союз городов для резкой активизации политической борьбы². 22-24 октября состоялась кадетская партийная конференция, на которой московские и провинциальные кадеты во главе с кн. П.Д. Долгоруковым потребовали «перенести центр тяжести» с парламентской деятельности на «организацию масс»³. Следствием стала знаменитая думская речь П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., которая позволила ему привлечь широкий интерес к Думе и укрепить свой статус партийного лидера. В дальнейшем партийный лидер ожидал действий от самой страны. Партийное руководство, кроме Н.В. Некрасова, скептически относилось к планам дворцового переворота⁴. На заседании московского городского комитета в январе 1917 г. М.Л. Мандельштам предложил П.Н. Милюкову на открытии Думы провозгласить ее Учредительным собранием. П.Н. Милюков ответил: «Мы это сделаем, если у Таврического дворца мы будем иметь несколько полков»⁵. Как отмечалось в это время в Департаменте полиции, в кадетских кругах доминировало следующее настроение: «Либеральная буржуазия верит, что в связи с наступлением... ужасных и неизбежных событий, правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадет, в лице

¹ Протоколы ЦК... Т. 3. С. 188-193, 198-199.

² Буржуазия... С. 90, 94. Протоколы ЦК... Т. 3. С. 237-238.

³ Буржуазия... С. 145-147.

⁴ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 92-93; Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 497; Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 349-350; Полнер Т.И. Жизненный путь кн. Г.Е. Львова. Париж, 1932. С. 221-223.

⁵ Съезды и конференции... Т. 3. Кн. 1. С. 465.

лидируемого ими Прогрессивного блока, и тогда на Руси... "все образуется"»¹. Таким образом, неспособность выстроить конструктивную стратегию влияния на общество в рамках Третьеиюньской системы привела кадетов к выбору в пользу революции.

Р.А. Циунчук²

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПРОГРАММАХ И ПРЕДВЫБОРНЫХ ДУМСКИХ ПЛАТФОРМАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО И ЗАПАДНОГО КРАЯ

В ходе революции 1905-1907 гг. новым субъектом российского политического процесса становятся политические партии и организации. Выборы в первый российский парламент активизировали развитие национального самосознания, вызвали подъем политической активности и ускорение формирования национальных движений народов Российской империи с широким спектром политических требований (от национально-религиозного равноправия до регионального и национального самоуправления и национальных автономий при федеративном/кон федеративном устройстве). Возникла потребность и возможность легальной презентации этноконфессиональных и региональных интересов в программах общероссийских и национальных общественно-политических объединений и партий³. В политической жизни

¹ Буржуазия... С. 162.

² *Циунчук Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета.*

³ Шелохаев В.В. Феномен многопартийности в России // История национальных политических партий России. М., 1997. С.11; О национальном вопросе в программах общероссийских политических партий см. подробнее: Саидкасимов С.С. Национальный вопрос в программах политических партий России // Кентавр. 1992. №1; Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. №2-3; Журавлев В.В. Национальный вопрос в программах общероссийских политических партий начала XX века // История национальных политических партий России...С.83-96; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С.168-174.

имперской России конкурировали друг с другом альтернативные идеи и идеологии: либеральный и консервативный национализм, либеральный империализм, антиимперский национализм, федерализм и различные направления революционного социализма¹.

Наиболее активно национальное партийно-политическое строительство и развитие достаточно полноценной партийной жизни происходило в Польше и Западном крае (литовско-белорусских губерниях). Заметное влияние на эти процессы оказывал политический опыт польских партий, существовавших к этому времени в Австро-Венгерской империи, отчасти в Германии.

Либерально-консервативные партии, соглашались ограничиться в национальном вопросе идеей широкого самоуправления или автономии в составе империи; либерально-демократические требовали широкой автономии, а в перспективе – независимости; левые сочетали национальные и социально-экономические задачи. Самой влиятельной либерально-демократической партией была Польская национально-демократическая партия (Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne – эндеция, лидерами являлись Р.Дмовский, В.Грабский, Я. Поплавский). В 1903 году в «Программе демократической национальной партии, действующей в русском захвате» была сформулирована идеология «национального эгоизма», предлагавшая разделенному польскому народу не считаться ни с чем, кроме собственных национальных интересов. Поэтому целями партии провозглашались, «во-первых, защита нравственных и материальных интересов польского народа и достижение для него положения, обуславливающего возможность всестороннего развития; во-вторых, подготовка народа, путем развития его политических способностей, к общественной деятельности в национальном направлении, необходимой для лучшей будущности в высших формах самостоятельного политического быта»². Обозначая своей главной внешнеполитической целью на

¹ After Empire: Multiethnic Societies and National-building: the Soviet Union and Russian, Ottoman, and Habsburg Empires/ ed. by K.Barkey and M. von Hagen. Boulder-Oxford 1997. P.63.

² Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Вып.2. М., 1996. С.103.

перспективу «достижение независимости и образование самостоятельного польского государства», Польская национально-демократическая партия «полагала своей непосредственной целью направление сил народа к политической деятельности на почве существующих правовых отношений, т.е. в условиях политического строя трех государств – «захватчиков», стремясь к достижению в каждом из этих государств «возможно лучших правовых, политических и экономических условий путем всесторонней демократизации государственного строя»¹. Во внутренней политике партия ввдвигала задачи, касающиеся роли римско-католической церкви, которой предлагалось включиться в общественно-политическую деятельность при ведущей роли ПНДП: а) обеспечить ей общественную «энергическую защиту от покушений внешних врагов, а также от нападений антинациональных элементов»; б) установить контроль «общественного мнения над политикой костельных властей»; в) «признавая единство польской национальной политики с политикой костела, насколько последняя имеет целью защиту и распространение католицизма, противодействовать подчинению польских народных дел видам костельной политики»; г) призвать духовенство к широкой деятельности на гражданском поприще, представляя, костелу роль самостоятельного политического фактора лишь в религиозных делах. Предполагалось ограждение от преследований и других исповеданий, но только в «случае, если исповедания эти имеют польский характер»².

Отдельным пунктом программы ПНДП формулировалась национальная тактика по отношению «к элементам иноплеменным, проживающим в исторических и географических границах бывшей Польши совместно с польским населением, в особенности по отношению к литвинам, русинам и немцам, где последние поселились издавна и составляют значительную часть населения, польская национально-демократическая партия ставит своей целью мирную совместную жизнь, со взаимным толерантным отношением к культурному труду каждого племени», отмечая, что «там, где указанные элементы оказываются враждебно настроенными по

¹ Там же. С.106-107.

² Там же. С.109.

отношению к польскому населению», стараясь «парализовать его цивилизаторское влияние и даже вытеснить его с занимаемого места», эндеция будет стремиться «к ослаблению подобного рода враждебного направления» при «энергичном усилении, на данном пространстве, польского элемента и его цивилизаторского труда...»¹.

ПНДП специально рассматривала «еврейский элемент», который она не признавала «политической народностью» и констатировала некое «вредное влияние» евреев в общественной жизни и «захват евреями целых отраслей экономической жизни в пределах бывшей Польши»². При этом партия предлагала положительно рассматривать евреев «принявших польскую культуру и объединяющихся с польским обществом в его национальных стремлениях...», а там, где этот элемент «перешел на сторону правительства, примкнул к чуждому государственному элементу, приняв его язык и культуру, или вообще сблизился с враждебными полонизму элементами» ПНДП, предлагала «вести беспощадную борьбу, стремясь по возможности, к вытеснению еврейства с занятого общественного положения»³.

В 1903 г. накануне революции 1905-07 гг. польская эндеция Австро-Венгерской, Германской и Российской империй видела своей главной задачей «формирование кадров политической организации, гласной и легальной в Пруссии и Австрии», где существовали свободы и выборные законодательные учреждения, и «нелегальной и тайной в России», где таковых свобод и представительных органов не существовало⁴.

В апреле 1905 года, в связи с изданием Манифеста и Рескрипта от 18 февраля 1905 года, в «Записке ПНДП о нуждах Царства Польского» она предложила власти осуществить реформы, которые обеспечили бы «автономию края»: I. Восстановление польского языка в качестве официального; II. Свободу всем вероисповеданиям и обрядам, включая греко-униатское, восстановление полноправности римско-католической церкви; III. Организацию управления края и его администрации «на

¹ Там же. С.110.

² Там же. С.111.

³ Там же. С.111,110.

⁴ Там же. С.113.

местном элементе»; IV. Введение местного самоуправления с участием всех слоев населения; V. Отбывание призывниками воинской службы в мирное время в губерниях Царства Польского; VI. Отмену в государстве исключительных антипольских законоположений, отмену паспортной системы, предоставление жителям Царства Польского гарантий прав и свобод; VII. Проведение широкой реформы местной законодательной системы, администрации, суда и судопроизводства, народного просвещения при самостоятельном бюджете Царства Польского. Причем авторы-разработчики всех этих реформ должны были быть определены в самой Польше путем выборов¹.

В связи с учреждением законодательной Государственной думы с представительством от польских губерний этот комплекс требований был развит и оформлен в предвыборной программе Национальной демократии, пообъявленной 22 февраля 1906 г., предполагавшей, как программу-максимум, автономию Королевства Польского, учреждение выборного законодательного сейма и, как программу-минимум – развитие местного самоуправления и полонизацию школы, судопроизводства, администрации и городского самоуправления². На этой основе сложилась программа Польского кола (Koło Polskie) в Государственной Думе³. Кандидаты партии добились исключительного успеха – 34 депутата были избраны от польских губерний, лишь от Сувалкской губернии прошли 2 литовца⁴. Члены ПНДП и в дальнейшем, составляли ядро Польского кола. Правее ПНДП находилась либерально-консервативная партия – Партия реальной политики (Stronnictwo Polityki Realnej – реалисты, угодовцы, председатель – граф З.Велепольский), выражавшая интересы польской аристократии и крупных предпринимателей, связанных со столичной элитой. В отличие от ПНДП, пророссийски настроенные угодовцы

¹ Там же. С.114.

² Общественно-политическое движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864 – 1914 гг. М., 1988. С.227-228.

³ Lukawski Z. Koło Polskie w Rosyjskiej Dumie Państwowej w latach 1906-1909. Wrocław, 1967. S.27.

⁴ Материалы по истории выборов в Первую Государственную думу, собранные по поручению Председателя Совета министров графа С.Ю.Витте графом В.А.Дмитриевым-Мамоновым // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф.1072. Т.XV. Л.311-311а

участвовали в петиционном движении, а в период подготовки выборов в Думу выступили за введение в польских губерниях земского и городского самоуправления и допущение польского языка в общественную жизнь, образование и судопроизводство, а также формулировали как “высшую цель” достижение автономии Королевства Польского в составе Российской империи¹. Партия имела 3 представителей в Государственном совете и по два депутата в I и II Думе.

Промежуточную платформу занимала либерально-консервативная партия Прогрессивно-демократический союз (Związek Postępowo-Demokratyczny – педесция, лидеры А.Свентоховский, А.Ледницкий, Х.Кониц). ПДС организовывал предвыборную борьбу вокруг требования возвращения Королевству Польскому максимально широкой автономии в составе Российского государства, создания польского парламента и правительства, проведения выборов в Сейм на принципах всеобщего равного, прямого и тайного голосования². В 1906 году из Прогрессивно-демократического союза выделилась Польская прогрессивная партия (ППП - Polska Partia Postępowa во главе с Х.Коницем). Программа ППП также представляла собой смягченный вариант программы эндеции, основным политическим требованием которой на выборах во II Думу было предоставление Королевству Польскому политической автономии. Постемповцы смогли провести во II Думу своего лидера – Х.Коница.

В Литве и Белоруси действовало несколько католических партий. Интересы местных кругов римско-католической церкви и взаимодействовавшей с ними национальной общности западных губерний выражала созданная в 1906 г. в Вильно Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии (Stronnictwo Konstytucyjne Katolickie na Litwę i Białoruśi во главе которой встали епископ барон Э. фон-дер Ропп, а также будущие депутаты И. Монтвилл, о. С. Мацеевич)³. Партия «должна была охватить и объединить на общей вероисповедально-политической

¹ См.: Kidzińska A. Stronnictwo Polityki Realnej. 1905–1923, Lublin 2007.

² Związek Postępowo-Demokratyczny. Warszawa. 1905.

³ Смалянчук А.Ф. Паляки Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905-1907 гг..Горадня, 2000. С.104-105.

платформе литовцев, католиков-белорусов и местных поляков»¹. В политической области ККПЛиБ выступала за конституционно-парламентскую монархию в России и представительство в избираемом на принципах всеобщего права парламенте национальных меньшинств, за воссоздание автономии Королевства Польского и за создание автономий для других национальных меньшинств, за официальное введение на этих территориях местных языков. Религиозные идеологи предлагали также разделить по конфессиональному принципу не только школу, но и армию. В связи с началом выборов партия призывала католического избирателя «довериться истинным его друзьям – духовенству, которое единственное может указать непреложные пути в предстоящих выборах в Государственную думу»². В марте 1906 г. партия была запрещена правительством, что, не помешало ее лидеру епископу Э. фон-дер Роппу пройти в депутаты Думы первого созыва. Подвергнутый резкой критике премьером П.Столыпиным, в 1907 году епископ Э. фон-дер Ропп был уволен с должности³. В 1907 году членом Госсовета от Минской губернии Э.Войнилловичем была предпринята попытка создания «Краёвой партии Литвы и Беларуси» ("Stronnictwo Krajowe Litwy i Białej Rusi") с идеями «краёвости» – широкого автономного регионального самоуправления и равноправия всех народов края⁴.

Союз литовских христианских демократов (СЛХД – Lietuvos Krikščionių Demokratų Sąjunga, лидеры Л. Бистрас, П. Карвялис, П. Бучис, М. Мачюлис) будучи однонациональным, в отличие от ККПЛиБ, более походил на общественно-религиозное движение. Современники считали, что в основу его программы «была положена программа русской конституционно-демократической

¹ Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С.370.

² Цит. по: Мартюхова М.А. На переломе революции: общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 – июль 1906 г.). Минск, 1986. С.66.

³ Коршук В.К., Платонов Р.П., Романовский И.Ф., Богданович Е.Г. Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999. С.12.

⁴ Brzoza S., Stepan K. Poslowie polscy w parlamencie rosyjskim. 1906-1917. Słownik biograficzny. Warszawa. 2001. S.235.

партии, дополненная известными религиозными элементами»¹. Основными программными установками христианских демократов стали лозунги автономной Литвы в этнографических границах, борьба с марксизмом и интернационализмом, защита католицизма от наступления православной церкви, воспитание литовского народа в религиозном духе². Однако, СЛХД заметного влияния на выборах не имел.

Заметную роль в презентации национальных интересов литовцев играло несколько местных национальных партий, одной из которых была Литовская демократическая партия (1902 г.). Определенное теоретическое влияние на формирование ее программных документов, очевидно, оказали польские политические партии³.

Достижение национальной независимости Литвы являлось главным требованием Литовской демократической партии – Демократической партии Литвы (Lietuvos Demokratų Partija - Lietuvių Demokratų Partija, основателями партии были П.Вышинскис, И.Вилейшис, Анджуляйтис). Идеалом партии объявлялась «свободная, никому не подчиняющаяся демократическая республика Литвы... соединенная федеративными связями с соседними демократическим<и> государствам<и> правительством»⁴. Ближайшей целью партии ставилась «широкая демократическая автономия этнографической Литвы» (в пределах всей Ковенской губернии, большинства уездов Виленской и Сувалкской губерний, и части Курляндской и Гродненской губерний), предполагалось, что «границы автономной Литвы проведутся придерживаясь желанию жителей». ДПЛ признавала, что «Литва может получить автономию через учредителей сейма всей России», в связи с чем партия брала на себя тактическое обязательство, что «в будущем Российском Государственном

¹ Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия... С.439.

² Постников Н.Д. Политические партии Прибалтики // История национальных политических партий России... С.183.

³ Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. ... С.440.

⁴ Программы политических партий России... С.318.

учредительном сейме ЛДП будет заботиться <о> признании <в> Литве автономного демократического устройства»¹.

Отличительной чертой программы ДПЛ была подробная проработка разделения полномочий властей центра (центральное правление всего государства) и региона (автономное правление Литвы). Центральная власть государства должна была состоять из: а) Государственной власти; б) Сейма государства, выбранного всеобщим голосованием; в) Делегаций автономных частей государства; г) Государственного суда; причем правительство Государства должно было иметь наместника для связи с литовским Сеймом, назначаемого из выбранных кандидатов Сейма Литвы². К компетенции центра были причислены иностранные дела, чеканка денег, общегосударственное законодательство и надзор за его соблюдением, всеобщие платежи государства, безопасность и оборона, почта и телеграф, а к местному автономному ведению – местное самоуправление. местные налоги, земельные дела, гражданский и уголовный кодекс в Литве, народное образование, дороги и транспортные коммуникации, народная милиция и др. Отмечалось, что «вероисповедания перед законом все равны», а «православная церковь не имеет никаких преимуществ перед другими вероисповеданиями»³. Государственным языком автономной Литвы должен был стать литовский язык, обязательный для всех чиновников, ксендзов и епископов, но наряду с литовским мог употребляться и «другой местный язык» (белорусский, польский, еврейский и др.). В разделе о тактике ЛДП намечала поддерживать организацию Литовского крестьянского союза и Союза рабочих Литвы, способствовать развитию литовского школьного и книжного дела, повороту армии на сторону народа и соединению «с теми депутатами партий, наций и отдельных частей Русского государства, которые желают добиться автономии»⁴. Под этими лозунгами ДПЛ-ЛДП принимала участие в первых выборах в Государственную Думу и провела в нее четырех депутатов, имела двух депутатов во II и в IV Думах.

¹ Там же. С.318, 324.

² Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Вып.2... С.39, 38.

³ Там же. С.39.

⁴ Там же. С.43.

С 1905 года в Западном крае действовал влиятельный Союз для достижения полноправия еврейского народа в России (М. Винавер, Ш. Левин, С. Дубнов, Л. Брамсон), выступавший с конституционно-демократических позиций. Программой Союза было «осуществление в полной мере гражданских, политических и национальных прав еврейского народа»: а) отмена всех ограничительных положений и полное равноправие для евреев; б) свобода национально-культурного самоопределения во всех его проявлениях; в) упразднение в связи с реорганизацией еврейской общины всех тяготеющих над евреями специальных налогов и сборов (коробочного, свечного)»¹. II съездом Союза было решено «приступить к созыву всероссийского еврейского Национального собрания»,² которое однако не было проведено из-за начала выборов в Думу. На основе Союза в конце 1906 г. возникла Еврейская народная партия, признававшая экстерриториальность еврейского народа и положившая, как писал С.Дубнов в «основу его внутреннего самоуправления не область, а общину - эту историческую ячейку еврейской автономии», предполагая культурную автономию и создание руководящих органов еврейских общин - союзов общин, периодические съезды и исполнительный комитет, причем центральные органы имеют право сношений с имперскими и конституционными учреждениями³. В первую Думу прошло 12 еврейских депутатов (по пять от Союза полноправия и сионистов, другие «индифферентно относились к национальному вопросу». Последующие избирательные кампании были менее успешными и дали во II Думе трех еврейских депутатов «без определенной окраски» и «двух случайных депутатов в третьей Думе»)⁴.

Таким образом, выборы стали важным стимулом выработки политических программных установок и тактики национальных партий. Они оказались серьезной проверкой для всех основных участников политического процесса, национальный вопрос

¹ Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Вып.2... С.61.

² Там же. С.60.

³ Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия... С.410-411.

⁴ Там же. С.408. По нашим подсчетам в Думу прошло 13 депутатов-евреев, 12 образовали «совещательную фракцию».

становится важным (в некоторых регионах ключевым) пунктом борьбы за думское представительство. В период борьбы за конституционные реформы и создание парламента этноконфессиональные требования были фактором консолидации общероссийского оппозиционного движения, а позднее – пунктом его размежевания. Двумя из трех существовавших в Думе всех четырех созывов национальными фракциями были Польское коло и группа Западных окраин (Польско-литовско-белорусское коло), программы и деятельность которых базировалась на программатике собственно польских и «краевых» либеральных партий и движений.

М.Д. Карпачев¹

ВЛАСТЬ И ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ III И IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

В истории нашей страны дореволюционной Государственной Думе суждено было сыграть особую роль. Возникнув в разгар Первой русской революции, нижняя законодательная палата двух первых созывов по составу оказалась резко оппозиционной господствовавшему режиму. Ни о каком сотрудничестве законодателей с исполнительной властью говорить не приходилось; депутатов первых двух созывов пришлось быстро распускать. В немалой степени такой печальный итог объяснялся политическим романтизмом творцов новых законодательных учреждений, в первую очередь, Председателя Совета министров С.Ю. Витте. Полагая, что большинство русского народа, особенно крестьянство, верит в благотворность самодержавия и хранит неизменную преданность своему монарху, Витте настаивал на том, чтобы выборы в первые думы прошли «без всякого постороннего вмешательства». И действительно, правительственные чиновники не только сами не имели права участвовать в избирательных

¹ *Карпачев Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета.*

кампаниях, но даже не влияли на их ход. Губернаторы намеренно отстранялись от контроля над ходом выборных кампаний. В итоге же первые думы оказались левыми и оппозиционными. Такой политический идеализм в подходе к выборам был явно не по душе императору и повлиял на уход в отставку самого Витте¹.

После 3 июня 1907 г. правительство решительно отказалось от ставки на пресловутый крестьянский цезаризм. В составе губернских выборщиков теперь преобладали цензовые землевладельцы, а также крупные городские собственники. Существенно изменив избирательный закон, правительство П.А. Столыпина получило, наконец, нижнюю законодательную палату, большинство которой предпочитало путь сотрудничества с монархической властью. Соглашательство думы 3-го созыва было предметом постоянной и острой критики со стороны прогрессивной общественности. Витте язвительно писал в своих мемуарах о третьей думе как о подобранной, а не избранной. Государственная Дума, утверждал отставной премьер, «перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей только желаний сильных и богатых, желаний, делаемых притом в такой форме, чтобы не навлечь на себя строгого взгляда сверху»². Горькие сетования отставного политика по-человечески понять можно. Ирония истории, однако, заключалась в том, что установившееся сотрудничество обеих ветвей власти стало важным условием начавшегося в России нового, при этом чрезвычайно интенсивного экономического и культурного подъема³.

Однако уже роль IV-ой Государственной думы оказалась, по меньшей мере, противоречивой. Ее оппозиционность неуклонно повышалась, причем, как это ни парадоксально, особенно быстро в тяжелые годы Первой мировой войны. Сыграв важную роль в расшатывании основ монархической государственности, депутаты думы в феврале 1917 г. вынуждены были взять на себя ответственность за разыгравшуюся в Петрограде революцию, принять отречение Николая II и сформировать Временное правительство. При этом ни социальный состав Думы, ни

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 105.

² Там же. С. 452.

³ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 85.

политические позиции большинства ее депутатов, казалось бы, никак не предполагали такой миссии. Анализ проходивших на местах избирательных кампаний, их организации и итогов, позволяет хотя бы отчасти прояснить социальные истоки грядущих политических столкновений.

Выборы в Государственную думу двух последних созывов прошли в полном соответствии с введенным 3 июня 1907 г. избирательным законом. Еще важнее, однако, было то, что твердый курс не склонного к политической деликатности Столыпина теперь обязывал коронную администрацию активно влиять на избирательную кампанию. Был радикально изменен состав избирателей и выборщиков. Новое положение о выборах предоставляло преимущество в избирательном процессе состоятельным и, как считалось, более развитым в гражданском отношении и ответственным категориям населения. В первую очередь, разумеется, частным землевладельцам, дворянам и предпринимателям. Всего предстояло избрать 442 депутата, при этом для каждой губернии было установлено определенное их число. Квота Воронежской губернии составляла 12 депутатов (примерно 1 от 250 000 населения). Из-за величины губернии воронежская квота относилась к числу наиболее высоких. К примеру, Владимирская губерния избирала 6 депутатов, Вологодская – 5, Вятская – 8 и т.д.

Избирать депутатов надлежало одновременно на губернском избирательном собрании выборщиков, число которых также было определено законом и составляло 140. Выдвигать кандидатов в депутаты можно было только из числа губернских выборщиков. Кандидаты определялись путем подачи записок, а затем по старшинству голосов участники собрания голосовали белыми («за») или черными («против») шарами. Примечательно, что количество избравшихся каждой губернией депутатов, численный состав выборщиков и нормы представительства от каждой курии определялись государственным законодательством¹.

Все выборщики избирались в уездах на отдельных избирательных съездах курий. Например, от Бобровского уезда избиралось 17 выборщиков, от Воронежского – 15, от

¹ Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 393.

Острогожского – 14, но от Задонского – 7 и т.д. При этом различия в размерах представительства зависели не столько от общей численности населения, сколько от численности частных землевладельцев в каждом уезде. Инструкция предписывала, что все 12 уездных съездов первой курии должны были отобрать 75 участников губернского избирательного собрания. Еще 35 губернских выборщиков избирались в уездах от курии волостных уполномоченных (т.е. от крестьянских обществ). От всех 12 уездных съездов этой курии представительство было практически одинаковым – по 3 выборщика за исключением небольшого Задонского уезда, от которого избирались два крестьянина-выборщика. Всего, таким образом, крестьянская курия избирала вдвое меньшее число участников губернского собрания, чем курия частных землевладельцев. 15 выборщиков представляли 1-ю курию городских избирателей. В состав этой курии включались крупные городские собственники, владеющие не менее года в пределах своего города недвижимым имуществом стоимостью не менее 1000 руб. В рамках этой курии избирались по одному выборщику от каждого уездного города, за исключением Воронежа, от которого избиралось три, а также Боброва, избравшего два выборщика. Еще 13 выборщиков избирались на вторых съездах городских избирателей. В списки этой курии включались более мелкие собственники городской недвижимости, съемщики жилья и плательщики квартирного налога, а также мелкие служащие. Избиратели второй городской курии избирали по одному выборщику от каждого и 11 уездных городов, но от Воронежа избиралось два выборщика.

Наконец, два участника губернского избирательного собрания представляли губернский съезд уполномоченных от рабочих воронежских предприятий. Они отдельно избирались уполномоченными от крупных и мелких предприятий. Кстати говоря, фамилии таких рабочих известны: слесарь лискинского железнодорожного депо А.Г. Седов и рабочий воронежского чугунолитейного завода М.Я. Тепляков. Понятно, что серьезного влияния на выбор депутатов Думы двое рабочих оказать не могли. Но сам факт их обязательного присутствия характерен для патернализма монархического государства. Голоса всех сословий должны быть так или иначе услышаны. Общий же смысл подобной

законодательной регламентации был очевиден: состав уездных представительств практически полностью зависел от частных землевладельцев и городских собственников¹.

В каждом уезде проводились четыре избирательных съезда отдельных курий. Наиболее крупные съезды проводила курия частных землевладельцев, главным образом, дворян, располагающих определенным для каждого уезда земельным цензом. С точки зрения творцов нового закона, важно было установить новые нормы сословного представительства в губернском избирательном собрании. Но еще более важно было получить надежных в политическом отношении депутатов. Вот почему особое внимание уделялось контролю буквально за всеми стадиями избирательного процесса. Вести такой контроль должны были уездные по выборам комиссии, состав которых был твердо определен. Их председателями являлись члены окружных судов, представлявшие в суде соответствующий уезд, а членами были председатели уездных земских управ, предводители дворянства, земские начальники. Формально состав избирательных комиссий был жестко регламентирован, но после 3 июня 1907 г. коронные власти, не стесняясь, отводили негодных по политическим соображениям кандидатов. Например, не был утвержден заподозренный в сочувствии кадетам член Воронежского окружного суда от Бобровского уезда И.М. Пришвицын. Он был по требованию Министерства внутренних дел заменен членом Острогожского окружного суда от Коротоякского уезда М.А. Петровым. Из-за этого последнему пришлось исполнять обязанности председателя комиссии по выборам сразу в двух уездах (Коротоякском и Бобровском).

Примечателен факт: Пришвицына попытался защитить уездный предводитель дворянства Г. Богомолов. В обращении к губернатору С.И. Голикову предводитель писал, что знает Пришвицына 16 лет, что «со стороны политических убеждений он монархист, противник автономии и равноправия евреев». Судья, утверждал Богомолов, ни к какой партии он не принадлежал, «почему устранение его по политическим мотивам не могло иметь

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1908. Воронеж.1908 Отд. 1. С. 34.

оснований»¹. Однако попытка местного предводителя дворянства убедить администрацию в политической лояльности Пришвицына не удалась. Исправнику губернатор верил больше. Председателем комиссии по выборам в Бобровском уезде стал все-таки Петров².

Важной задачей комиссий был контроль над составлением списков избирателей. Сильные ограничения действовали в отношении евреев. Правительствующий Сенат еще в 1912 г. принял постановление, что непременным условием участия евреев в избирательной кампании должно быть получение права на постоянное проживание в данном городе или уезде. Таким правом в Воронежской губернии пользовались очень немногие евреи. Губернатор специально просматривал составлявшиеся в уездах списки избирателей и регулярно отводил попадавшие ему на глаза фамилии евреев.

Выборы считались всеобщими. Но равными они, конечно, не были. Скажем, начальная стадия выборов по крестьянской курии проходила в виде сельских сходов, на которых участвовали только домохозяева, а уполномоченными могли быть избраны только те крестьяне, которые вели собственное хозяйство. Каждый волостной сход выбирал двух уполномоченных для участия в уездном съезде своей курии. Если в уезде числилось 19 волостей, то общий состав уполномоченных на уездном съезде курии должен был состоять из 38 участников. Они и делегировали выборщиков в губернское избирательное собрание.

Вполне понятно, что наибольшую озабоченность местной администрации вызывала организация выборов по первой курии. Именно ее избиратели определяли характер уездных делегаций. К примеру, Новохоперский уезд направлял на губернское собрание 12 выборщиков, из них 7 представляли первую курию, 3 представляли курию волосных уполномоченных или крестьян, а по одному выборщику делегировали два отдельных съезда городских избирателей, один от состоятельных владельцев собственности, второй от мелких собственников и плательщиков квартирного налога. Примерно такой же принцип делегирования выборщиков действовал и в остальных 11 уездах. Словом, исход

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1276. Л. 39.

² Там же. Д. 1278. Л. 3.

выборов депутатов от губернии контролировался первой, преимущественно дворянской курией.

Однако собрать избирательный съезд этой курии было совсем не просто. Дело в том, что он формировался разными путями. Все обладатели полного ценза имели право прямого участия в избирательном съезде своей курии. Обладатели более мелких землевладений должны были проводить предварительные съезды, на которых избирали уполномоченных для участия в общем уездном избирательном съезде курии. При определении количества таких уполномоченных земельная собственность присутствовавших на предварительном съезде суммировалась, а затем делилась на величину ценза. Если число явившихся на предварительный съезд мелких землевладельцев оказывалось незначительным, или суммарная собственность явившихся на предварительный съезд оказывалась меньшей величины ценза, то выборы уполномоченных считались несостоявшимися. Законом были предусмотрены два таких предварительных съезда: один – для землевладельцев, земельная собственность которых была не меньше $1/5$ величины ценза, а второй – для самых мелкопоместных собственников. Списки всех трех категорий уездных землевладельцев готовились уездными земскими управами. Еще один предварительный съезд предназначался для настоятелей православных храмов, обладавших пусть незначительной, но все же своей земельной собственностью. Уполномоченные от духовенства тоже участвовали в избирательном съезде первой курии.

Местная администрация должна была контролировать соблюдение адекватных с точки зрения правительства пропорций между выборщиками разных социальных групп. Учитывалась как общая численность частных землевладельцев, так и различия в их имущественном положении. Поэтому министр внутренних дел рекомендовал губернаторам ввести разные размеры полного ценза, дававшего право на прямое участие в избирательном съезде. Вот почему в трех уездах (Богучарском, Новохоперском, Острогожском) полный ценз первой курии составлял 250 десятин, в четырех (Бирюченском, Коротоякском, Валуйском и Павловском) – 200 десятин, еще в четырех (Воронежском, Бобровском, Задонском и Нижнедевицком) он был установлен в 150 десятин и, наконец, в

Землянском был равен 125 десятинам. Благодаря такой градации, удалось поддержать нужное соотношение численности выборщиков от крупных и средних землевладельцев, не допустив преобладания в избирательном съезде уполномоченных от мелких собственников. Именно на этом энергично настаивал Столыпин.

Примечателен факт особого контроля над составом выборщиков от православного духовенства. После революционных событий 1905-1907 гг. многие священники оказались на большом подозрении у властей. Еще в 1907 г. исправник Богучарского уезда рапортовал, что, по его данным, большинство священников придерживается «либерального направления». О неблагоприятном политическом настроении духовенства сообщал 21 мая 1907 г. пристав 3-го стана Новохоперского уезда. «При этом присовокупляю, – писал он, – что духовные лица, насколько позволяет заключить мой разум, при первой вспышке недовольства в населении, выступят первыми двигателями враждебных правительству действий»¹.

Накануне проведения съезда губернская администрация провела тщательную проверку буквально всех священников, подозревая, что немалая их часть могла занимать антидворянскую позицию в земельном вопросе. Власти понимали, что сельским священникам было очень нежелательно терять доверие крестьян, а с ним и доходы. На это обстоятельство обратил внимание весьма дотошный исправник Павловского уезда М. Булович. Он полагал, что крайнее направление некоторых священников «проявлено, по-видимому, из-за того, что они заметили зародившееся у крестьян недоверие к себе, как к лицам, державшимся взглядов правительства, а при таком отношении к ним крестьян страдают материальные интересы священников»². Поистине, положение администрации в ту пору было незавидным. Контроль и управляемость после революционных потрясений приходилось восстанавливать с громадным трудом. Именно поэтому за выборами уполномоченных от священников был установлен дотошный надзор. Типична помета уездного исправника Богучарского уезда на сообщении об избрании в кампанию 1912 г.

¹ Там же. Оп. 2. Д. 138. Л. 29.

² Там же. Л. 38.

уполномоченным на съезд 1-ой курии священника Балабанова: «Балабанов считается прогрессистом в виду дружеских отношений с организатором толстовской колонии в имении Ржневском В.Г. Чертковым, но за ним ничего предосудительного не замечалось»¹.

Меры, принятые против возможного влияния мелких собственников дали своеобразный, но соответствующий интересам администрации результат. Мелкие собственники фактически игнорировали избирательные кампании и считали их для себя делом бесполезным. Правилom стала очень низкая явка на предварительные съезды. Участники таких съездов зачастую просто не имели права избрать хотя бы одного уполномоченного. Типичная ситуация сложилась в том же Богучарском уезде, когда на съезд мелкопоместных землевладельцев (категории менее 1/5 ценза) явилось всего два избирателя с общим земельным фондом собственности в 27 десятин. Между тем ценз в уезде составлял 250 десятин. Поэтому явившиеся избиратели не имели права избрать даже одного уполномоченного. И съезд был признан несостоявшимся².

А вот как подвела итоги избирательной кампании 1912 г. комиссия в Землянском уезде. На своем предварительном съезде дружно поработали священники. Из 78 настоятелей храмов на съезд явились 65, их ценза хватило для избрания 23 уполномоченных на общий съезд первой курии. Зато предварительные съезды мелких (менее полного ценза, но не менее 1/5 его) и очень мелких землевладельцев (менее 1/5 ценза) прошли исключительно вяло. На первый из них явилось всего 9 избирателей, сумевших избрать трех уполномоченных, а второй просто не состоялся из-за низкой явки. Таким образом, при общей численности избирателей предварительных съездов мелких собственников в 202 человека, в избирательном процессе приняли участия всего 9, а избрано 3 уполномоченных³. Установка правительства на крупных и средних собственников в целом успешно выдерживалась.

Сохранившиеся в архивах списки таких избирателей – интересный источник для исследователей социальной истории

¹ Там же. Оп. 1. Д. 1944. Л. 9.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Д. 1945. Л. 42-43.

России в предреволюционные годы. По спискам хорошо просматривается динамика экономической деградации дворянского сословия, ускорившейся в начале XX в. Видно, в частности, что мелких землевладельцев в уездах было в несколько раз больше, чем дворян, располагавших полным цензом. Скажем, в Богучарском уезде дворян с полным цензом было 36, а имевших не менее 1/5 – 112, имевших же менее 1/5 ценза насчитывалось 84 владельца. Списки показывают также, что во всех уездах мелкие землевладельцы демонстрировали исключительную пассивность в избирательном процессе. В том же Богучарском уезде из 196 мелких землевладельцев обеих категорий на предварительные съезды явилось всего 9 человек¹.

Вот типичный сценарий избирательного процесса. На предварительный съезд мелких землевладельцев, располагавших собственностью более 1/5 ценза, в Богучарском уезде пришли только 7 человек. Их общая земельная собственность составила 883,9 десятины. Поэтому их квота по избранию уполномоченных составила 3 человека. Они их благополучно и избрали. Землевладельцев же, у которых было меньше 50 десятин собственной земли, в уезде числилось 84. На свой предварительный съезд пришли, как сказано выше, только 2, поэтому выборы уполномоченных от второго предварительного съезда пришлось признать несостоявшимися. Мелкие землевладельцы, повторяем, фактически игнорировали выборы. Скажем, в Землянском уезде из 90 землевладельцев, имеющих менее 1/5 ценза на съезд явилось всего 4 человека². Понятно, что и от этой группы в уезде не мог быть избран ни один уполномоченный.

Зато духовенство участвовало в выборах организовано и сплоченно. В Богучарском уезде действовало 130 храмов. На предварительный съезд явилось 116 человек. Их общая земельная собственность давала возможность избрать 31 уполномоченного. Все они были благополучно избраны³. Понятно, что позиции духовенства сильно влияли на результаты голосования и, следовательно, на состав выборщиков. В том же Богучарском уезде

¹ Там же. Д. 1944. Л. 7.

² Там же. Д. 1945. Л. 29.

³ Там же. Д. 1944. Л. 3-7.

из пяти выборщиков, избранных от 1-ой курии, трое были священниками. А трое землевладельцев (А. Кравцов, Н. Тарарыков и П. Усиков), по словам уездного исправника, даже отказались от баллотировки и покинули собрание, оставшись, видимо, «весьма недовольными сплоченностью духовенства на выборах»¹.

Для кандидатов в депутаты от крестьян имущественный ценз не требовался. При наличии разных цензов кандидат имел право избираться в выборщики по той курии, которую считал для себя предпочтительной, но только в одной. Например, известный общественный деятель Е.П. Ковалевский был владельцем крупной земельной собственности в Бирюченском уезде и мог избираться в состав губернского собрания от первой курии. Но он предпочел баллотироваться в выборщики по списку 1 курии городских избирателей г. Бирюча, поскольку обладал еще и промысловым свидетельством 5 разряда. Предпочтения Ковалевского объяснялись просто: он выбрал ту курию, где был уверен в успехе. Так, собственно, и случилось. На 1-ом съезде городских избирателей г. Бирюча, проходившем 4 октября, из 35 присутствовавших 32 проголосовали за Ковалевского, 1 голос был свой (так во всех выборах в дореволюционной России учитывался голос самого кандидата) и только двое проголосовали против². Всего же список избирателей 1-й городской курии Бирюча насчитывал 76 владельцев крупной городской недвижимости, обладателей купеческих или промысловых свидетельств.

Воронежское губернское избирательное собрание по выбору депутатов III Государственной думы проходило 19 и 20 октября 1907 г. Большинство воронежских депутатов стояло на правомонархических или умеренно-либеральных позициях. Если в думах 1 и 2 созывов тон в группе воронежских депутатов задавали такие яркие либеральные личности как А.И. Шингарев, П.Я Ростовцев, А.Г. Хрущов или Д.А. Перелешин, то теперь в составе народных избранников доминировали вполне лояльные курсу Столыпина крупные землевладельцы Е.П. Ковалевский, А.И. Звегинцов, С.И. Шидловский.

¹ Там же. Л. 43.

² Там же. Д. 1941. Л. 5.

Избирательная кампания 1912 г. отличалась еще более заметной активизацией губернской администрации. Теперь административный и даже полицейский контроль был установлен уже на стадии отбора уполномоченных и выборщиков. Например, при обзоре состава священников, участвовавших в избирательном собрании первой курии Богучарского уезда, содержалась служебная информация следующего содержания: «Поведения и нравственных качеств хороших, под судом и следствием не состояли, и ни в чем предосудительном в политическом отношении не замечены. Правые, беспартийные». Лишь о священнике П.Д. Попове уездный исправник аккуратно написал: «Во время выборов в 3-ю Государственную думу считался сочувствующим идеям прогрессивных партий, но в последнее время заметно поправел, на настоящих выборах уполномоченных и перед ними, как это лично мне известно, агитировал среди священников исключительно за избрание правых»¹.

Губернское избирательное собрание по выборам в IV Государственную думу прошло в Воронеже 20 и 21 октября. В 12 часов дня (начало работы в полдень было специально оговорено законом) 20 октября собрание открыл губернский предводитель дворянства А.И. Алехин. После торжественного молебна был оглашен список явившихся выборщиков. В первый день прибыло на собрание 136 из 140 по общему списку. Во второй день к ним добавился еще один. Таким образом, явка оказалась очень высокой: отсутствовало всего 3 выборщика из 140.

Процедура выборов была весьма затяжной и даже изнурительной. По закону выборщикам сначала предстояло избрать четырех так называемых «обязательных» депутатов: одного от крестьянской курии, одного от курии частных землевладельцев, и по одному от каждой из городских курий. В первый день удалось выбрать только депутата от крестьян, или, по выражению закона, от уполномоченных волостей. Сначала предлагалось записками назвать кандидатов. В поданных записках было названо 30 человек. А затем уже баллотировочными шарами голосовали за каждого кандидата. Преимущество получал тот, за кого было подано относительно больше белых шаров. Шары

¹ Там же. Д. 1944. Л. 8.

клялись выборщиками в один из двух ящиков, стоящих рядом и накрытых для сохранения тайны покрывалом. Процедура затянулась до 1 часу ночи, а в итоге был избран Макар Корнеевич Котляров, крестьянин хутора Колбина Евстратовской волости Острогожского уезда, 39 лет, низшего образования. Себя он аттестовал как хлебопашец, придерживавшийся умеренно-правых, т.е. либерально-монархических политических позиций¹.

Во второй день дела пошли быстрее. От курии землевладельцев довольно быстро был избран депутатом А.И. Алехин, занимавший с 1904 г. весьма влиятельный пост губернского предводителя дворянства. Александр Иванович Алехин (кстати говоря, отец всемирно известного чемпиона мира по шахматам А.А. Алехина) был популярным деятелем, имел чин действительного статского советника и в служебной иерархии губернии занимал второе место после губернатора. На выборах его поддержало рекордное количество голосовавших (95). Больших осложнений его избрание не встретило.

Затем был избран «обязательный» депутат от 1-го съезда городских избирателей (т.е. от 1-ой городской курии). Без больших осложнений депутатом был избран Е.П. Ковалевский, обладавший в губернии немалым авторитетом. Он был представителем известной дворянской династии, его дед и полный тезка был в первые годы царствования Александра II министром народного просвещения. Сам Ковалевский уже был полный срок депутатом III Государственной Думы и проявил себя как деятельный защитник интересов Воронежской губернии. «Обязательным» депутатом от 2-го съезда городских избирателей был избран М.С. Акалелов, в молодости работавший учителем городского училища в г. Богучаре, а затем много лет трудившийся секретарем Богучарской городской управы. По политическим взглядам примыкал к октябристам, с 1913 г. вошел во фракцию земцев-октябристов².

Остальные 8 депутатов избирались общим составом. Были избраны священники Т.Д. Попов, Г.Т. Алферов, дворяне С.И. и Н.И. Шидловские, А.И. Звегинцов, М.И. Симонов, Г.А. Фирсов и В.И. Стемповский. По социальному составу: 1 крестьянин,

¹ Там же. Д. 1940. Л. 16.

² Государственная Дума Российской империи. 1906-1917. М., 2006. Т. 1. С. 17.

1 городской мещанин, 2 священника и 8 дворян, частных землевладельцев. Состав вполне предсказуемый. Точно также предсказуемым был и политический облик депутатов.

Так как же оценить результаты выборов? Как и было положено по закону, в составе оказался один «обязательный» крестьянин, один и тоже «обязательный» мещанин, два депутата представляли православное духовенство (Попов и Алферов), а восемь депутатов были дворянами, частными землевладельцами, в т.ч. один из них (А.И. Алехин) был избран как «обязательный». Как уже отмечено выше, дворянин и крупный землевладелец Бирюченского уезда Ковалевский предпочел баллотироваться как «обязательный» депутат, представлявший избирателей 1-й городской курии. Остальные депутаты (А.И. Звегинцов, В.И. Семпковский, братья С.И. и Н.И. Шидловские, Г.А. Фирсов и М.И. Симонов) были избраны от общего состава выборщиков. В этой группе Симонов был личным дворянином, все остальные – потомственными.

Вполне закономерным оказался и политический облик воронежских депутатов. Только двое из них (оба священника) объявили о своей принадлежности к правым, монархическим кругам, в том числе к печально известному «Союзу русского народа» (Т.Д. Попов). Зато все остальные депутаты объявили о своей близости к умеренным либералам. Большинство воронежских депутатов заявило о поддержке партии «Союз 17октября». Эта, руководимая А.И. Гучковым праволиберальная партия считала необходимым для целостности России сохранение сильной вертикали исполнительной власти во главе с монархом. Но столь же необходимым они считали функционирование законодательных палат (Государственной Думы и Государственного совета) при гарантиях определенных демократических свобод. Партия октябристов считала для себя возможным переход к умеренной и законной оппозиции, если находила, что в деятельности исполнительной власти имеются ошибки и отсутствует должная эффективность.

Наиболее влиятельными в группе воронежских депутатов были члены фракции земцев-октябристов, лидером которых был С.И. Шидловский, ставший в 1915 г. руководителем Прогрессивного блока. Это депутатское объединение повело в разгар мировой войны все более ожесточенную войну с правительством и, в конце

концов, добилось его политического крушения в результате Февральской революции 1917 г.

То, что воронежские дворяне предпочли отойти от безоговорочной поддержки самодержавного правительства, случайностью назвать нельзя. В последние десятилетия существования империи российское дворянство продолжало нести существенные экономические потери и довольно быстро деклассировалось. У дворян было слишком много причин для недовольства экономической политикой государства в последние десятилетия существования российской монархии. Образовательный же уровень дворянства сближал его с интеллигенцией, основная масса которой была в неизменной общественно-политической оппозиции по отношению к коронной власти. В годы мировой войны почти все воронежские депутаты вошли в так называемый Прогрессивный блок, развернувший в думе агитацию за создание правительства народного доверия. Только правительство, ответственное перед Государственной Думой, полагали воронежские депутаты, способно было обеспечить успешное ведение войны. Сам того не желая, своей оппозиционной политикой Прогрессивный блок способствовал почти полной общественно-политической изоляции власти Николая II в самые критические моменты тяжелой войны. Этот блок сыграл, таким образом, существенную роль в возникновении глубочайшего кризиса монархического режима на рубеже 1916-1917 гг. Итогом этого кризиса стало падение монархии и крушение традиционных основ русской государственности. Впрочем, разыгравшаяся вскоре за отречением царя революционная буря смела с политической сцены России и Государственную Думу. Трагичной оказалась и судьба большинства воронежских депутатов. Алехин умер во время Первой мировой войны, погиб на фронте Звегинцов, после революции ушли в эмиграцию С.И. Шидловский, Ковалевский и некоторые другие депутаты-дворяне. Судьба Котлярова и Акалелова осталась неизвестной. Установление же диктатуры пролетариата подвело черту под ранней историей отечественного парламентаризма.

Для заметок

**РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА в начале XX века**

XI МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
11-12 октября 2019 г., г. Орёл
Часть II

Под общей редакцией доктора исторических наук,
профессора Д. В. Аронова

ООО Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-1548.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Подписано в печать 12.11.2019 .09.2019. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. _____. Тираж 200 экз. Заказ № ____.

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru